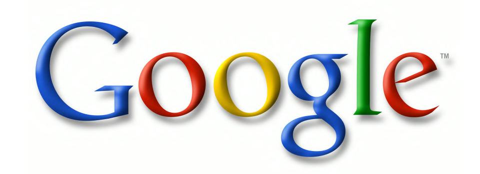
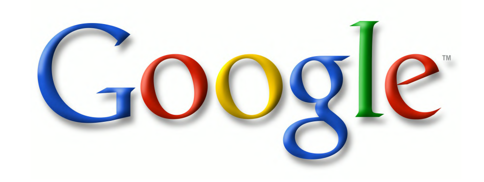

DC70
I5
f

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

К. ИНОСТРАНЦЕВЪ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫѢЗДЪ ФАТЫМИДСКИХЪ ХАЛИФОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Inostrantsev, K.

К. ИНОСТРАНЦЕВЪ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫѢЗДЪ ФАТЫМИДСКИХЪ ХАЛИФОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Іюнь 1905 г. Секретарь *В. Дружининъ*.

(ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ ВОСТОЧН. ОТДѢЛ. ИМП. РУССК. АРХЕОЛОГ. ОБЩ.“
ТОМЪ XVII).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ АВТОРА.

Окончивъ настоящую работу, считаю своимъ долгомъ выразить мою признательность учрежденіямъ и лицамъ, такъ либо иначе содѣйствовавшимъ ея появленію.

Благодаря любезности управленій Азіятскаго Музея, II-го Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ и Библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, я имѣлъ возможность пользоваться хранящимися тамъ книгами.

Редакція Записокъ Восточнаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Археологическаго Общества предложеніемъ напечатать мой трудъ на страницахъ своего изданія значительно облегчила мнѣ выполненіе его.

Особой-же благодарностью считаю себя обязаннымъ глубокоуважаемому профессору барону В. Р. Розену, не отказывавшему мнѣ никогда въ своихъ совѣтахъ и указаніяхъ.

I.

Введеніе.

Изученіе исторіи внѣшняго быта и искусства мусульманскаго Востока. Неразработанность фактическаго матеріала и методовъ. Вещественные и литературные источники. Обычный пріемъ обобщенія литературныхъ источниковъ. Необходимость монографическаго изученія. Особая важность литературнаго источниковѣдѣнія исторіи внѣшняго быта и искусства въ эпоху халифовъ. Группы литературныхъ памятниковъ. Пріемы работы надъ литературными источниками. Переводы внѣшне-бытовыхъ текстовъ и ихъ трудность: терминологія и коньектуральная критика, описанія предметовъ и пр. Пересказы описаній. – Преимущественный интересъ къ внѣшне-бытовымъ и художественнымъ даннымъ въ настоящей работѣ. Особая типичность Фатымидской эпохи. Разсказъ о Фатымидскомъ выѣздѣ у Макризи и источники его. Изученіе топографіи средневѣковаго Каира. Сходныя сообщенія Ибн-Тагри-бирди и Калькашанди. Составленіе церемоніальныхъ записей и характеръ нашего описанія. Типичность новогодняго выѣзда. Указанія текста на время окончательнаго сложенія церемоніала. Ближайшая цѣль нашей работы. Назначеніе приложеній. – Описаніе выѣзда Видарскаго султана у Аѳанасія Никитина.

Исторія внѣшняго быта и искусства мусульманскаго міра — одинъ изъ важныхъ отдѣловъ общей исторіи культуры этой части человѣчества— до недавняго времени привлекала къ себѣ весьма мало вниманія. Нѣкоторыя части ея, такъ или иначе связанныя съ тѣми областями научнаго востоковѣдѣнія, которыя считались болѣе важными, находили, разумѣется, интересовавшихся и занимавшихся ими; но эти занятія носили по преимуществу случайный и попутный характеръ. Лишь по расширеніи культурно-историческихъ работъ въ этой обширной области, была признана важность и этого отдѣла изученій. Однако, при небольшомъ числѣ востоковѣдовъ вообще, исторія внѣшняго быта и искусства мусульманскаго міра насчитываетъ и по сіе время немногихъ спеціалистовъ. Особенно это чувствуется въ первой части т. е. въ исторіи быта; исторія искусства, вслѣдствіе бо́льшей доступности для не-востоковѣдовъ по спеціальности т. е. для лицъ, незна-

комыхъ съ восточными языками, но могущихъ, однако, принести въ данномъ случаѣ существенную пользу (къ таковымъ мы относимъ такъ называемыхъ общихъ историковъ искусства, архитекторовъ и пр.), — располагаетъ бо́льшимъ количествомъ работниковъ. При этомъ нужно все же отмѣтить, что, разъ сознана важность данной научной дисциплины, даже ограниченное число занимающихся, не можетъ остановить начатаго дѣла. Постояннымъ побужденіемъ къ дальнѣйшей работѣ служатъ основныя сочиненія общаго культурно-историческаго характера, — къ таковымъ напр. принадлежитъ извѣстное классическое сочиненіе А. Кремера о культурной исторіи Востока въ эпоху халифовъ[1]), — намѣтившія рядъ вопросовъ, нуждающихся въ детальной разработкѣ.

При признаніи важности изученія исторіи внѣшняго быта и искусства, признаніи, возникшемъ благодаря расширенію культурно-историческихъ интересовъ, мы, кромѣ трудовъ общаго характера, располагаемъ уже цѣнными монографіями, освѣщающими ту либо иную, наиболѣе заслуживающую вниманія сторону[2]). Изъ болѣе раннихъ подобнаго рода монографій мы можемъ назвать напр. прекрасную работу о мусульманскихъ глиптикѣ и металлическихъ издѣліяхъ Ж. Рено[3]) или глоссарій арабскихъ одеждъ Р. Дози[4]), — оба сочиненія, кромѣ подробной разработки избранныхъ ими темъ, даютъ также интереснѣйшія сообщенія по исторіи быта, вѣрованій и пр. Изъ болѣе позднихъ работъ можно назвать — А. Шакка объ искусствѣ испанскихъ и сицилійскихъ арабовъ[5]), I. Карабацека о ткацкихъ издѣліяхъ на средневѣковомъ мусульманскомъ Востокѣ[6]), Ф. Шварцлозе объ оружіи до-мусульманскихъ арабовъ[7]) и др. При существованіи, однако, необозримаго матеріала, еще подлежащаго разработкѣ, эти прекрасныя монографіи должны быть названы лишь весьма рѣдкими

1) A. v. Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Wien, I, 1875, II, 1877

2) Библіографическія данныя можно найти въ «Матеріалахъ для библіографіи мусульманской археологіи. Изъ бумагъ бар. В. Г. Тизенгаузена», изданныхъ Я. И. Смирновымъ и мною въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія (цитуемыхъ далѣе подъ иниціалами ЗВО), т. XVI.

3) J. Reinaud, Monuments arabes, persans et turcs du cabinet de M. le duc de Blacas et d'autres cabinets, considérés et décrits d'après leurs rapports avec les croyances, les moeurs et l'histoire des nations musulmanes, I—II, Paris, 1828.

4) R. Dozy, Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes, Amsterdam, 1845.

5) A. F. Graf von Schack, Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien, I—II, Zweite Auflage, Stuttgart, 1877.

6) J. Karabacek, Die persische Nadelmalerei Susandschird. Ein Beitrag zur Entwickelungs-Geschichte der tapisserie de haute lisse, Leipzig, 1881.

7) F. W. Schwarzlose, Die Waffen der alten Araber aus ihren Dichtern dargestellt. Ein Beitrag zur arabischen Alterthumskunde, Synonymik und Lexicographie, Leipzig, 1886.

явленiями. Массѣ неразработаннаго фактическаго матерiала отвѣчаетъ также неразработанность прiемовъ, съ которыми должно изслѣдовать этотъ фактическiй матерiалъ. На этой сторонѣ дѣла стоитъ нѣсколько остановиться.

При всякомъ историческомъ изученiи прежде всего возникаетъ вопросъ объ источникахъ. Источники исторiи быта и искусства какой бы то ни было эпохи и какого бы то ни было народа, раздѣляются при первомъ же разсмотрѣнiи на двѣ обширныя группы—источниковъ вещественныхъ и литературныхъ [1]). Первая группа, вслѣдствiе опять таки бóльшей своей доступности, какъ вообще, такъ и въ нашемъ частномъ случаѣ изученiя мусульманскаго мiра, имѣетъ бóльшее количество работниковъ. При изученiи второй группы источниковъ необходимо обратиться къ изученiю письменныхъ памятниковъ, что требуетъ, разумѣется, предварительнаго знакомства съ тѣмъ языкомъ, на которомъ эти памятники написаны, т. е. въ нашемъ случаѣ нѣкотораго знакомства съ однимъ изъ языковъ мусульманскаго Востока. Могущихъ отвѣтить этому требованiю всегда было очень немного. Наша работа, однако, входитъ именно въ эту область *литературнаго источниковѣдѣнiя исторiи внѣшняго быта и искусства мусульманскаго Востока.* Поэтому, на эту сторону дѣла намъ нужно обратить преимущественное вниманiе.

Въ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ трудахъ по исторiи быта въ русской исторической литературѣ — въ сочиненiи И. Е. Забѣлина [2]) о домашнемъ бытѣ Московскихъ царей и въ сочиненiи Д. Ѳ. Бѣляева [3]) о прiемахъ и выходахъ Византiйскихъ василевсовъ — были высказаны нѣкоторыя, касающiяся работъ подобнаго рода мысли, упомянуть которыя здѣсь своевременно. Отмѣчаемъ слѣдующiя соображенiя И. Е. Забѣлина (стр. XIII), касающiяся общихъ прiемовъ разработки бытовой исторiи. «Обыкновенный способъ обработки бытовой исторiи», пишетъ онъ: «заключается въ томъ, что разновременные, разномѣстные и разносословные бытовые факты сводятъ подъ извѣстное оглавленiе и такимъ образомъ составляютъ разсказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни. При

---

1) Въ этомъ отношенiи художественно-бытовыя занятiя особенно важны для исторической методики, давая возможность данныя литературныя провѣрять данными вещественными и обратно, чего въ остальныхъ областяхъ исторической науки мы сдѣлать не можемъ. На эту важность указалъ еще въ 1878 г. выдающiйся русскiй историкъ А. Г. Брикнеръ—«Недостаточное развитiе этой отрасли исторической науки объясняется отсутствiемъ точныхъ понятiй о теорiи исторiи, о предѣлахъ, предметахъ и прiемахъ исторiи». (Труды III Археологическаго съѣзда, I, Кiевъ, 1878, стр. 41).

2) И. Е. Забѣлинъ, Домашнiй бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст., 3-ье изданiе, Москва, 1895.

3) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Ежедневные прiемы Византiйскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софiи въ IX—X вв. (Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, новая серiя, т. VI), СПБ. 1892.

первоначальныхъ работахъ такой способъ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ обобщеніемъ фактовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ или долженъ представлять какъ бы общую черту, не выясняя однакожъ того или другаго общаго типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа въ извѣстный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема. Намъ кажется, что этимъ способомъ мы едва ли получимъ надлежащее, истинное понятіе о свойствахъ и типическомъ характерѣ прожитой жизни, что изслѣдованія наши мы начинаемъ съ конца, а не съ начала, ибо составляемъ характеристику общаго типа въ то время, когда намъ вовсе неизвѣстны типы частные, къ которымъ всегда относится самая наибольшая часть собираемыхъ нами фактовъ и *общее* которыхъ, одно оно, только и можетъ характеризовать общій типъ народной жизни. Поэтому, намъ кажется, мы должны остановить свое вниманіе прежде всего на изученіи этихъ частныхъ типовъ, мы должны непремѣнно раскрыть ихъ, если бы и не были они замѣтны на первый поверхностный взглядъ»[1]). Въ томъ же духѣ высказался и Д. Ѳ. Бѣляевъ (стр. 5) отмѣтившій, что смѣшеніе всѣхъ эпохъ въ одну общую эпоху приводитъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ, что при разсмотрѣніи того или другого бытового явленія всегда необходимо имѣть въ виду время, къ которому оно относится

---

1) Приводимъ еще нѣсколько цитатъ изъ той-же книги, вполнѣ отвѣчающихъ нашей точкѣ зрѣнія. «Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ. Требуется особенное вниманіе и страшно копотливая работа только для того, чтобы собрать въ одно мѣсто необходимый матеріалъ... Но еще труднѣе дать этому матеріалу научную форму, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы облегчить послѣдующія работы, т. е. разобрать, распредѣлить этотъ матеріалъ, связать въ одно научное цѣлое, чтобъ самъ онъ, помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорилъ заключительное слово, т. е. научный выводъ, результатъ изслѣдованія. Все это представляетъ неимовѣрныя трудности особенно по той причинѣ, что какъ ни велико множество матеріаловъ этого рода, оно все-таки отличается замѣчательною неполнотою. Вы ежеминутно встрѣчаете пробѣлы, самые мелочные, но однакожъ такіе, которые затрудняютъ дѣло до невѣроятности. Добросовѣстное отношеніе къ фактамъ не позволяетъ вамъ двинуться съ мѣста по случаю такихъ пробѣловъ и работа при всемъ вашемъ усиліи не достигаетъ этого желаннаго заключительнаго слова» (стр. XII—XIII). Когда «будутъ раскрыты частные типы, то общій типъ народной жизни не замедлитъ раскрыться самъ собою и только тогда будутъ возможны полныя и вѣрныя характеристики не только частныхъ, но и общественныхъ формъ народнаго быта» (стр. XVI). «Въ мелочахъ яснѣе и полнѣе раскрываются свойства каждаго предмета, а тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о характеристикѣ человѣческаго быта, о характеристикѣ нравовъ, обычаевъ, домашнихъ положеній и условій жизни... Мелочи старой жизни кладутъ краски и тѣни въ нашихъ представленіяхъ объ историческомъ бытѣ народа, образуютъ, если можно такъ сказать колоритъ въ исторической картинѣ, и во всякомъ случаѣ ничто такъ не способствуетъ образованію наиболѣе вѣрнаго, правильнаго взгляда на прошедшее, какъ эти мелочи, которыя иногда одною чертою разсказываютъ несравненно больше, чѣмъ цѣлое изслѣдованіе... Читатель гораздо больше прочтетъ между строками, какъ это всегда бываетъ при чтеніи сборника бытовыхъ фактовъ» (стр. XIX).

и что чѣмъ тѣснѣе будетъ періодъ времени, къ которому мы отнесемъ данное въ источникѣ бытовое явленіе, тѣмъ будетъ вѣрнѣе.

Эти теоретическія соображенія вполнѣ примѣнимы и къ исторіи быта мусульманскаго Востока, въ частности той эпохи, которая имѣетъ особое значеніе въ нашемъ случаѣ. Эпоха халифата, эпоха, прибавимъ, наиболѣе сильнаго сліянія бытовыхъ формъ, какое, можетъ быть, знала мусульманская культура за все время своего существованія,—нашла блестящее обобщеніе въ вышеупомянутомъ трудѣ А. Кремера. Здѣсь, изъ богатаго и разнообразнаго собранія литературныхъ источниковъ, была дана соотвѣтствующая бытовая картина, за которую, какъ и за многое другое, это сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ названіе классическаго. Но вслѣдъ за появленіемъ его, тотчасъ же возникла необходимость детальнаго изученія затронутыхъ въ немъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ этимъ, сплошь да рядомъ, иное освѣщеніе ихъ, иногда даже полная перестановка. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта задача уже выполняется; въ отношеніи же исторіи внѣшняго быта и искусства мы до сего времени такихъ работъ не имѣемъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно установить, коснувшись общихъ задачъ интересующей насъ научной дисциплины.

Итакъ, признавъ детальное, монографическое изученіе — единственно возможнымъ и должнымъ при занятіяхъ литературнымъ источниковѣдѣніемъ исторіи быта и искусства въ эпоху халифатовъ, мы должны обратиться къ тѣмъ особенностямъ, которыя представляетъ это изученіе въ данномъ случаѣ. Въ особенно благопріятныхъ условіяхъ находятся занятія тогда, когда матеріалъ вещественный и матеріалъ литературный имѣются въ одинаковой полнотѣ и изслѣдователь можетъ данныя одной части источниковъ пояснять данными другой. До насъ уже было, однако, указано[1]), что вещественныхъ памятниковъ искусства и быта мусульманскаго средневѣковья имѣется въ нашемъ распоряженіи далеко не въ изобиліи (сравнительно конечно)[2]). Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ болѣе важное значеніе пріобрѣтаютъ въ такомъ случаѣ памятники литературные[3]), хотя тѣмъ сложнѣе представ-

---

1) Karabacek, Susandschird, 1: «Denkmäler der vergangenen Kunstepochen des saracenischen Mittelalters gehören überhaupt zu den Seltenheiten».

2) Сводъ этимъ вещественнымъ памятникамъ, особенно по отношенію къ средневѣковому Египту, данъ въ книгѣ Stanley Lane Poole, The art of the Saracens in Egypt, London, 1886. Тутъ же имѣются нѣкоторыя сопоставленія вещественныхъ данныхъ съ литературными.

3) Аналогичное заявленіе относительно памятниковъ карловингскаго искусства дѣлаетъ J. Schlosser, Beiträge zur Kunstgeschichte aus den Schriftquellen des frühen Mittelalters, Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften, B. 123, Wien, 1891, ss. 1—2. При отсутствіи вещественныхъ памятниковъ, онъ указываетъ на Quellenforschung.

ляется работа надъ ними. Эпоха халифатовъ, во многихъ отношеніяхъ являющаяся наилучше разработанной изъ всѣхъ эпохъ исторіи Ислама, въ этомъ отношеніи представляетъ большія затрудненія для занимающихся ею. Считаясь, однако, съ существующимъ положеніемъ матеріаловъ, необходимо обратить особое вниманіе на характеръ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ и, при возможности опредѣлить различныя ихъ группы, указать методъ, который можно избрать въ томъ или иномъ случаѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ разъясненію этихъ вопросовъ, мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на соотвѣтствующемъ изученіи литературнаго источниковѣдѣнія исторіи искусства западно-европейскаго средневѣковья. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой стороны дѣла проф. Ю. Шлоссеръ, выпустившій особую хрестоматію, заключающую въ себѣ рядъ текстовъ по исторіи средневѣковаго искусства[1]), попытался во введеніи къ этой книгѣ дать классификацію этихъ текстовъ (стр. VIII слѣд.). Изъ его перечисленій мы можемъ убѣдиться въ значительномъ богатствѣ и разнообразіи источниковъ для исторіи европейскаго искусства въ письменныхъ памятникахъ. Раздѣливъ всю обширную литературу на три главныя группы — теоретическихъ, историческихъ и эстетическихъ сочиненій, онъ перечисляетъ различные виды художественно-историческихъ описаній, среди которыхъ мы находимъ и особаго рода надписи къ произведеніямъ искусства, и описанія художественныхъ издѣлій въ поэзіи, и таковыя же описанія въ историческихъ трудахъ, и инвентари[2]), и особыя монографіи о выдающихся памятникахъ, и итинераріи, и топографическія описанія и пр. Подобная классификація является возможной уже при разобранномъ и ясномъ матеріалѣ.

Обращаясь къ литературнымъ источникамъ исторіи быта и искусства въ эпоху халифатовъ т. е. преимущественно къ памятникамъ арабской литературы, мы не только не можемъ дать подобнаго рода классификаціи, но должны констатировать полную неразобранность источниковъ въ этомъ отношеніи. Всѣ извлеченія, которыми мы можемъ въ настоящее время пользоваться, относятся почти исключительно къ одному виду литературныхъ

---

1) J. Schlosser, Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters; ausgewählte Texte des vierten bis fünfzehnten Jahrhunderts, Wien, 1896. (VII Band въ серіи Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit, Neue Folge, касающейся западноевропейскаго искусства и весьма интересной съ точки зрѣнія литературнаго источниковѣдѣнія).

2) Относительно этого богатѣйшаго отдѣла литературнаго источниковѣдѣнія имѣется въ настоящее время большой трехтомный трудъ Mély et Bishop, Bibliographie générale des inventaires imprimés, Paris, 1894, гдѣ, конечно, говорится лишь объ европейскихъ инвентаряхъ.

памятниковъ — именно къ сочиненіямъ историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Выписки дѣлались почти исключительно изъ лѣтописей и другихъ историческихъ сочиненій, иногда даже безъ приведенія текста; въ цѣляхъ же объясненія къ отдѣльнымъ словамъ сообщались лексическія данныя. Далѣе этого изученіе не шло. Кромѣ того, среди этой группы историческихъ сочиненій не были указываемы и особо выдѣляемы тѣ изъ нихъ, которыя даютъ сравнительно съ другими болѣе богатый матеріалъ и не были отмѣчаемы такія, которыя ничего не даютъ въ этомъ отношеніи[1]). Наконецъ, матеріалъ историко-художественный не отдѣлялся, поскольку это возможно, отъ матеріала историко-бытового. Всѣ эти задачи предоставлены рѣшенію будущаго. При всемъ томъ нельзя сказать, что мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи матеріаловъ по внѣшне-бытовой и художественной исторіи мусульманскаго Востока, доступныхъ и для не-востоковѣдовъ. Среди собранія подобнаго рода матеріаловъ, несомнѣнно на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены капитальные труды знаменитаго французскаго оріенталиста Э. Катрмера объ исторіи монголовъ въ Персіи[2]) и объ исторіи Мамлюкскихъ султановъ въ Египтѣ[3]). Согласно господствовавшимъ въ его время пріемамъ работы[4]), Катрмеръ собралъ, исключительно въ примѣчаніяхъ къ даннымъ имъ переводамъ историческихъ текстовъ, рядъ цѣнныхъ выписокъ изъ различныхъ мусульманскихъ историковъ; тутъ идетъ дѣло о различныхъ памятникахъ быта и искусства, могущихъ дать разнообразные и богатые матеріалы занимающимся въ этой области. Необходимо отмѣтить, однако, что пользованіе этими сочиненіями затруднено до чрезвычайности — не только не имѣется никакихъ указателей, но даже оглавленія, которое хотя немного помогло бы оріентироваться. Чтобы узнать — какіе матеріалы имѣются въ этихъ книгахъ, нужно внимательно просмотрѣть ихъ съ начала до конца.

Другіе литературные источники, кромѣ собственно-историческихъ сочиненій, почти совершенно не были затронуты. Даже не выяснено, имѣются-ли въ иного рода источникахъ матеріалы для этой стороны дѣла[5]).

---

1) Нѣкоторыя замѣчанія въ этомъ отношеніи относительно западноевропейскихъ лѣтописей см. у Schlosser, Quellenbuch, XVII.

2) E. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, I, Paris, 1836.

3) E. Quatremère, Histoire des sultans Mamlouks de l'Egypte, Paris, I, 1, 1837, I, 2, 1840, II, 1, 1842, II, 2, 1845.

4) Объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ въ отношеніи къ теоретическимъ вопросамъ разработки исторіи быта и искусства по литературнымъ даннымъ см. интересную статью французскаго историка Ch. Langlois, Les travaux sur l'histoire de la société française au moyen âge d'après les sources littéraires, Revue Historique, t. 63, 1897, pp. 241—266. Ср. его-же, La société française au XIII-me siècle d'après dix romans d'aventure, Paris, 1904, Introduction.

5) Сравнительной извѣстностью пользуется такъ называемый «инвентарь Мустансыра»—напр. Stanley Lane Poole, o. c. 10. Но это собственно не настоящій инвентарь,

Конечно, и въ историческихъ сочиненіяхъ мы можемъ найти еще очень много неиспользованныхъ и совершенно неизвѣстныхъ свѣдѣній.

Установивъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ существованіе различныхъ группъ среди литературныхъ источниковъ бытовой и художественной исторіи, намъ нужно также опредѣлить тѣ пріемы, при помощи которыхъ можно использовать эти источники. Здѣсь прежде всего представляются двѣ точки зрѣнія — можно руководствоваться даннымъ бытовымъ или художественнымъ явленіемъ и можно руководствоваться даннымъ историческимъ текстомъ. Въ первомъ случаѣ, изъ ряда источниковъ — хотя бы сходнаго содержанія, напр. лѣтописей — выбирается все, имѣющее отношеніе къ данному бытовому или художественному факту. Во второмъ случаѣ, выбираются всѣ бытовые и художественные факты изъ даннаго литературнаго источника. Къ этому-же случаю относится и переводъ того или иного рода текста. Обращаясь теперь къ исторіи мусульманскаго Востока, мы, въ немногихъ работахъ историко-бытового и историко-художественнаго содержанія, находимъ примѣненія обоихъ пріемовъ (напр. перваго — въ вышеприведенномъ глоссаріи Дози, второго — въ пересказѣ Катрмера такъ называемаго «инвентаря Мустансыра»). Нужно, однако, отмѣтить, что все-же значительно бо́льшее количество работъ приходится отнести къ первой группѣ. Переводовъ, особенно критическихъ, снабженныхъ комментаріями, доказывающими ту либо иную точку зрѣнія на текстъ, мы, можно сказать, вовсе не имѣемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются и должны имѣть мѣсто пересказы текстовъ, о чемъ, впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай говорить далѣе.

На вопросѣ о переводахъ такъ называемыхъ «реальныхъ», т. е. внѣшне-бытовыхъ текстовъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться, такъ какъ наша тема принадлежитъ именно къ этой группѣ. Выше мы уже приводили мнѣніе одного изъ знатоковъ въ обращеніи съ подобнаго рода матеріалами и здѣсь только отмѣтимъ, что его слова относились собственно къ русскимъ источникамъ. Когда-же приходится работать съ источниками иноязычными,

---

а лишь перечисленіе главнѣйшихъ предметовъ, расхищенныхъ при Мустансырѣ изъ халифской казны. Это перечисленіе включено въ тѣ главы Макризи, которыя касаются сокровищницъ Фатымидовъ и были пересказаны въ свое время Quatremère'омъ (въ Mémoires géographiques et historiques sur l'Egypte). Мы, въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ къ переведенному нами тексту, использовали эти главы Макризи. Интересная опись имущества вельможи Аббасидской эпохи сохранилась у Якута—см. Jâcûts geographisches Wörterbuch, hsg. von F. Wüstenfeld, II, ٩١٧,٢٠ — ٩١٨,٢٠ (арабскій текстъ) и C. Barbier de Meynard, Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse, Paris, 1861, 241 (французскій переводъ; замѣтимъ однако, что какъ въ предметахъ, такъ и въ числахъ, текстъ изданія и текстъ перевода весьма различны). Эта опись относится къ халифату Муктадира, къ 301 г. Х. (913–914 по Р. Х.).

дѣло, разумѣется, еще болѣе усложняется. Къ этому позволимъ себѣ добавить, что подобная работа надъ восточными текстами еще значительно труднѣе, чѣмъ подобное-же изслѣдованіе текста, написаннаго хотя-бы на одномъ изъ классическихъ языковъ: оставляя даже въ сторонѣ бо́льшую графическую и грамматическую трудность, приходится считаться съ отсутствіемъ необходимыхъ для облегченія работы пособій. Всегда нужно имѣть въ виду то, что цѣлый рядъ такъ называемыхъ вспомогательныхъ историческихъ знаній совершенно не разработанъ въ исторіи Востока и что, вслѣдствіе этого, приходится иногда останавливаться надъ вопросами, которые, при иныхъ условіяхъ, сравнительно легко могли-бы быть разрѣшены. Переходя далѣе къ пріемамъ работы надъ внѣшне-бытовыми текстами, мы не будемъ долго останавливаться надъ этимъ вопросомъ въ виду того, что эти пріемы ничѣмъ существенно не отличаются отъ пріемовъ обыкновенныхъ научныхъ переводовъ. Намѣтимъ лишь нѣкоторыя типичныя черты. Необходимо на первый планъ выставить громадное значеніе *терминологіи*. При чтеніи подобныхъ текстовъ, бытовые и художественные термины являются самымъ главнымъ препятствіемъ. Даже наличность необходимыхъ пособій — нахожденіе даннаго слова въ какомъ-нибудь словарѣ, предложенное уже кѣмъ-нибудь на основаніи другого текста значеніе и пр., — все это иногда не можетъ помочь дѣлу. Вопреки обычной работѣ надъ переводами, тутъ не помогаетъ и контекстъ. Приходится подъискивать мѣста, гдѣ это слово упомянуто въ подобномъ же значеніи; для этого-же надо выйти за предѣлы даннаго текста, иногда и даннаго сочиненія. Кромѣ того, тотъ путь, которымъ дошли до насъ эти термины, сложенъ и опасенъ. Культурныя названія сплошь да рядомъ заимствуются изъ чужихъ языковъ; воспринимаются народомъ въ измѣненномъ видѣ; опять-таки иначе заносятся въ письменность. Орѳографическая устойчивость подобныхъ словъ принадлежитъ къ разряду наиболѣе шаткихъ. У самого автора какого-нибудь сочиненія внѣшне-бытовой терминъ можетъ быть ошибочно записанъ, какъ вслѣдствіе простой, наиболѣе возможной въ данномъ случаѣ ошибки, такъ и вслѣдствіе вышеупомянутой орѳографической неустойчивости. Переходя отъ переписчика къ переписчику, терминъ можетъ измѣниться до полной неузнаваемости, при чемъ современный ученый, при разборѣ текста, очень часто совершенно не можетъ сказать — имѣетъ-ли онъ дѣло съ различной системой начертанія, или съ ошибкой. О порчѣ начертанія при перепискѣ мы распространяться не будемъ—это слишкомъ обычный фактъ для текстовъ не только внѣшне-бытового содержанія. Для возстановленія истиннаго смысла непонятнаго слова представляется одинъ путь—*конъектура*, и тутъ работа надъ этими текстами вступаетъ въ наиболѣе сложныя

условія. Коньектуральная критика, требующая особой осторожности въ примѣненіи и заслуженно вызывающая иногда скептическое къ себѣ отношеніе, полновластна во внѣшне-бытовыхъ текстахъ. Какъ пониманіе термина изъ сопоставленія аналогичныхъ мѣстъ, такъ и коньектура его, являются необходимымъ спутникомъ чтенія внѣшне-бытовыхъ текстовъ не только рукописныхъ, но и изданныхъ, и при томъ изданныхъ критически. Ничто не затрудняетъ такъ издателя какъ термины; болѣе-же всего, думаемъ мы, именно термины внѣшне-бытовые, такъ какъ ихъ, при крайнемъ разнообразіи, не найти ни на какой картѣ, весьма рѣдко—въ спеціальныхъ глоссаріяхъ. Въ послѣдующемъ мы будемъ имѣть неоднократно случай представить этому фактическія доказательства. Но не одна только терминологія представляетъ затрудненія при чтеніи внѣшне-бытовыхъ текстовъ; случается, что при ясности грамматическаго строя и значенія терминовъ, смыслъ фразы все же остается непонятенъ. Мы разумѣемъ — *описаніе предметовъ*. Когда не удовлетворяющее насъ описаніе можетъ быть провѣрено и дополнено самимъ описываемымъ или сходнымъ съ нимъ предметомъ, тогда особыя затрудненія устраняются. Но, при сравнительной рѣдкости самихъ вещей, постоянно приходится имѣть дѣло лишь съ одними описаніями. Въ такомъ случаѣ, во-первыхъ можетъ быть неудовлетворительно самое описаніе, потому что текстъ сплошь да рядомъ недостаточно точно и подробно описываетъ предметъ, который какъ могъ быть плохо понятъ описывавшимъ авторомъ, такъ и казаться слишкомъ обычнымъ и извѣстнымъ для того, чтобы заслуживать подробнаго описанія. Во вторыхъ, затрудненіе можетъ встрѣтиться въ самомъ переводчикѣ—бываетъ трудно, оторвавшись, такъ сказать, отъ текста, мысленно возстановить предметъ, который никогда не былъ передъ глазами. Мы не будемъ останавливаться на иныхъ трудностяхъ подобныхъ внѣшне-бытовыхъ описаній: неудовлетворительномъ состояніи текста, гиперболичности числовыхъ данныхъ, невыясненности метрологіи и пр. Въ дальнѣйшей нашей работѣ мы будемъ неоднократно встрѣчать примѣры затрудненій подобнаго рода.

Въ цѣляхъ опредѣленія различныхъ видовъ работы надъ внѣшне-бытовыми текстами, мы можемъ указать, что рядомъ съ наиболѣе желательнымъ видомъ работы, критическимъ переводомъ, такое же право на существованіе имѣетъ и пересказъ описаній. Дѣло въ томъ, что иногда, мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія, причемъ, однако, безразлично въ рукописи или въ печати, состояніе текста не даетъ намъ возможности, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ недостатковъ, установить точно смыслъ всего текста. Въ такомъ случаѣ, въ ожиданіи свѣрки рукописей или новаго, критическаго изданія, работы, за которую приняться по чему-либо не удобно, можно

все-же, думается намъ, пользоваться доступными мѣстами текста въ цѣляхъ вспомогательныхъ. При этомъ, конечно, всегда желательно возвращеніе къ пересказаннымъ текстамъ съ тѣмъ, чтобы, уже въ лучшихъ условіяхъ, дать переводъ ихъ.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ соображенія о пріемахъ работы надъ внѣшне-бытовыми текстами, которыя мы считали необходимымъ высказать прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ задачъ нашей работы. Сущность ея, впрочемъ, уже уясняется и изъ этихъ соображеній. Нашъ трудъ, посвященный литературному источниковѣдѣнію, является въ основаніи переводомъ и пересказомъ внѣшне-бытовыхъ текстовъ.

Главное содержаніе нашей работы—переводъ текста, описывающаго торжественный выѣздъ Фатымидскихъ халифовъ. Передъ нами, такимъ образомъ, опредѣленная историческая эпоха. Поэтому, могло бы казаться, что избравшій эту тему является, какъ то обыкновенно бываетъ при историческомъ изученіи, спеціалистомъ по исторіи Египта (хотя бы средневѣковаго мусульманскаго) или Фатымидовъ[1]). Мы въ самомъ началѣ должны оговориться, что подошли къ этой темѣ съ совсѣмъ иной стороны. Насъ, въ данномъ случаѣ, интересовали не тѣ или иныя измѣненія въ жизни мусульманскаго Египта, равно какъ и не историческія судьбы Фатымидовъ, а лишь явленія, имѣющія отношенія къ исторіи внѣшне-бытовыхъ или художественныхъ фактовъ средневѣковой мусульманской культуры. Не отрицая того, что въ частныхъ случаяхъ намъ постоянно приходится считаться съ ограниченными мѣстными и временными условіями, мы все же указываемъ, что съ общей точки зрѣнія исходили не изъ интересовъ областной исторіи, а изъ интересовъ опредѣленнаго отдѣла историческаго изученія. При этомъ, конечно, возникаетъ вопросъ—въ какой мѣрѣ можно въ различныхъ отношеніяхъ разсматривать мусульманскую культуру какъ нѣчто цѣлое, но вопросъ этотъ имѣетъ настолько общій характеръ и настолько обширенъ, что мы не считаемъ себя обязанными отвѣчать на него; замѣтимъ лишь, что какъ общая точка зрѣнія, такъ и спеціальныя работы въ нашей области, установили признанный фактъ — культурную общность всего мусульманскаго міра[2]).

---

1) Исторіи Фатымидовъ, кромѣ соотвѣтствующихъ главъ въ общихъ исторіяхъ Ислама, посвящены монографическія работы — F. Wüstenfeld, Geschichte der Fatimiden-Chalifen (Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, B. 26 — 27), Göttingen, 1881 и главы IV—VI (pp. 92—190) книги Stanley Lane Poole, A History of Egypt in the middle ages, London, 1901.

2) На такой точкѣ зрѣнія въ изученіи мусульманскаго искусства стоитъ напр. J. Franz-Pascha, Die Baukunst des Islam, 2-te Auflage, Darmstadt, 1896, разсматривающій

Тотъ фактъ, что у насъ имѣется описаніе торжественнаго выѣзда изъ эпохи Фатымидовъ, объясняется, въ значительной мѣрѣ, случайностью, — нашлись авторы, которые описали выѣздъ на основаніи болѣе раннихъ источниковъ и сочиненія которыхъ дошли до насъ. Но нельзя не отмѣтить, что именно Фатымидская эпоха особенно интересна съ той точки зрѣнія, съ которой мы приступаемъ къ разсмотрѣнію текста[1]). Шіитская, т. е. еретическая съ точки зрѣнія правовѣрнаго Ислама, не имѣющая давнихъ и прочныхъ традицій, въ сравнительно короткое время достигшая весьма большой политической силы, Фатымидская династія чрезвычайно выиграла въ географическомъ положеніи, занявъ Египетъ, одну изъ главныхъ, центральныхъ частей мусульманскаго міра. Именно для внѣшней обстановки власти, Египетъ, какъ центръ торговой и промышленной жизни[2]), долженъ былъ дать очень много. Стекавшіеся со всего извѣстнаго тогда міра предметы ремеслъ и художествъ должны были входить въ бытовую обстановку самихъ халифовъ и окружавшей ихъ знати. Роскошная обстановка двора являлась однимъ изъ средствъ для того, чтобы импонировать въ общемъ враждебно настроенному населенію. Сокровищницы халифовъ наполнялись не только благодаря торговлѣ; значительную роль тутъ играли и внѣшнія политическія отношенія. Можно предполагать на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній, что не безъ пользы для обогащенія Фатымидской казны еще до завоеванія Египта предпринимались и нѣкоторыя экспедиціи Карматовъ, такихъ-же еретиковъ и союзниковъ Фатымидовъ. Благодаря всему этому, мы разсматриваемъ внѣшнюю обстановку Каирскаго халифата, особенно ту сторону ея, которая относится къ предметамъ роскоши,—какъ смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ по происхожденію предметовъ искусства и ремесла, въ громадномъ количествѣ, конечно, сдѣланныхъ въ мастерскихъ мусульманскаго міра.

единую мусульманскую архитектуру, съ раздѣленіемъ ея на рядъ группъ или стилей (см. ss. 78—79). Наоборотъ, сочиненія объ искусствѣ по областямъ, напр. вышеупомянутая работа Stanley Lane Poole'а, при научныхъ объясненіяхъ, должны обращаться къ сравненіямъ изъ другихъ областей мусульманскаго искусства, такъ какъ безъ этого частности не будутъ понятны.

1) Оцѣнка египетской культуры въ эпоху Фатымидовъ до сихъ поръ не можетъ считаться завершенной—въ то время какъ напр. Th. Nöldeke, Orientalische Skizzen, Berlin, 1892, 3 считаетъ эту культуру очень высокой, историкъ средневѣковаго Египта Stanley Lane Poole, History, 117—118, 186, 188—относится отрицательно къ культурнымъ успѣхамъ за это время (кромѣ искусства, 188—189).

2) Въ этомъ отношеніи рядъ интереснѣйшихъ указаній можно найти въ капитальномъ трудѣ W. Heyd, Histoire du commerce du Levant au moyen âge, Leipzig, 1886, I—II. По вопросу о бытовомъ воздѣйствіи мусульманскаго Востока на Западную Европу много данныхъ собрано у H. Prutz, Culturgeschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1883.

Извѣстіями о богатствѣ Фатымидской казны востоковѣды обязаны, главнымъ образомъ, тѣмъ подробнымъ сообщеніямъ, которыя далъ арабскій писатель XIV — XV вв., проживші́й большую часть жизни въ Египтѣ, исторіей котораго онъ главнымъ образомъ интересовался — Макризи (766 — 845; 1364 — 1442)[1]). Его обширный трудъ (одинъ изъ многихъ другихъ), озаглавленный كتاب المواعظ و الاعتبار فى ذكر الخطط و الآثار и посвященный исторіи и географіи Египта, даетъ массу матеріаловъ, до сихъ поръ въ значительномъ количествѣ не использованныхъ, хотя этотъ трудъ Макризи былъ извѣстенъ уже съ давнихъ поръ. Сочиненіе это, имѣющееся въ значительномъ количествѣ рукописей, было уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ издано въ Булакѣ (1270 Х.; 1853—1854 по Р. Х.) и послѣ того изъ него неоднократно дѣлались извлеченія, но многое еще осталось неиспользованнымъ. Изданіе, какъ почти всѣ восточныя изданія (за исключеніемъ бейрутскихъ), вовсе не критическое и требуетъ для пользованья имъ привычки. Новое, критическое изданіе во многихъ вопросахъ пониманія текста оказывается совершенно необходимымъ; однако, врядъ-ли можно скоро на это разсчитывать, — согласно обычаю, разъ изданное долго ждетъ переизданія. Что касается далѣе до полнаго перевода этого сочиненія, то эта работа потребовала бы многихъ лѣтъ, такъ какъ при наличности Булакскаго изданія, безъ сличенія съ рукописями, справиться со всей этой работой, по нашему мнѣнію, невозможно[2]). Вслѣдствіе разнообразія затронутыхъ Макризи спеціальныхъ вопросовъ, наиболѣе правильный, съ нашей точки зрѣнія, путь—это путь отдѣльныхъ комментированныхъ переводовъ частей сочиненія. Этому принципу слѣдовали мы въ настоящей работѣ, положивъ въ основаніе ея именно извѣстіе Макризи объ одномъ изъ выѣздовъ Фатымидскихъ халифовъ. Относящихся къ церемоніалу описаній очень много у Макризи,—пестрой вереницей тянутся передъ нами различныя описанія пріемовъ, общественныхъ молитвъ и выѣздовъ, пересыпанныя спеціальными топографическими и бытовыми терминами. Разобраться въ одномъ изъ описаній бываетъ возможно тогда, когда есть предварительно знакомство со всѣми ими. Читатель нашего перевода увидитъ, если будетъ знакомиться съ нашими примѣчаніями, что, въ цѣляхъ комментарія, мы должны были проштудировать всѣ имѣющіяся у Мак-

1) О немъ и его сочиненіяхъ см. C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, II, 1902, 38—41.

2) Переводъ, далеко не полный, U. Bouriant, Maqrizi, Description topographique et historique de l'Egypte, Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique au Caire, t. XVII, Pp. I — II, Paris, 1895—1900, не затронулъ интересующихъ насъ внѣшне-бытовыхъ текстовъ.

ризи сообщенія о Фатымидскомъ церемоніалѣ. Только такимъ путемъ оказалось возможнымъ дать посильный отвѣтъ на рядъ вопросовъ.

Какъ нашъ текстъ (см. ниже прим. 1 къ переводу), такъ и многія другія сообщенія Макризи, основаны на сочиненіяхъ, большая часть которыхъ не дошла до насъ; трудъ Макризи есть собственно громадная компиляція, особенно драгоцѣнная именно тѣмъ, что сохранила рядъ свѣдѣній, которыя безъ нея были бы совершенно утрачены. Во многихъ случаяхъ источники извѣстій бываютъ названы,—тогда чрезвычайно интересно знать характеръ и содержаніе этого источника; возникаетъ слѣдовательно вопросъ объ изученіи источниковъ Макризи. При научныхъ переводахъ, въ обязанность переводчика входитъ опредѣленіе источника даннаго текста. Какъ увидимъ ниже и относительно нашего текста возникаетъ вопросъ объ источникахъ, который могъ-бы значительно уклонить нашу работу въ сторону, чуждую нашимъ непосредственнымъ интересамъ, если бы мы уже не имѣли опыта разбора источниковъ Макризи въ работѣ К. Беккера[1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ источниками, мы всегда имѣемъ возможность опираться на данныя этой работы.

Но и въ другомъ отношеніи, изслѣдователь текста Макризи находитъ себѣ значительную помощь. При описаніи различнаго рода церемоніаловъ, особенно же церемоніала выѣзда, всегда приходится имѣть дѣло съ данными топографическими. Эти данныя способны иногда очень задерживать работу — вспомнимъ, что Д. Ѳ. Бѣляевъ, для главной цѣли своего труда, пріемовъ и выходовъ Византійскихъ царей, долженъ былъ написать цѣлое изслѣдованіе, посвященное топографіи дворца[2]). Мы, для работы надъ Фатымидскомъ выѣздомъ, имѣемъ помощь въ томъ, что топографія средневѣковаго Каира служила уже предметомъ спеціальныхъ изученій. П. Равессъ[3]) подробно разобралъ тексты Макризи, имѣющіе отношеніе къ исторіи и топографіи Каира въ эпоху Фатымидовъ и, руководясь его сочиненіемъ, мы можемъ легко возстановить топографическую картину сборовъ и

1) C. H. Becker, Beiträge zur Geschichte Aegyptens unter dem Islam, Strassburg, 1902 (спеціально глава I, Zur Geschichtsschreibung unter den Fatimiden, 1—32). Этой работой данъ въ общихъ чертахъ отвѣтъ на выраженное Фанъ-Бершемомъ пожеланіе, чтобы было приступлено къ изученію источниковъ Макризи. См. M. van Berchem, Notes d'archéologie arabe. Monuments et inscriptions Fatimites, Journal Asiatique, VIII série, t. XVII (1891), 431, note.

2) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Обзоръ главныхъ частей Большого Дворца Византійскихъ царей, Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, новая серія, т. V, СПБ., 1891.

3) P. Ravaisse, Essai sur l'histoire et sur la topographie du Caire d'après Maķrîzî, Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, t. I, fascicule III, Paris, 1887, 409—480 et t. III, fascicule IV, 1890, 33—114.

шествія процессіи. Хотя внутренней топографіи дворца работа Равесса совершенно не касается, однако это не затруднило особенно нашъ переводъ— церемоніалъ выѣзда происходитъ въ значительной части внѣ дворца.

Описаніе новогодняго выѣзда дошло до насъ, однако, не только въ текстѣ Макризи; мы имѣемъ сообщенія о томъ-же, буквально совпадающія съ данными Макризи, у другого, тоже египетскаго автора, ученика Макризи,—Ибн-Тагрибирди (813—874 = 1411—1469)[1], который включилъ ихъ въ النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة. Это сочиненіе, также посвященное исторіи Египта, было издано въ Европѣ голландскими учеными Іейнболломъ и Маттесомъ[2]). Изданіе это можетъ быть названо критическимъ, такъ какъ снабжено рядомъ примѣчаній, служащихъ комментаріемъ (среди этихъ примѣчаній многія принадлежатъ Флейшеру) и основано на сличеніи рукописей. Однако, издателямъ не удалось избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ, которыя должны быть исправлены уже на основаніи текста Макризи. Можно сказать, что если-бы мы не имѣли подъ руками плохого, некритическаго текста Макризи, то даже критическое изданіе Ибн-Тагрибирди не дало бы намъ возможности разобраться въ описаніи церемоніала, не говоря уже о томъ, что Ибн-Тагрибирди не включилъ въ свое описаніе ряда сообщеній Макризи о другихъ церемоніяхъ, которыя дошли до насъ, только благодаря сообщеніямъ Макризи. Что касается далѣе до источника Ибн-Тагрибирди, то весьма возможно, что его описаніе есть прямо-таки списокъ съ Макризи. Любопытно отмѣтить, что изъ всѣхъ культурно-историческихъ данныхъ Макризи, Ибн-Тагрибирди отмѣтилъ лишь выѣзды, и то не всѣ, а нѣкоторые; изъ нихъ интересующій насъ стоитъ на первомъ планѣ.

Кромѣ сочиненій Макризи и Ибн-Тагрибирди, описаніе выѣзда и прочихъ церемоній сохранилось еще у третьяго писателя—Калькашанди (умеръ въ 891 = 1418)[3]). Сочиненіе этого писателя, озаглавленное صبح الأعشى في صناعة الإنشاء, касающееся управленія Египта, равно какъ его исторіи, географіи и культуры, по сіе время находится въ рукописяхъ и никѣмъ не издано. Однако, пользованье имъ возможно благодаря тому, что Ф. Вюстенфельдъ сдѣлалъ въ свое время конспективный переводъ той

---

1) О немъ и его сочиненіяхъ см. Brockelmann, II, 41—42.

2) Abu'l-Mahāsin Ibn Tagri Bardii Annales, ediderunt T. G. J. Juynboll et B. F. Matthes, Lugduni Batavorum, I, 1—2 и II, 1—2, 1852—1861; второй томъ (въ первой части котораго интересующее насъ описаніе) Juynboll издавалъ одинъ. Интересующій насъ текстъ находится II, 1, ٢٥٠—٢٧١.

3) О немъ и его сочиненіяхъ см. Brockelmann, II, 134.

части его, въ которой находится интересующій насъ выѣздъ[1]. Данныя Калькашанди по источникамъ, быть можетъ, совершенно независимымъ отъ источниковъ Макризи, въ описаніи выѣзда очень сходны съ сообщеніями послѣдняго и, насколько можно судить по конспективному переводу Вюстенфельда, совпаденія почти буквальны. Тѣ указанія, которыя въ данномъ мѣстѣ не имѣются у Калькашанди, иногда находятся въ какой-нибудь другой части его труда. Приходится сожалѣть, что мы не имѣемъ возможности пользоваться этимъ текстомъ въ рукописи или критическомъ переводѣ, такъ какъ переводъ Вюстенфельда въ общемъ поверхностенъ, въ чемъ мы будемъ имѣть случай неоднократно убѣдиться. Тому, кто захотѣлъ-бы представить себѣ картину торжественнаго выѣзда по этому переводу, пришлось-бы для дополненій обращаться къ арабскимъ подлинникамъ; переводъ этотъ, кромѣ того, конспективенъ и не имѣетъ комментарія.

Таковы тѣ три источника, изъ которыхъ мы черпали наше описаніе. Изъ нихъ Макризи и Ибн-Тагрибирди служили для насъ основаніемъ, — ихъ тексту мы слѣдовали буквально. Данными Калькашанди мы пользовались лишь попутно, какъ дополненіемъ къ переводу.

Опредѣливъ такимъ образомъ тѣ матеріалы, на которыхъ основана наша работа, переходимъ къ другимъ, относящимся къ содержанію нашего перевода соображеніямъ.

Какъ видно уже изъ заглавія, переведенный нами текстъ касается части халифскаго церемоніала. Описаніе находимъ мы лишь у болѣе позднихъ авторовъ—современниковъ Мамлюкской эпохи. Эти, въ свою очередь, могли позаимствовать ихъ у предшественниковъ — писателей эпохи Айюбидовъ[2]. Могли быть также иные источники—напр. какіе-нибудь сохранившіеся отъ Фатымидской эпохи архивные документы. Вопроса о сложеніи и развитіи церемоніальныхъ книгъ и записей, коснулся Д. Ѳ. Бѣляевъ,[3]) говоря о Византійскомъ придворномъ Уставѣ царя Константина VII Багрянороднаго. Онъ пришелъ къ мнѣнію, что тотъ типъ, который имѣетъ эта книга, т. е. сводъ всѣхъ практиковавшихся въ данное время церемоній и обрядовъ, — есть явленіе позднѣйшее. Такого рода книги составляются постепенно и задачей ихъ не является сочиненіе чего-либо новаго, а лишь

---

1) F. Wüstenfeld, Die Geographie und Verwaltung von Aegypten nach dem arabischen des Abul-'Abbâs Ahmed ben 'Alí el-Calcaschandí, Göttingen, 1879 (B. XXV der Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen и отдѣльно). Интересующій насъ выѣздъ описанъ на стр. 202—208.

2) Объ указаніи на то, что подобный источникъ имѣлся у Макризи (а также, можетъ быть, и у Ибн-Тагрибирди) см. наше прим. 1 къ переводу.

3) Пріемы и выходы, XXVI слѣд.

сохраненіе и санкція утвердившагося обычая (XXVI—XXVII). Онѣ развиваются изъ отдѣльныхъ записей замѣчательныхъ обрядовъ, пріемовъ и выходовъ, цѣликомъ иногда вносимыхъ въ своды (XXXI). Изъ сравненія видно, «что записи объ отдѣльныхъ пріемахъ и выходахъ служили основаніемъ для составленія церемоніаловъ и что многія черты почти буквально брались изъ записей и вносились въ церемоніалъ, т. е. отдѣльный фактъ возводился въ общее правило и вносился въ обрядъ того или другого выхода или пріема» (XXXIV). Описаніе отдѣльнаго обряда въ такой общей записи могло составляться какъ на основаніи одной записи, если она бывала достаточно полна, такъ и на основаніи нѣсколькихъ (тамъ-же). Наконецъ, между единичной записью обряда въ опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ и общимъ сводомъ церемоній, могли находиться еще небольшіе сборники обрядовъ одного рода (XXXV). Уже изъ одного сравненія историческихъ судебъ Византійской имперіи и Фатымидскаго халифата, мы можемъ увидѣть, что въ послѣднемъ случаѣ недоставало самаго существеннаго элемента для выработки писаннаго свода церемоній — времени. Поскольку мы знаемъ, такого свода и дѣйствительно не существовало. Но данныя, находимыя у Калькашанди и Макризи, даютъ намъ поводъ думать, что предшествующія стадіи записей существовали при Фатымидахъ. Такъ, мы не только имѣемъ частичныя описанія тѣхъ либо иныхъ церемоній, возводимыхъ къ даннымъ историческимъ случаямъ, но даже располагаемъ рядомъ записей соблюдавшихся обрядовъ, не въ примѣненіи къ данному случаю, безъ именъ и датъ, безъ отнесенія къ какому-нибудь прошедшему событію. Церемонія интересующаго насъ описанія принадлежитъ къ этому второму, болѣе развитому типу церемоніальныхъ записей.

Наше описаніе мы озаглавили—торжественный выѣздъ Фатымидскихъ халифовъ. Однако, текстъ нашихъ арабскихъ источниковъ относится не ко всякому случаю, а къ опредѣленному празднованью,—именно къ празднованью начала года. Но это торжество являлось вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ крупнымъ праздникомъ Фатымидскихъ халифовъ; при другихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ различныя ограниченія сравнительно съ этимъ выѣздомъ и ни одинъ изъ прочихъ выѣздовъ не описывается съ такими деталями. Есть, впрочемъ, еще одинъ выѣздъ, пользовавшійся большимъ вниманіемъ у Фатымидовъ—день открытія Нильскаго канала въ время половодья (يوم فتح الخليج), но мы все-же предпочли новогодній выѣздъ. Этотъ день открытія канала является слишкомъ связаннымъ съ географическими и топографическим условіями Египта, а потому недостаточно типиченъ для всего мусульманскаго средневѣковья; кромѣ того, онъ не описанъ подробно у Ибн-Тагрибирди (хотя и приводится вкратцѣ у персидскаго путешественника Насыри-Хосроу),

такъ что мы, переводя его, были бы лишены второго текста для сравненія.

Новогодній торжественный выѣздъ, описанный, какъ мы имѣли случай упомянуть раньше, не по обряду опредѣленнаго года, съ опредѣленными историческими лицами, а согласно выработанному на болѣе продолжительный срокъ обычаю, сложился, разумѣется, постепенно, но для записи долженъ былъ получить санкцію извѣстнаго промежутка времени. Если важно хотя бы отчасти опредѣлить — откуда Калькашанди, Макризи и Ибн-Тагрибирди взяли свои описанія, то имѣетъ также нѣкоторое значеніе уяснить — когда сложился этотъ церемоніалъ. Мы не находимъ иныхъ указаній для этого, какъ текстъ самого описанія, въ которомъ имѣются нѣкоторыя косвенныя указанія. У Ибн-Тагрибирди мы имѣемъ сообщеніе (см. наше прим. 1 къ тексту), что всю эту церемонію установилъ Муʿиззъ, т. е. первый-же Фатымидскій халифъ Египта, при которомъ состоялось завоеваніе этой страны. Возможно, что Муʿиззъ, лишь основавшись въ Египтѣ, позаботился о введеніи ряда церемоній, долженствовавшихъ увеличить внѣшній блескъ его двора. Съ другой стороны, въ концѣ описанія, мы имѣемъ прозваніе мечети Акмаръ — «теперешней»; говорится, что халифъ останавливался у мѣста «теперешней» мечети Акмаръ. Слѣдовательно, церемонія происходила въ такихъ формахъ еще до постройки этой мечети, которую воздвигъ халифъ Амиръ (495—524=1101—1130). Но наиболѣе существеннымъ для составленія, хотя-бы приблизительнаго критерія относительно времени сложенія церемоніала, мы считаемъ перечисленіе при описаніи процессіи различныхъ войсковыхъ частей. У Калькашанди (180 — 181) мы имѣемъ перечисленія Фатымидскихъ войскъ, съ объясненіемъ названій ихъ. Здѣсь, кромѣ названныхъ въ честь халифовъ Амира и его преемника Хафиза, полковъ Амирійя и Хафизійя, мы имѣемъ также полки Джуюшійя и Афдалійя, названные такъ въ честь везировъ — Бедра-ал-Джемали, прозывавшагося «Эмир-ал-Джуюшъ» и его сына Афдала, и возникшихъ поэтому въ послѣдней четверти XI вѣка и въ первой четверти XII. Вотъ къ этой эпохѣ мы и относимъ скорѣе всего окончательную запись церемоніала торжественнаго новогодняго выѣзда.

Нашъ текстъ естественно можетъ вызвать, помимо прямого своего содержанія, цѣлый рядъ иныхъ соображеній. Необходимо установить — входитъ-ли въ нашу работу или нѣтъ выясненіе ряда вопросовъ, возникающихъ при изученіи текстовъ Фатымидскаго церемоніала. Мы должны теперь-же указать, что въ нашу задачу не входило — ни прослѣживать генезисъ того либо иного внѣшне-бытового факта, ни ставить изученіе на сравнительную почву. Мы убѣждены, что описанія нашего текста могутъ

дать въ частностяхъ поводы для детальныхъ изысканій, въ которыя мы здѣсь не вдавались, ограничиваясь лишь тѣмъ, что посильно отмѣчали ихъ, указывая степень разработки. Мы также не сопоставляли Фатымидскій выѣздъ съ иными, могущими имѣть съ нимъ ту или иную близость: это могло-бы быть, думаемъ, уже предметомъ спеціальнаго изученія. Въ этомъ отношеніи отмѣтимъ особенно близость по времени, почти одновременность нашего церемоніала съ вышеупомянутымъ Уставомъ Константина Багрянороднаго. При отсутствіи въ этомъ отношеніи у Фатымидовъ традиціи, а также при культурной и географической близости Византіи и Египта, воздѣйствія здѣсь вполнѣ возможны.

Наша цѣль, такимъ образомъ, опредѣляется — мы даемъ опытъ *критическаго перевода своднаго арабскаго текста внѣшне-бытового содержанія.* Этимъ-же опредѣляется и характеръ перевода — мы стремились къ возможной точности и буквальности особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли дѣло съ описаніями предметовъ внѣшняго быта и искусства. Для того, чтобы разъяснить эту буквальность перевода, мы приложили комментаріи въ примѣчаніяхъ. Кромѣ терминовъ внѣшняго быта и искусства, мы имѣемъ также дѣло съ названіями разныхъ чиновъ и должностей. Когда эти названія оказывались переводимыми, мы передавали ихъ русскими терминами; въ остальныхъ случаяхъ мы оставляли арабское слово, всегда поясняя его значеніе въ примѣчаніи, либо даже въ самомъ текстѣ.

Намъ нужно также сказать нѣсколько словъ о тѣхъ двухъ приложеніяхъ, которыя слѣдуютъ за нашими примѣчаніями къ описанію выѣзда. Первое изъ нихъ касается лишь нѣкоторыхъ Фатымидскихъ сокровищницъ потому, что объ остальныхъ описанныхъ у Макризи, уже говорилось въ примѣчаніяхъ. Второе выдѣлено изъ описанія сокровищницъ потому, что содержаніе его не вполнѣ подходитъ подъ эту рубрику. Въ обоихъ приложеніяхъ мы слѣдовали уже иному принципу — не переводу, а пересказу. Выше мы уже приводили соображенія, по которымъ переводъ внѣшне-бытовыхъ текстовъ не всегда оказывается возможнымъ. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ описаніями, имѣющимися лишь въ текстѣ Макризи. Сто лѣтъ тому назадъ, Катрмеръ далъ пересказъ перваго приложенія, руководясь парижской рукописью, — мы думаемъ, что повтореніе такого-же пересказа при новыхъ условіяхъ, не будетъ безполезно. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ эти приложенія дополненіемъ къ описанію выѣзда, включеннымъ въ нашъ трудъ для иллюстраціи этого послѣдняго. При этихъ описаніяхъ, еще рельефнѣе, думаемъ, вырисуется обстановка церемоніала Фатымидскихъ халифовъ.

Въ заключеніе этого введенія въ описаніе торжественнаго выѣзда Фатымидовъ, мы позволяемъ себѣ указать, что въ одномъ древнемъ памятникѣ русской письменности сохранилось описаніе сходнаго церемоніала выѣзда, также у мусульманскихъ властителей. Въ виду значительнаго сходства въ частностяхъ, мы приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этого описанія нашего почтеннаго предшественника по интересу къ внѣшнему быту стараго Востока. Мы разумѣемъ — замѣчательное путешествіе тверича Аѳанасія Никитина въ Персію и Индію въ 1466 — 1472 г., нашедшее уже себѣ превосходныхъ истолкователей въ И. И. Срезневскомъ и И. П. Минаевѣ[1]). Интересующіе насъ отрывки находятся въ описаніи Никитинымъ города Бедеря, т. е. Бидара, столицы Бахменидовъ. Выѣздъ тринадцатаго изъ этой династіи, Мухаммеда-шаха II (867—887=1463—1482), описалъ намъ въ Хоженіи Никитинъ. Это сопоставленіе мы дѣлаемъ, вовсе не высказывая какихъ-бы то ни было предположеній о возможныхъ заимствованіяхъ изъ церемоніала Фатымидовъ въ церемоніалъ позднѣйшихъ мусульманскихъ властителей Индіи, хотя наблюдательный персидскій путешественникъ Насыри-Хосроу[2]) отмѣтилъ присутствіе въ свитѣ Фатымидскаго халифа во время выѣзда — сыновей царя Дехли, явившихся въ Каиръ со своей матерью. Картина можетъ быть вполнѣ однородна при однородности создавшихъ ее культурныхъ условій. Нѣкоторыя мѣстныя особенности (напр. обезьяны, пищали и пр.) могутъ быть удалены безъ ущерба для общаго впечатлѣнія[3]).

По описанію Никитина — бояре «силны добрѣ и пышны велми; а все ихъ носять на кроватѣхъ своихъ на сребряныхъ, да предъ ними водятъ кони въ снастехъ золотыхъ до 20, а на конѣхъ за ними 300 человѣкъ, а пѣшихъ 500 человѣкъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ 10 человѣкъ, да свирѣлниковъ 10 человѣкъ. Султанъ же выѣзжаеть на потѣху съ матерью да съ женою, ино съ нимъ человѣковъ на конѣхъ 10 (или 30) тысящь, а

1) И. И. Срезневскій, Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 гг., Ученыя Записки Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Книга II, Выпускъ II. СПБ. 1856, стр. 225—307. И. П. Минаевъ, Старая Индія. Замѣтки на хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина, СПБ. 1881 (изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія). При цитатахъ мы пользуемся изданіемъ Хоженія въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, т. VI, СПБ. 1853, стр. 330 слѣд.

2) Ch. Schefer, Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau pendant les années 437—444 (1035—1042), publié, traduit et annoté par—, Paris, 1881. О сообщаемомъ фактѣ см. р. 139; ٤٧,١٠. Подъ خسرو دهلی разумѣется, конечно, не мусульманскій правитель, такъ какъ Дехли тогда еще не былъ завоеванъ Исламомъ. Присутствіе этихъ не мусульманскихъ царевичей, равно какъ и другихъ—изъ Рума, Славянскихъ земель, Грузіи и пр., объясняется извѣстной терпимостью Фатымидовъ.

3) Комментарій см. у Срезневскаго, 285 слѣд. и у Минаева, 65 слѣд.

пѣшихъ 50 тысящь, а слоновъ водять 200 наряженныхъ въ доспѣсѣхъ золоченыхъ, да предъ нимъ 100 человѣкъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да коней простыхъ 300 въ снастехъ золотыхъ, да обезьянъ за нимъ 100». (Стр. 335—348).

«На баграмъ на Бесерменьской выѣхалъ султанъ на теферичь, ино съ нимъ 20 възыревъ великыхъ, да 300 слоновъ наряженыхъ въ булатныхъ доспѣсехъ да съ городкы, да и городкы окованы, да въ городкѣхъ по 6 человѣкъ въ доспѣсехъ, да съ пушками да съ пищалми; а на великомъ (разночт.—ихъ) слонѣ (—ѣхъ) 12 человѣкъ, на всякомъ слонѣ по два прапорца великыхъ, да къ зубамъ повязаны великыя мечи по кентарю, да къ рыломъ привязаны великыя желѣзныя гири, да человѣкъ сѣдить въ доспѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него въ рукахъ желѣзной великы, да тѣмъ его править; да коней простыхъ 1000 въ снастехъ золотыхъ, да верблюдовъ 100 съ нагарами, да трубниковъ 300, да плясцевъ 300... Да на султанѣ ковтанъ весь саженъ яхонты, да на шапкѣ чичакъ олмазъ великы, да сагадакъ золотъ со яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы, да сѣдло золото; да предъ нимъ скачетъ Кофаръ пѣшь да играеть теремьцемъ, да за нимъ пѣшихъ много, да за нимъ благой слонъ идеть, а весь въ камкѣ наряженъ, да обиваеть люди, да чепь у него велика желѣзна во ртѣ, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на султана не наступилъ близко. А братъ султановъ тотъ сидить на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ оксамитенъ, да маковица золота со яхонты, да несуть его 20 человѣкъ. А Махмутъ (важный сановникъ) сидитъ на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ шидянъ съ маковицею золотою, да везутъ его на 4-хъ конѣхъ въ снастехъ золотыхъ; а около людей его много множество, да передъ нимъ пѣвци, да плясцевъ много, да всѣ съ голыми мечи, да съ саблями, да съ щиты, да сулицами, да съ копіи, да съ лукы съ прямыми съ великими, да кони всѣ въ доспѣсехъ, да сагадакы на нихъ». (Стр. 340—341, 351).

«Султанъ выѣзжаетъ на потѣху во вторникъ да въ четвергъ, а съ нимъ выѣзжаютъ 3 возыри; а братъ султановъ въ понедѣльникъ, а съ нимъ также множество конныхъ и пѣшихъ, урядно, и слоны велми чюдно выѣздъ ихъ въ утварѣхъ золотыхъ». (Стр. 342, 352).

II.

Переводъ описанія выѣзда.

Вынесеніе принадлежностей выѣзда изъ сокровищницъ. Предметы сокровищницъ оружія и роскоши, назначенные для «стремянныхъ юношей» и «носителей малаго оружія»; «серебряныя копья» и носилки; инсигніи везирата; оружіе «стражей трона»; музыкальные инструменты; оружіе «добровольцевъ». Предметы сокровищницъ сѣделъ; конскіе уборы. — Смотръ лошадей 29-го Зу-л-Хиджжы. Вызовъ везира. Шествія халифа и везира. Привѣтствіе везира. Выводъ лошадей. Отъѣздъ везира. — Смотръ одеждъ въ тотъ же день. Головный уборъ халифа: «вѣнецъ» и драгоцѣнные камни. Зонтикъ, инсигній халифской власти. Два «знамени славы». Большія знамена. Два копья съ изображеніями львовъ. Мечъ, копье и щитъ. — Два пути процессіи. Собраніе должностныхъ лицъ и выѣздъ везира. Ожиданіе его и эмировъ. Приготовленія къ выходу халифа: выведеніе верховаго животнаго и вынесеніе зонтика, меча, чернильницы. Встрѣча и шествіе халифа. Выѣздъ его изъ замка. Порядокъ процессіи. Первая часть ея и шествіе халифа; вторая часть ея и шествіе везира; шествіе войскъ. Церемоніальное привѣтствіе везира и отвѣтъ халифа. Перемѣна порядка процессіи. Возвращеніе халифа и входъ въ покои. Отъѣздъ везира. Праздничные халифскіе подарки.

Все это установилъ (халифъ) Муʿиззъ, который приказалъ, чтобы ежегодно, въ послѣдніе десять дней Зу-л-Хиджжы, всѣ (соотвѣтствующія) должностныя лица отправлялись въ мѣста, о которыхъ будетъ далѣе упомянуто, для вынесенія принадлежностей выѣзда [1]).

И выносили изъ сокровищницъ оружія то, что несли «стремянные юноши» вокругъ халифа, а именно — полированные, позолоченные мечи, вмѣсто выгнутыхъ сабель; булавы, обшитыя краснымъ и чернымъ *кимухтомъ*, съ круглыми и зубчатыми головами; палицы съ продолговатыми, также зубчатыми головами; оружіе, называвшееся *мустауфійя* т. е. желѣзныя булавы, длиной въ два локтя, четыреугольныя, съ круглыми ручками — всего въ опредѣленномъ количествѣ. И получали это начальники ихъ, и оно было на ихъ отвѣтственности, и они обязаны были вернуть это обратно въ сокровищницы по окончаніи службы съ нимъ.

И выносили для отряда изъ трехсотъ молодыхъ черныхъ рабовъ, называвшихся «носителями малаго оружія», шестьсотъ дротиковъ съ поліро-

ванными остріями, подъ которыми были рукоятки изъ серебра, — каждая пара была перевязана шелковымъ шнуркомъ, — и триста щитовъ съ серебряными боссетами. Получали это начальники ихъ согласно тѣмъ условіямъ, о которыхъ было упомянуто выше, и передавали каждому рабу два дротика и щитъ. Все это (выносили) изъ сокровищницъ оружія[2]).

Потомъ выносили изъ сокровищницы роскоши,— а она главная часть сокровищницъ оружія, — «серебряныя копья» для инсигній везиру, носившимъ (разные) чины эмирамъ и начальникамъ различныхъ конныхъ и пѣшихъ войскъ; и это (были) копья, вставленныя въ серебряные, выложенные золотомъ стержни, кромѣ (конца) ихъ (размѣромъ въ) два локтя, куда привѣшивали уборъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ *шарба*, вышитые концы которыхъ свѣшивались, какъ *санджаки*; на вершинахъ же ихъ (были) полыя, серебряныя, позолоченныя гранаты и пустые полумѣсяцы, а въ нихъ (т. е. полумѣсяцахъ) — колокольчики, звенѣвшіе при движеніи; и было числомъ ихъ сто копій[3]).

И (выносили затѣмъ) сто носилокъ (*аммарійя*), подобныхъ *кеджаве*, изъ краснаго, — а это наилучшій сортъ, — и желтаго *дибаджа*, *куркуби* и *сиклатуна*, положенныхъ на подкладку, перевязанныхъ шелковыми шнурами; а кругомъ четыреугольнаго (остова носилокъ были) перевязи съ серебряными боссетами, набитыми на кожу[4]).

И шло (для везира) десять копій и столько же носилокъ, исключительно красныхъ.

И выносили исключительно для везира два небольшихъ знамени *(лива)*, на длинныхъ, одѣтыхъ въ такіе же (какъ описано выше) стержни копьяхъ, свернутыми, не развернутыми.

И это (были) инсигніи, которые несли передъ везиромъ; у эмировъ же несли за ними.

Затѣмъ шло полагавшееся эмирамъ, имѣвшимъ (различные) чины по службѣ. И первый изъ нихъ былъ «*Сахиб-ал-бабъ*» — (ему шло) пять копій и пять носилокъ. И посылали «*Исфахсалару*» войскъ — четыре копья и четверо носилокъ, различныхъ цвѣтовъ. И прочимъ эмирамъ, сообразно степенямъ ихъ, — по три, по два, по одному (того и другого).

Затѣмъ выносилось десять наилучшихъ, *дабикійскихъ*, вышитыхъ, разноцвѣтныхъ, большихъ знаменъ (*бандъ*), на копьяхъ, одѣтыхъ въ стержни; на вершинахъ же ихъ (были) гранаты и полумѣсяцы; (это) — исключительно для везира.

И кромѣ этихъ знаменъ выносили шелковыя, не вставленныя въ (особые) стержни; верхушки и гранаты ихъ были мѣдныя, полыя и позолоченныя; (несли ихъ) передъ упомянутыми эмирами[5]).

Потомъ выносили оружіе для такъ называемыхъ [«стражей трона» (*серирійя*)]. Каждый экземпляръ былъ длиною въ три локтя, съ полированнымъ остріемъ наверху. И (это) оружіе было изъ дерева *кунтарійя* и вставлено въ остріе. Нижній конецъ — былъ сдѣланъ изъ желѣза и закругленъ. Это оружіе (было) въ правой рукѣ несшаго и онъ все время вертѣлъ имъ; въ лѣвой же рукѣ его (была) большая (деревянная) стрѣла, которой онъ потрясалъ. Число предметовъ было шестьдесятъ, на шестьдесятъ человѣкъ, шедшихъ въ процессіи справа и слѣва[6]).

Затѣмъ выносили барабаны на двадцать муловъ; на каждомъ мулѣ было три (музыкальныхъ инструмента) въ родѣ литавръ, называвшіеся *таблами*. И получали ихъ игравшіе на нихъ, и слѣдовали въ процессіи попарно. И у этихъ музыкальныхъ инструментовъ былъ прекрасный звукъ; и они считались инсигніями[7]).

Потомъ выносили для «добровольцевъ», которымъ не выдавались ни жизненные припасы, ни жалованье, а числомъ ихъ (было) сто человѣкъ, — для каждаго широкій *ламатскій* щитъ и мечъ. И шли они въ процессіи также пѣшими[8]).

Это выносилось изъ сокровищницъ оружія[9]).

Затѣмъ являлся въ сокровищницы сѣделъ завѣдующій ими, а онъ изъ разряда *«ал-устадуна ал-муханникуна»*, со смотрителемъ, а онъ изъ разряда *«аш-шухудъ ал-му'аддалуна»*. И выносили изъ нихъ составлявшіе собственность халифа разукрашенные конскіе уборы, предназначенные для выѣзда его самого и для тѣхъ (верховыхъ животныхъ), которыя шли въ его процессіи; сто сѣделъ были назначены для соотвѣтственнаго числа (верховыхъ животныхъ), — изъ нихъ семьдесятъ для семидесяти лошадей, тридцать для тридцати муловъ. Каждый уборъ былъ сдѣланъ изъ золота, или золота и серебра, или золота выложеннаго эмалью, или серебра выложеннаго эмалью; и заднія и переднія луки ихъ (сѣделъ) были соотвѣтственны. И нѣкоторые изъ нихъ (т. е. уборы) были усыпаны отборными драгоцѣнными камнями; и нашейныя (украшенія) ихъ были цѣпи изъ золота и ожерелья изъ амбры; и на переднихъ и заднихъ ногахъ ихъ бывали колокольчики, позолоченные, кружившіеся на нихъ. И вмѣсто кожи были на сѣдлахъ — красный, желтый и прочихъ цвѣтовъ *дибаджъ* и узорчатый разноцвѣтными шелками *сиклатунъ*. Стоимость каждаго верховаго животнаго и того убора, который былъ на немъ, (составляла) тысячу динаровъ[10]).

И удостоивался везиръ десятью изъ нихъ для выѣзда его самого, его сыновей, братьевъ и кого пожелаетъ изъ родственниковъ.

И передавали это начальникамъ конюшенъ, съ представленіемъ имъ списковъ, въ которыхъ были записаны уборы, съ обозначеніемъ ихъ мѣстъ,

и чиселъ. И число каждаго убора было отмѣчено на немъ, напр., первый, второй, третій,— до послѣдняго, сообразно съ обозначеніемъ его въ спискахъ, такъ что можно было узнать каждый экземпляръ. И начальники передавали конюхамъ, (но) подъ свою отвѣтственность, до возвращенія; и они уплачивали за недостачу и должны были вернуть въ цѣлости.

Затѣмъ выносили также изъ упомянутыхъ сокровищницъ, для чиновниковъ *«дивановъ»* (т. е. канцелярій), имѣвшихъ различные чины по службѣ, назначенные имъ уборы, менѣе разукрашенные, чѣмъ упомянутые раньше; по числу — триста уборовъ для лошадей и муловъ. Брали это вышеупомянутые начальники (конюшенъ), согласно описанному раньше (правилу).

Потомъ являлся *«Хаджибъ»* для распредѣленія (этого) различнымъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ. И каждый конюхъ увѣдомлялъ того, къ кому онъ былъ приставленъ, и являлся къ нему въ Кахиру и Мисръ раннимъ утромъ въ день выѣзда. И они (т. е. конюхи) получали съ (каждаго) конскаго убора опредѣленную плату—отъ одного динара до половины и трети динара [11]).

Когда все это было окончено, и по передачѣ верблюдовожатыми въ верблюжьихъ конюшняхъ покрывалъ носилокъ, отдыхали до конца двадцать восьмого Зу-л-Хиджжы. И когда наступало утро двадцать девятаго, халифъ отправлялся въ *«Шуббакъ»*, для смотра своихъ лучшихъ верховыхъ животныхъ, о которыхъ было упомянуто ранѣе. И назывался этотъ день — днемъ смотра лошадей [12]).

И вызывалъ везира *«Сахиб-ар-рисала»*,— а онъ (былъ) изъ важныхъ *«Устадовъ съ перевязью»*,— и ѣхалъ быстро, въ противуположность обычной своей ѣздѣ, на рысистомъ скакунѣ, для исполненія приказа халифа. Вернувшись, онъ являлся халифу и докладывалъ о вызовѣ имъ везира.

И тогда ѣхалъ халифъ изъ своихъ покоевъ по замку,— никто не ѣздилъ по замку, кромѣ халифа,—и люди шли передъ нимъ пѣшкомъ. И слѣзалъ онъ въ *«Сидилла»*, въ портикѣ *«Баб-ал-Мулькъ»*, гдѣ былъ *«Шуббакъ»*, покрытый снаружи завѣсой. И становился съ правой стороны завѣсы смотритель дворца, а съ лѣвой — завѣдующій государственной казной; они оба были *«Устады съ перевязью»*.

И ѣхалъ тогда везиръ изъ дома его, а впереди — эмиры. Достигнувъ воротъ замка, эмиры спѣшивались, а везиръ ѣхалъ; въ этотъ день въѣзжалъ онъ черезъ *«Баб-ал-Идъ»*. И ѣхалъ онъ до первыхъ воротъ «Длинныхъ портиковъ», а тамъ спѣшивался и шелъ, а свита и близкіе его — кругомъ него. И подходилъ везиръ къ *«Шуббаку»*, и садился на находившееся подъ нимъ красивое кресло; ноги же его упирались въ землю [13]).

Когда онъ садился, «*Устады*» поднимали съ обѣихъ сторонъ завѣсу и (тогда) видѣли халифа, сидѣвшаго на великолѣпномъ тронѣ. И вставалъ везиръ, и словесно привѣтствовалъ его, и трижды касался рукою земли. Затѣмъ разрѣшалось ему сѣсть на его кресло, и садился онъ. И полчаса читали чтецы подходящіе стихи (Корана). Затѣмъ привѣтствовали словесно эмиры, и вели поочередно отборныхъ лошадей и муловъ, о которыхъ было упомянуто раньше, (казавшихся разукрашенными) въ рукахъ конюховъ ихъ, какъ невѣсты. И для заключенія смотра читали чтецы, и «*Устады*» опускали завѣсу. Тогда везиръ выходилъ впередъ, входилъ къ халифу, цѣловалъ руки и ноги его, а затѣмъ отправлялся домой. И ѣхалъ онъ съ того мѣста, съ котораго спѣшился, и эмиры верхомъ или пѣшкомъ предшествовали ему почти до самаго дома[14]).

По окончаніи полуденной молитвы, халифъ садился для смотра въ сокровищницахъ избранныхъ одеждъ того, что онъ одѣвалъ на слѣдующій день. И его одежда въ тотъ день была бѣлая, безъ украшеній. Онъ отдѣлялъ прекрасный тюрбанъ и полное одѣяніе. И принималъ тюрбанъ «свертывавшій славный вѣнецъ»; и называли его (т. е. вѣнецъ) «свертываніемъ славы» («*шаддат-ал-вакаръ*»), а свертывавшій былъ изъ «*Устадовъ съ перевязью*»; и онъ пользовался особымъ правомъ касаться того, что было на халифскомъ вѣнцѣ, и сворачивалъ его удивительно, никто, кромѣ него, не умѣлъ такъ,—на подобіе мирободанa[15]).

Затѣмъ представляли ему «*Ятиму*» (несравненную), а это—большая жемчужина, цѣну которой нельзя было даже опредѣлить. Она нанизывалась съ расположенными вокругъ нея жемчужинами, ниже ея по достоинству, и вкладывалась въ полумѣсяцъ изъ красныхъ яхонтовъ, подобнаго которому не было на землѣ и который назывался «*Хафиръ*» (подкова). И (этотъ полумѣсяцъ) красиво нанизывался на кускѣ шелка и «свертывавшій вѣнецъ» слегка пришивалъ его къ вѣнцу. И было (все это) надъ лбомъ халифа. И, по разсказамъ, вѣсъ жемчужины былъ семь дирхемовъ, и вѣсъ «*Хафира*» одинадцать мискалей. И кругомъ этого (была) нить «мушиныхъ» изумрудовъ, (нанизанныхъ) въ большомъ числѣ[16]).

Затѣмъ приказывали вынести зонтикъ, подходившій къ этой представлявшейся (халифу) одеждѣ и бывшій у нихъ въ почетѣ, такъ какъ онъ держался надъ головой халифа. И онъ состоялъ изъ двѣнадцати полотнищъ; шириной каждое полотнище въ нижней части своей (было въ) пядень, а длиной—три съ третью локтя; и конецъ полотнища наверху былъ очень узокъ, такъ что пространство между полотнищами образовывало кругъ на верху древка зонтика. И древко (зонтика) изъ (дерева) *занъ* было обито

золотыми стержнями; и надъ концомъ стержня увѣнчивалъ верхъ древка круглый шарикъ, выступавшій въ ширину *большого пальца*. И концы полотнищъ вставлялись въ золотое кольцо и укрѣплялись на верху древка, который былъ снабженъ зазубриной, такъ-что этотъ круглый шарикъ былъ прилаженъ, чтобы удерживать зонтикъ отъ спуска по упомянутому древку. И у зонтика (были) ребра изъ дерева *халанджъ*, четыреугольные, покрытые золотомъ, въ числѣ равномъ числу полотнищъ, легкіе, въ длину равные длинѣ полотнищъ; и въ нихъ были легкіе и круглые крючки, сцѣпленные одинъ съ другимъ, сжимавшіеся и раскрывавшіеся. И верхушка зонтика была въ родѣ гранаты, а наверху ея (была) маленькая граната, вся золотая, выложенная драгоцѣнными камнями. И у него (т. е. зонтика) былъ круглый фестонъ, шириной болѣе чѣмъ въ полторы пядени. Подъ гранатой была шейка длиной въ шесть *пальцевъ*, такъ что, когда сдерживавшее концы полотнищъ золотое кольцо одѣвалось на верхъ древка, насаживалась на него (т. е. на зонтикъ) граната. И заворачивался (зонтикъ) въ кусокъ вышитой золотомъ *дабикійской* ткани, который снимался съ него только несшимъ его, при врученіи ему, въ самомъ началѣ выѣзда [17]).

Потомъ приказывали вынести два небольшихъ «знамени славы», спеціально предназначенныхъ для халифа; а это (были) два длинныхъ копья, одѣтыхъ до половины ихъ въ стержни, подобные стержню древка зонтика; на верху же ихъ были два знамени изъ бѣлаго, вышитаго золотомъ шелка, не развернутыя, а свернутыя. И выносили ихъ вмѣстѣ съ зонтикомъ, и несли ихъ два эмира изъ свиты халифа [18]).

Затѣмъ выносили двадцать одно большое знамя — красивыя, изъ расшитаго шелка, разноцвѣтныя, съ надписями, (вышитыми) другимъ цвѣтомъ, (чѣмъ цвѣтъ знамени); и на нихъ было написано — «помощь отъ Бога и близкая побѣда». (Были они) на прямыхъ копьяхъ съ отборными древками. Длина каждаго знамени была два локтя, при ширинѣ въ полтора. На каждомъ знамени (было) по три (бортовыхъ) вышивки. И передавались они двадцати одному изъ конныхъ «юношей свиты». И имъ полагалось въ вознагражденіе за радостную вѣсть о благополучномъ возвращеніи халифа — двадцать динаровъ [19]).

Затѣмъ выносили два копья, на верхушкахъ которыхъ (были) полумѣсяцы изъ золота. Въ каждомъ (полумѣсяцѣ былъ изображенъ) левъ изъ краснаго и желтаго *дибаджа*, и во рту его (т. е. полумѣсяца) былъ круглый обручъ, черезъ который проходило копье. И [держали] ихъ такъ, что было видно изображеніе на нихъ. И брали ихъ два всадника изъ «юношей свиты», и мѣсто ихъ было передъ (сейчасъ упомянутыми) знаменами [20]).

Потомъ выносили превосходный мечъ, — какъ говорятъ, (бывшій) изъ упавшей громовой стрѣлы, — съ золотой, выложенной драгоцѣнными камнями ручкой, въ ножнахъ, вышитыхъ золотомъ; и была видна лишь верхушка его. И выносили его вмѣстѣ съ зонтикомъ для передачи несшему его. И несшій его (былъ) почтенный эмиръ — и эта (обязанность) считалась у нихъ важной, — и онъ былъ важнѣе всѣхъ несшихъ (что-либо въ процессіи)[21]).

Потомъ выносили копье. И это (было) прекрасное копье, въ выложенномъ жемчугомъ футлярѣ, съ лезвіемъ, украшеннымъ золотыми украшеніями[22]).

И (выносили также) щитъ съ золотыми боссетами, широкій, относимый къ Хамзѣ-ибн-Абд-ал-Мутталибу (да будетъ доволенъ имъ Богъ!), въ шелковомъ чехлѣ. Несъ его особо отличаемый эмиръ. И какъ эта должность, такъ и занимавшій ее, пользовались у нихъ славой[23]).

Затѣмъ извѣщали народъ о пути процессіи. И шла она обыкновенно (однимъ изъ двухъ) круговъ: одинъ изъ нихъ бо́льшій, а другой меньшій. Бо́льшій (шелъ) отъ воротъ дворца къ *«Баб-ан-Насръ»*, (затѣмъ) по направленію къ бассейну *«Изз-ал-Мулька Т-б-ръ»* и мечети его тамъ, — и это былъ самый дальній (пунктъ) пути, — затѣмъ поворачивалъ на лѣво, (и) къ *«Баб-ал-Футухъ»*, (и) къ замку. Другой, меньшій, по выходѣ изъ *«Баб-ан-Насръ»*, шелъ вдоль стѣны и черезъ *«Баб-ал-Футухъ»* проходилъ къ замку. И извѣщали жителей о шествіи однимъ (изъ этихъ круговъ) и, когда ѣхалъ халифъ, они шли съ процессіей, не нарушая ея, въ порядкѣ и спокойствіи[24]).

И еще до наступленія утра дня выѣзда, собирались и выстраивались различныя должностныя лица Мисра и Кахиры, военныя и гражданскія, между замками, гдѣ не было построекъ, какъ теперь, а пустое мѣсто, вмѣщавшее народъ, ожидавшій халифа[25]).

И по утру отправлялись эмиры къ дому везира, который ѣхалъ безъ (особаго) вызова, потому что это (была) обязательная служба халифу. И несли впереди упомянутые раньше инсигніи его, и затѣмъ ѣхали и шли эмиры, а (непосредственно) передъ нимъ сыновья его и братья его, — каждый изъ нихъ со спущеннымъ концомъ тюрбана, необернутымъ вокругъ подбородка. И самъ онъ (т. е. везиръ) былъ красиво одѣтъ въ драгоцѣнныя одежды и тюрбанъ съ перевязью, и былъ опоясанъ позолоченнымъ мечомъ. И когда онъ подходилъ къ замку, то раньше него спѣшивались его близкіе въ особомъ мѣстѣ, куда не входили эмиры, а онъ, одинъ, въѣзжалъ черезъ замковыя ворота въ портикъ, называвшійся «Колоннымъ портикомъ» и спѣшивался на (стоявшей) тамъ скамьѣ, и шелъ по оставшейся части портика до (Золотой) залы, и входилъ въ «Помѣщеніе везирата» съ сыновьями его,

братьями его и избранными изъ свиты его. И садились эмиры въ (Золотой) залѣ на приготовленныя для этого скамьи, покрытыя лѣтомъ *Саманскими* цыновками, а зимой рытыми *Джахрамскими* коврами[26]).

И когда приводили верховое животное, (назначенное) для халифа, и приставляли его къ возвышенію, на которое восходилъ халифъ изъ «*Баб-ал-Маджлиса*», выносили зонтикъ для несущаго его, и тотъ снималъ съ него то, во что (зонтикъ) былъ завернутъ несложеннымъ, и бралъ онъ его съ помощью четырехъ славянъ, (приставленныхъ) служить ему, и водружалъ его въ желѣзномъ приборѣ, сдѣланномъ на подобіе рога и укрѣплявшемся прочно и твердо въ правомъ стремени несущаго, внизу зонтика; а древко удерживалъ онъ зацѣпкой, находившейся на верхней части руки его. И (зонтикъ) стоялъ прочно, и, какъ говорятъ, никогда не колебался при сильномъ вѣтрѣ[27]).

Затѣмъ выносили мечъ, и принималъ его несшій его, и во все время, что онъ несъ его, былъ спущенъ конецъ его тюрбана[28]).

Затѣмъ выносили чернильницу и передавали несшему ее, а онъ (былъ) изъ «*Устадовъ съ перевязью*». И везиры поручали носить ее «*Нотаріальнымъ свидѣтелямъ*». И эта чернильница была изъ чудесъ (того) времени — сама золотая, съ украшеніями изъ коралла, завернутая въ кусокъ вышитаго золотомъ бѣлаго *шарба*[29]).

И потомъ выходилъ везиръ и свита его изъ «Помѣщенія везирата», и присоединялись къ нему эмиры, и становились они рядомъ съ верховымъ животнымъ[30]).

И «*Сахиб-ал-маджлисъ*» приказывалъ поднять завѣсу, и выходили тѣ (лица), которыя были у халифа въ качествѣ прислуживавшихъ. И за ними шествовалъ халифъ въ вышеописанномъ одѣяніи, — въ платьѣ и тюрбанѣ, поддерживавшемъ «*Ятиму*» надъ лбомъ его; и былъ онъ перевязанъ подъ подбородкомъ тѣмъ концомъ тюрбана, который свѣшивался съ лѣвой стороны, подпоясанъ «западнымъ» мечомъ, и въ рукѣ его былъ «жезлъ власти», длинной въ одну съ половиной пядень, изъ дерева, покрытаго золотомъ, усаженнаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. И спеціальное (для того) назначенныя лица привѣтствовали словесно везира, и родственниковъ его и послѣ нихъ эмировъ[31]).

Затѣмъ выходили эмиры одинъ за другимъ, и везиръ выходилъ послѣ нихъ, ѣхалъ и останавливался противъ замковыхъ воротъ, пока не выходилъ халифъ. И кругомъ него (т. е. халифа) (шли) «*Устады*», и верховое животное его шло по разостланнымъ коврамъ изъ опасенія, чтобы оно не поскользнулось на мраморѣ. И когда онъ приближался и былъ виденъ, одинъ человѣкъ трубилъ въ тонкую, золотую, съ изогнутымъ концомъ трубу, назы-

вавшуюся *«Гарбійя»*, имѣвшую удивительный звукъ, отличавшійся отъ звуковъ (обыкновенныхъ) трубъ. И когда слышали это, трубили трубы процессіи, и снимали покровъ съ зонтика, и халифъ выходилъ изъ воротъ, и останавливался на короткое время, сообразуясь съ выѣздомъ *«Устадовъ съ перевязью»* и прочихъ должностныхъ лицъ, которые были въ залѣ по служебнымъ обязанностямъ. И (тогда) слѣдовалъ халифъ, а слѣва (былъ) «Носитель зонтика», заботившійся о томъ, чтобы на халифа все время падала тѣнь. И окружали халифа начальники «стремянныхъ юношей», — два изъ нихъ у уздечки, и два у шеи лошади съ двухъ сторонъ, и два (съ двухъ сторонъ) у стремянъ. Съ правой стороны (его) шелъ старшій изъ начальниковъ, съ кнутомъ, который онъ передавалъ (халифу) и получалъ обратно; и онъ сообщалъ приказанія и запрещенія халифа во время выѣзда [32]).

И по командѣ двигалась процессія. Сначала первенцы и (прочіе) сыновья эмировъ; и отряды нѣкоторыхъ лучшихъ военныхъ частей; потомъ (эмиры), получившіе (серебряныя) копья; потомъ (эмиры), носившіе цѣпи; потомъ *«Устады съ перевязью»*; потомъ носители двухъ «знаменъ славы», (ѣхавшіе) по обѣимъ (отъ халифа) сторонамъ; потомъ носитель чернильницы, помѣщавшейся между нимъ и сѣдельной лукой; потомъ носитель меча, — эти оба ѣхали по лѣвую (отъ халифа) сторону. Каждый изъ вышеупомянутыхъ имѣлъ отъ десяти до двадцати спутниковъ. И въ правую сторону, послѣ *«Устадовъ съ перевязью»*, прикрывала его (т. е. халифа) вышеупомянутая семья везира. Потомъ слѣдовалъ халифъ, и кругомъ него упомянутые «стремянные юноши», о распредѣленіи оружія среди которыхъ было упомянуто, — въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, въ *табакійскихъ* тюрбанахъ, перевязанные мечами, подпоясанные; въ рукахъ у нихъ было упомянутое (выше) оружіе. И они шли съ обѣихъ сторонъ халифа, какъ крылья. И между ними было пустое пространство для лошади (халифа). И близъ головы ея два славянина несли два возносившихся какъ двѣ пальмы опахала, отъ летающихъ птицъ и прочаго. И онъ ѣхалъ медленно и съ милостивымъ видомъ [33]).

И вдоль процессіи, отъ начала до конца ея, ѣздилъ туда и обратно *«Вали Кахиры»* въ сопровожденіи всадниковъ, очищая дороги. И на пути встрѣчалъ онъ *«Исфахсалара»*, также ѣздившаго туда и обратно для командованья движеніемъ войскъ и порицанія толпившихся, становившихся поперекъ дороги. И, на пути-же, встрѣчалъ также *«Сахиб-ал-баба»* съ отрядомъ халифскихъ войскъ; и снова встрѣчался съ *«Исфахсаларомъ»*. И все время ѣздилъ онъ для устройства процессіи и охраны путей халифа. И въ рукѣ каждаго изъ нихъ была булава, и ѣздили они на лучшихъ и самыхъ быстрыхъ верховыхъ животныхъ [34]).

Это (была) передняя часть процессіи.

Затѣмъ, за верховымъ животнымъ халифа, шелъ отрядъ «стремянныхъ юношей», для охраненія его сзади. Затѣмъ — десять человѣкъ, каждый изъ которыхъ несъ мечъ въ ножнахъ изъ краснаго и желтаго *дибаджа* съ густыми кистями. Эти мечи назывались «кровавыми мечами» (и предназначались) для отрубанія головъ. Затѣмъ, за ними, шли вышеупомянутые «юноши съ малымъ оружіемъ», имѣвшіе *фиранджійя*. Затѣмъ торжественно ѣхалъ везиръ, въ сопровожденіи той части его свиты, которая называлась «кольчужные юноши», выбиралась имъ лично изъ лучшихъ войсковыхъ частей, въ количествѣ пятисотъ человѣкъ (и шла) съ обѣихъ сторонъ его. И передъ нимъ (было) нѣкоторое пространство, меньше пустого пространства передъ халифомъ. И (его шествіе) имѣло (такой) видъ, будто онъ былъ на готовѣ охранять халифа и заботился, чтобы тотъ не укрылся отъ взора его. За нимъ (несли) барабаны, бубны и флейты — въ большомъ количествѣ, громко звучавшіе. Затѣмъ слѣдовалъ несшій вышеупомянутое копье и относившійся къ нему красный щитъ. Потомъ — отряды пѣхотинцевъ «*Райханійя*» и «*Джуюшійя*», а передъ этими обоими «*Масмудійя*»; потомъ «*Фиранджійя*», потомъ «*Везирійя*», — отрядъ за отрядомъ, въ большомъ количествѣ, въ настоящее время болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, а (тогда было) ихъ значительно больше этого. Затѣмъ (шли) несшіе большія знамена и (изображенія) двухъ львовъ. Потомъ отряды войскъ — «*Амирійя*», «*Хафизійя*», «*Худжрійя* большіе», «*Худжрійя* малые», «*Афдалійя*», «*Джуюшійя*», потомъ египетскіе Турки, потомъ Дейлемиты, потомъ Курды, потомъ отборные Гуззы-Бахриты. И предшествовало этимъ коннымъ войскамъ большое количество пѣхотинцевъ, стрѣльцовъ изъ ручныхъ и ножныхъ луковъ, болѣе пятисотъ человѣкъ; и они были предназначены для флота. И упомянутыхъ всадниковъ было болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. И всѣ вышеупомянутые составляли часть, а не все (войско халифа)[35].

И когда достигала процессія назначеннаго мѣста, то возвращалась, и входила черезъ «*Баб-ал-Футухъ*», и останавливалась между замками, какъ была раньше. И когда доѣзжалъ халифъ до мѣста теперешней соборной мечети «*Акмаръ*», онъ останавливался со своей свитой и отдѣлялся отъ процессіи, которая шла мимо него. Везиръ быстро проѣзжалъ мимо халифа и кланялся, чтобы видѣлъ народъ его почтеніе (халифу). И халифъ, въ видѣ привѣтствія ему, дѣлалъ небольшой жестъ, и это былъ наибольшій почетъ, который исходилъ отъ халифа, и оказывался онъ лишь везиру военнаго званія. И предшествовалъ ему (везиръ) верхомъ до входа въ ворота замка, согласно обычаю, до (назначеннаго) ему мѣста. Эмиры же спѣшивались ранѣе него, потому что они были въ передней части процессіи. И когда халифъ доѣзжалъ до воротъ замка и входилъ въ нихъ, везиръ (уже) спѣшился; и

ранѣе него (спѣшились) «*Устады съ перевязью*». И они окружали его (т. е. халифа), и везиръ стоялъ передъ верховымъ животнымъ въ мѣстѣ, гдѣ слѣзалъ (халифъ) на возвышеніе, съ котораго уѣзжалъ. И (халифъ) слѣзалъ тамъ, и входилъ въ свои покои, послѣ того какъ вышеупомянутые выражали ему почтеніе[36]).

И везиръ выходилъ, и уѣзжалъ съ опредѣленнаго мѣста, и были эмиры передъ нимъ, близкіе-же его — кругомъ него. И уѣзжали они (также) съ (установленныхъ) для нихъ мѣстъ. И они сопровождали его до его дома, и всѣ прощались съ нимъ, и расходились по домамъ[37]).

И тамъ они находили уже установленный халифомъ (подарокъ). Онъ приказывалъ выбить въ «монетномъ домѣ», въ послѣдніе десять дней Зу-л-Хиджжы *динары*, *руба҅и* и *дирхемы*, съ датой года, началомъ котораго былъ его выѣздъ въ этотъ день. И везиру приносили 360 *динаровъ*, и 360 *руба҅и*, и 360 *кыратовъ*; и сыновьямъ, и братьямъ его по пятидесяти каждаго рода; и чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ — отъ десяти *динаровъ*, десяти *руба҅и* и десяти *кыратовъ* до одного *динара*, одного *руба҅и* и одного *кырата*. И они принимали это въ знакъ счастья.

И сумма вышеупомянутаго новогодняго подарка *динарами*, *руба҅и* и *кыратами* была около трехъ тысячъ *динаровъ*[38]).

III.

Примѣчанія.

1) Различія во вступленіяхъ Макризи, Ибн-Тагрибирди и Калькашанди. 2) Значенія صمصام и سيف. مذهّب. Различныя булавы и палицы. Кожа كيمخت. Боссеты щитовъ. 3) «Серебряныя копья». تشريف – инсигній. Различныя копья. 4) Носилки и ткани, изъ которыхъ онѣ были сдѣланы. 5) Число инсигній везира и высшихъ должностныхъ лицъ. Различныя знамена. 6) «Тронная стража». 7) Барабаны и литавры – инсигніи. 8) «Добровольцы», борцы за вѣру. 9) Сокровищница оружія въ описаніи Макризи. Цитаты изъ Китаб-аз-захаиръ и Ибн-ат-Тувайра. Знаменитые мечи, панцыри и пр.; особые доспѣхи, луки и стрѣлы; الكزاغندات, الزرديّات السابلة, القلجوريّات, قسيّ الرجل و الركاب. Сокровищница щитовъ. 10) Чины – الاستاذون المحنّكون и الشهود المعدّلون. ذؤابة и عذبة. Конскіе уборы – مركبات и ركاب. Переднія и заднія сѣдельныя луки. Культурная слава Дамаска въ средневѣковой Европѣ. 11) Мисръ и Кахира. Сокровищница сѣделъ въ описаніи Макризи. 12) Верблюжьи носилки. الشبّاك. 13) صاحب الرسالة. Топографія Большого Дворца Фатымидовъ; دهليز العمود и السدلّى. زمام القصر и صاحب بيت المال. 14) Входъ везира за завѣсу къ халифу. Тронъ и мѣста въ пріемной залѣ – مرتبة и مراتب. Сходный церемоніалъ въ описаніи Вильгельма Тирскаго. Извѣстія Макризи о придворныхъ конюшняхъ. Приготовленіе халифскаго выѣзда. 15) Сокровищницы одеждъ – внѣшняя и внутренняя. Садъ этихъ сокровищницъ. Значенія عرضيّ, فوطة и وطآء. Время празднованья. Бѣлый, отличительный цвѣтъ Фатымидовъ. تاج и منديل, вѣнецъ и тюрбанъ. 16) يتيمة и знаменитыя жемчужины. Историческая судьба яхонтоваго полумѣсяца حافر. 17) Зонтикъ, какъ знакъ верховной власти. Значеніе титула صاحب الستر. 18) Различныя знамена. 19) Вышивка знаменъ. 20) Изображенія на копьяхъ львовъ и обручей. Сходное изображеніе на покровѣ для Ка'бы. Значеніе شمسيّة. مشبّكة; подарки Джаухара; ستر и شمسيّة. Изображенія льва и полумѣсяца. Кругъ на верху копья. Спеціальное значеніе слова علم, «аламъ». 21) Мечъ изъ громовой стрѣлы. حلية и جلبة. 22) Копье-инсигній. 23) Щитъ Хамзы, дяди Мухаммеда. 24) Мечеть عزّ الملك – мечеть تبر. 25) Собраніе должностныхъ лицъ на площади. 26) Тюрбаны съ перевязью. Отличительныя особенности одежды везира и эмировъ. قاعة الذهب. «Рытые» ковры. 27) كرسيّ и مصطبة. Водруженіе зонтика. 28) Мечъ и носитель его. 29) Чернильница – инсигній и описаніе ея. 30) Исправленіе رآية въ دابّة. 31) Поднятіе завѣсы. «Западный» мечъ. «Жезлъ власти» – قضيب الملك. Инсигніи Фатымидскихъ халифовъ. 32) Выходъ процессіи изъ замка. Труба الغريبّة и прочія церемоніальныя трубы. Славянскіе рабы – носители халифскаго зонтика. 33) Распредѣленіе процессіи. Церемоніальныя опахала. 34) صاحب الباب и اسفهسلار, والى القاهرة. 35) شراريب. فرنجيّات. Свѣтская власть везира и духовная халифа. Названія полковъ. 36) Мечеть Акмаръ. Порядокъ привѣтствія везира и отвѣта халифа. خدمة и سلام. 37) Прощаніе эмировъ съ везиромъ. 38) الدراهم المقسقلة.

1) Описаніе новогодняго выѣзда начинается у Макризи на послѣдней строкѣ ۴۶۰ стр. I-го тома и озаглавлено موسم اول العام—«праздникъ (букв.

время, сезонъ, сборище; гипотезу о первоначальномъ значеніи слова موسم см. Journal Asiatique, IX série, t. XX, 1902, 346 — 347) начала года». Послѣ заглавія, идетъ цитата изъ Ибн-ал-Мамуна съ описаніемъ новогодняго торжества 517 г. X. (1123—1124 по Р. X.), не имѣющая подробнаго и общаго характера переведеннаго нами текста. Цитата эта продолжается до двадцать второй строки ۲۲۹ стр. — съ этого мѣста начинается нашъ текстъ.

Переведенному нами подробному описанію новогодняго выѣзда, Макризи предпосылаетъ слова: وقال ابن الطوير — «и говоритъ Ибн-ат-Тувайръ». Краткія замѣчанія объ этомъ послѣднемъ авторѣ, являющемся источникомъ описанія церемоніи у Макризи, мы находимъ у Becker'a, 29 — 30. Здѣсь приведено то немногое, что намъ извѣстно объ Ибн-ат-Тувайрѣ—заглавіе его сочиненія, вѣроятное время его жизни, тѣ вопросы, о которыхъ должно было трактовать его сочиненіе, недошедшее до насъ. Основываясь на заглавіи, г. Becker думаетъ, что этотъ писатель пережилъ Салах-ад-дина. Время его жизни, во всякомъ случаѣ, надо относить къ эпохѣ Айюбидовъ — см. напр. замѣчаніе Ибн-ат-Тувайра у Макризи, I, ۲۲۲,۱۰—۱۱. Судя по сохранившимся цитатамъ, онъ писалъ преимущественно именно о церемоніалѣ. Позволимъ себѣ, однако, указать, что примѣръ, взятый г. Becker'омъ, не вполнѣ примѣнимъ. Онъ упоминаетъ, что какъ разъ интересующій насъ новогодній выѣздъ, описанъ Калькашанди (202), Макризи (I, ۲۲۹) и Ибн-Тагрибирди (II, ۲٥٠) со словъ (unter der Verantwortlichkeit) Ибн-ат-Тувайра. Ссылка на этого послѣдняго находится лишь у Макризи, тогда какъ ни Калькашанди, ни Ибн-Тагрибирди не ссылались на Ибн-ат-Тувайра; они могли имѣть и другой источникъ. Сходство текста, по нашему мнѣнію, не является еще въ данномъ случаѣ несомнѣннымъ доказательствомъ общности источника. Намъ кажется, что самостоятельность самого Ибн-ат-Тувайра, при характерѣ взятой имъ темы, можетъ подлежать сомнѣнію. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, первоисточникомъ могла явиться оффиціальная запись церемоніала. Поэтому мы и приводимъ лишь въ примѣчаніи указаніе на автора цитаты Макризи.

У Ибн-Тагрибирди предпосланъ разсказу особый заголовокъ: ذكر ركوب الخلفآء الفاطميّين فى اول العام من كلّ سنة — «повѣствованіе о выѣздѣ Фатымидскихъ халифовъ въ началѣ каждаго года», а вмѣсто приведенной фразы Макризи — «и говоритъ Ибн-ат-Тувайръ», у Ибн-Тагрибирди стоитъ: والمعزّ هذا هو الذى استسنّ ذلك كله فكان امره — «все это установилъ Муʿиззъ, который приказалъ» и т. д. Хотя эта фраза имѣется лишь у

Ибн-Тагрибирди, мы все же включили ее въ нашъ переводъ, такъ какъ придворный церемоніалъ, какъ одна изъ частей новой государственной организаціи, весьма вѣроятно получилъ форму лишь по достиженіи Фатымидами завѣтной цѣли ихъ стремленій — завоеванія Египта и перенесенія туда центра государства, т. е. именно при халифѣ Муʻиззѣ. Во введеніи мы уже болѣе подробно говорили о возможномъ времени выработки церемоніала. Калькашанди даетъ лишь заглавіе выѣзда и сразу переходитъ къ описанію.

И у Макризи, и у Калькашанди послѣдніе дни Зу-л-Хиджжы опредѣлены: اذا كان العشر الاخير — «когда оставались послѣдніе десять дней (Зу-л-Хиджжы)». У Ибн-Тагрибирди стоитъ лишь اواخر, но его-же упоминаніе, ٢٧١,٢—٣, о выбитыхъ для новаго года монетахъ — في العشر الآخر, «въ послѣдніе десять дней» того-же мѣсяца, указываетъ точнѣе дату. Кромѣ того, у Макризи принадлежности выѣзда опредѣлены еще словами — من الاسلحة وغيرها, «(состоящихъ изъ) оружія и прочаго». Какъ отмѣтилъ уже Juynboll при изданіи Тагрибирди, ٢٥٠, п. 2, выѣздъ у Макризи всегда означается словомъ موكب въ противоположность ركوب Ибн-Тагрибирди.

2) Прежде всего разсказывается о вынесеніи принадлежностей выѣзда изъ сокровищницъ оружія, спеціально того, что несли такъ называемые صبيان الركاب, «стремянные юноши». Они получали особаго рода мечи и различныя булавы и палицы. Переводя стоящее въ текстѣ слово صماصم, множ. отъ صمصام, словомъ «мечи» (см. Dozy, Supplément aux dictionnaires arabes, I, 845), мы не сочли нужнымъ еще какъ-нибудь опредѣлить его, хотя не всякій мечъ называется صمصام; въ нашемъ текстѣ, однако, мечи, обыкновенно прямые, противопоставляются выгнутымъ, кривымъ саблямъ, такъ что смыслъ слова صمصام кажется намъ совершенно яснымъ. И по первоначальному своему значенію это слово отвѣчаетъ понятію прямого меча — см. Schwarzlose, 382, s. v., особенно же 192—194. صمصام обозначался «острый, несгибающійся мечъ», а корень этого слова выражаетъ понятіе твердости, крѣпости. الصمصامة назывался мечъ извѣстнаго, древне-арабскаго князька-поэта Амра-ибн-Маʻдикериба, переданный, по преданію, владѣльцемъ его либо Халиду-ибн-Саʻиду-ибн-ал-Асу, либо халифу Омару. Затерянный во время убійства халифа Османа, онъ былъ снова найденъ. Позже о немъ упоминается уже при Аббасидахъ — Махди, Хади, Харунѣ-ар-Рашидѣ, подарившемъ его своему полководцу Язиду-ибн-Мазьяду. Слову مذهّب, въ техническомъ отношеніи неопредѣленному и могущему означать и «позолоченный», и «выложенный золотомъ», мы, не колеблясь, даемъ первое изъ приведенныхъ значеніе на слѣдующихъ

основаніяхъ. Во первыхъ, въ нашемъ-же текстѣ, извѣстное металлическое издѣліе сопровождается прилагательнымъ مذهب въ одной редакціи (Ибн-Тагрибирди, ٢٥٣,٥), въ то время, какъ въ другой (Макризи, ٢٢٧,٤) — مطلى بالذهب; это-же выраженіе имѣетъ именно значеніе «золоченый, наведеный золотомъ», а не «выложенный золотомъ, таушированный». Во вторыхъ, тутъ-же, мы находимъ при описаніяхъ металлическихъ издѣлій выраженіе منقوش بالذهب, «разрисованный золотомъ» (Макризи, ٢٢٩,٢٣ и Ибн-Тагрибирди, ٢٥١,١٠); это выраженіе, не замѣняющее مذهب, означаетъ именно «выложенной золотомъ, золотыми узорами». Фраза مكان السيوف المحلّية, имѣющаяся лишь у Макризи, все же включена нами въ переводъ, такъ какъ она содѣйствуетъ пониманію термина صماصم. Слово سيف можетъ, конечно, означать и «мечъ», но такъ какъ оно опредѣлено прилагательнымъ محدّب «изогнутый, кривой», мы, не сомнѣваясь, перевели его словомъ «сабля». Слово «вмѣсто» (مكان) указываетъ, очевидно, на то, что ни сами «стремянные юноши» въ иныхъ случаяхъ, ни кто-либо другой, не пользовались правомъ получать это оружіе. Рукопись Макризи въ Учебномъ Отдѣленіи, — о ней см. Baron V. Rosen, Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. I. Manuscrits arabes décrits par —, Saint Pétersbourg, 1877, 21, № 41,—прибавляетъ еще لغيرهم т. е. «для другихъ». Эта превосходная рукопись, хотя и дополняетъ въ двухъ — трехъ случаяхъ интересующей насъ текстъ Булакскаго изданія, все-же въ большей части случаевъ нуждается въ помощи этого-же изданія.

Остальными предметами оружія, передававшимися «стремяннымъ юношамъ», были различнаго рода булавы. Первыя изъ упоминаемыхъ, съ круглыми и зубчатыми головами, были обшиты краснымъ и чернымъ *кимухтомъ*. كيمخت, по словарю Vullers'а, означаетъ «corium dorsi posterioris vel clunium equi et asini peculiari modo concinnatum». Этотъ родъ кожи упоминается какъ предметъ экспорта изъ Хорезма у Макдиси — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, III, ٣٢٥,٢ (далѣе мы будемъ цитовать это изданіе подъ иниціалами BGA). При оживленныхъ въ эпоху Фатымидовъ торговыхъ сношеніяхъ, это произведеніе промышленности крайнихъ восточныхъ предѣловъ мусульманскаго міра, можетъ быть тожественное болѣе извѣстному позже بلغارى, могло доходить до Египта; могло также выдѣлываться и гдѣ-нибудь ближе—въ самомъ Египтѣ, въ Ихмимѣ, существовали кожаныя издѣлія (см. Kremer, I, 353). Возможно сходство этого рода кожи съ извѣстными испанскими издѣліями, т. н. *кордуанами*. Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien, 1883, 169, прямо передаетъ

слово kîmûcht черезъ Korduanleder. Обратимъ, однако, вниманіе на то, что по V. Gay, Glossaire archéologique, I, Paris, 1887, 427, «le cordouan est la peau de chèvre ou de bouc». Объ этой кожѣ كِيمخت см. экскурсы у G. Jacob, Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern? Berlin, 1891, 49—50 и Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter, Berlin, 1891, 8—9. Слѣдующее оружіе называется въ текстѣ لتوت, арабское множественное число отъ персидскаго слова لت или لخت, тожественнаго персидскимъ же словамъ گرز или گوبال и арабскому عمود (см. Vullers, 1082 и 1085; ср. еще древнѣйшій изъ дошедшихъ ферхенговъ Lughat—i Furs, Asadi's neupersisches Wörterbuch, herausgegeben von P. Horn, Berlin, 1897, 11). Итакъ, слово لتوت имѣетъ одинаковое значеніе со словомъ عمد, которое мы перевели далѣе «булавы»; переводя لتوت словомъ «палицы», мы считались съ соотвѣтствующимъ ему поясненіемъ у Макризи и Ибн-Тагрибирди — ورؤسها مستطيلة (у Макризи кромѣ того еще مضرّسة ايضا). Такъ какъ словомъ «булава» обыкновенно обозначается деревянный или металлическій жезлъ съ шаромъ наверху, то мы думаемъ, что описываемое оружіе болѣе подходитъ подъ наше понятіе «палицы», имѣющей продолговатую верхушку (древнерусскій *ослопъ*). Слѣдующее оружіе مستوفيّات, объясненное въ самомъ текстѣ, есть, повидимому, разновидность булавы. Ссылка Juynboll'a на Freitag, Selecta ex Historia Halebi, Lutetiae Parisiorum, 1819, 149, не особенно помогаетъ дѣлу, такъ какъ тамъ этотъ терминъ поясняется текстомъ Ибн-Тагрибирди и Макризи. Считаемъ, кромѣ того, необходимымъ обратить вниманіе на то, что въ первомъ случаѣ мы перевели словомъ «булавы» араб. دبابيس, а во второмъ عمد. Оба слова (دبّوس и عمود) имѣютъ тожественное значеніе — см. кромѣ словарей J. Reinaud, De l'art militaire chez les Arabes au moyen âge, 1848, Paris, 31—32, (изъ Journal Asiatique). Однако, не безъ основанія, въ нашемъ текстѣ, въ одномъ случаѣ стоитъ одно слово, въ другомъ другое; вѣроятно существовавшее, но во всякомъ случаѣ небольшое, техническое различіе между دبّوس и عمود, мы пока опредѣлить не можемъ. Изображенія восточной булавы, кромѣ упомянутыхъ въ цитованной выше статьѣ Reinaud арабскихъ рукописныхъ сочиненій о военномъ дѣлѣ, можно видѣть напр. у E. Rehatsek, Notes on some old arms and instruments of war, chiefly among the Arabs, Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, vol. XIV, 1880, таблица между 248 и 249 стр. или Egerton of Tatton, A description of Indian and Oriental armour, London, 1896, p. 108 или plate X. О различныхъ формахъ восточныхъ буловъ см. также В. В. Стасовъ, Серебряное восточное блюдо Импе-

раторскаго Эрмитажа, СПб. 1904 (изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія), 29—36. О болѣе позднихъ, но сохранившихъ различные старые типы булавахъ и палицахъ Янычаръ, см. интереснѣйшее сочиненіе A. Djevad Bey, Etat militaire ottoman. I. Le corps des Janissaires. Constantinople-Paris, 1882, 217 suiv. (и рисунки приложеннаго къ изданію альбома).

Переводя далѣе—«всего въ опредѣленномъ количествѣ», мы слѣдовали тексту Макризи بعدّة معلومة من كل صنف; у Ибн-Тагрибирди стоитъ وعُدد معلومة ايضا من كل صنفٍ т. е. «и также опредѣленные воинскіе доспѣхи разнаго рода» (عدد множ. число отъ عُدّة—воинскій доспѣхъ, ср. Quatremère, Mamlouks, I, 1, Paris, 1837, 238). Не отрицая и этой редакціи текста, мы поставили въ нашемъ переводѣ редакцію Макризи потому, что она опредѣленнѣе и болѣе отвѣчаетъ послѣдующему, *точному* перечисленію выносимыхъ предметовъ оружія и роскоши. Слѣдующее за «и получали это начальники ихъ» имѣется лишь у Макризи.

Названіе слѣдующаго, состоявшаго изъ трехсотъ молодыхъ черныхъ рабовъ, отряда, о положеніи котораго въ процессіи говорится далѣе въ нашемъ текстѣ, мы перевели «носители малаго оружія» (собственно «господа малаго оружія»), ارباب السلاح الصغير согласно Ибн-Тагрибирди, признавая текстъ Макризи попорченнымъ (у него стоитъ ارباب السلاح الصغر). Мы думаемъ такъ потому, что не только Ибн-Тагрибирди въ обоихъ мѣстахъ, въ которыхъ упоминается объ этихъ воинахъ, даетъ чтеніе السلاح الصغير (см. ٢٥١,٦ и ٢٦٨,٧), но и Макризи при вторичномъ упоминаніи (٢٥٠,٢) даетъ тоже чтеніе الصغير.

Опредѣленіе слова درقة — بكوامخ فضة имѣется лишь у Макризи. Несмотря на наши поиски, намъ не удалось найти подходящаго значенія для слова كوامخ. Это слово однако опредѣляетъ درقة въ нашемъ текстѣ не одинъ разъ. И далѣе (Макризи, ٢٢٨,٣٠; Ибн-Тагрибирди, ٢٦١,٧), درقة сопровождается тѣмъ-же بكوامخ, но на этотъ разъ уже не серебряными (فضة), а золотыми (ذهب). Какое же значеніе можетъ имѣть это слово, являющееся въ различныхъ начертаніяхъ, такъ что пока надежнѣе было бы писать كوامخ либо كوامح (второе, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе)? Прежде всего укажемъ на то, что слово درقة, щитъ, стоящее въ нашемъ текстѣ, не единственное въ арабскомъ языкѣ, выражающее это понятіе. Имѣются еще и другія слова — ترس, حجفة и т. д. Въ эпоху современную фатымидскому выѣзду особенно рѣзко раздѣлялись, повидимому, два вида — ترس и درقة — см. Reinaud, 33. Существуютъ указанія, что въ болѣе раннюю, чѣмъ нашъ текстъ, эпоху, преимущественно въ до-мусуль-

манской Аравіи, словомъ درقة означался щитъ, не имѣвшій не только металлическихъ, но даже и деревянныхъ частей, а сплошь сдѣланный изъ кожи—см. G. Freytag, Einleitung in das Studium der arabischen Sprache, Bonn, 1861, 252 и Schwarzlose, 351 folg. (Ср. Rehatsek, 224—225, безъ указанія источника). Если допустить, что въ фатымидское время слово درقة могло означать того же рода щитъ, что и въ старину (отрицать это, сколько намъ извѣстно, нельзя за отсутствіемъ фактовъ), то, очевидно, металлическіе كوامخ являлись посторонней щиту придѣлкой. Такимъ образомъ كوامخ можно было бы перевести словомъ «украшенія» (серебряныя или золотыя), которыми выкладывался щитъ. Мы, однако, поставили въ переводѣ слово «боссеты», т. е. тѣ рельефныя, металлическія, по большей части круглыя бляхи, которыми выкладывались и выкладываются щиты, какъ металлическіе, такъ и кожаные, тростниковые, деревянные и пр. Рисунки восточныхъ щитовъ съ боссетами см. напр. Egerton, pl. II, IV, V, XII, XV. Помимо того, что эта часть, по отличію въ матеріалѣ и по своему положенію на щитѣ, болѣе всего казалось бы заслуживала отдѣльнаго упоминанія, у того-же Макризи, въ описаніи церемоніи праздника открытія Нильскаго канала (I, ٤٧٣,٧) слѣдующимъ образомъ описывается украшеніе галеръ — وزينت جميعها بالستور الدبيقىّ الملوّنة والكوامخ والاهلة الذهب والفضة т. е. «всѣ онѣ (галеры) были украшены разноцвѣтными Дабикійскими завѣсами и золотыми и серебряными كوامخ и полумѣсяцами». Намъ кажется, что значеніе كوامخ, допущенное нами въ первомъ случаѣ, подходитъ и въ этомъ—металлическія бляхи на щитѣ и таковыя-же на завѣсахъ или бортахъ галеръ, рядомъ съ полумѣсяцами. Съ этимъ ср. и далѣе идущее упоминаніе كوامخ уже не въ примѣненіи къ щиту (Макризи, ٤٤٩,٢١; Ибн-Тагрибирди, ٤٥٢,٥), — значеніе металлической бляхи вполнѣ подходитъ и здѣсь. Ср. также переводъ Калькашанди у Wüstenfeld'a, 173 — mit goldenen Buckeln. Наконецъ съ этимъ словомъ, несомнѣнно, тожественно и приведенное у A. von Kremer, Beiträge zur arabischen Lexicographie, II, Wien, 1884 (изъ Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil.-hist. Classe), 41—42, كوبج *въ томъ же значеніи*, встрѣчающееся въ романѣ объ Антарѣ и выводимое Kremer'омъ изъ турецкаго كوبك. Сближеніе это вполнѣ возможно, такъ какъ въ турецкомъ это значеніе вполнѣ установлено, см. В. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Вып. 12 (т. II, вып. 6), СПб. 1899, 1612—1613. *Гӧбäк* (въ османскомъ и крымскомъ) имѣетъ первоначальное значеніе «пупокъ», но въ примѣненіи напр. къ шали, означаетъ — «розетку въ серединѣ» ея; далѣе, производное прилагательное *гӧбäкlі*, въ примѣненіи къ предмету, означаетъ «имѣющій выпуклое украшеніе по серединѣ».

При переводѣ того, что выдавалось чернымъ рабамъ, мы слѣдовали болѣе полной редакціи Макризи. Всѣ вышепереведенныя подробности отсутствуютъ въ переводѣ Wüstenfeld'а (Калькашанди, 202) — тамъ лишь сказано, что изъ оружейной выносили мечи, палки, копья и т. д.

3) Сокровищница роскоши, изъ которой выносили слѣдующіе въ описаніи предметы, считается главной составной частью сокровищницъ оружія. Переводя خزانة التجمّل словами «сокровищница роскоши», отмѣчаемъ, что, какъ часть сокровищницъ оружія, эта сокровищница заключала въ себѣ не предметы роскоши вообще, — для этого были иныя мѣста храненія, — а роскошное оружіе, тѣ военные доспѣхи, которые выдавались особо почитаемымъ лицамъ, важнымъ государственнымъ сановникамъ. من حقوق, въ сходномъ значеніи, встрѣчается у того же Макризи напр. на стр. ٤١٧,٢٠ и ٤٢٣,٢٢. Повидимому то-же слово стоитъ и въ текстѣ Калькашанди (фраза передается со ссылкой на Ибн-ат-Тувайра, стр. 177) — dieses sei ein wirklicher Bestandtheil des Waffenmagazins.

القصب الفضّة — «серебряныя копья», одна изъ важнѣйшихъ инсигній главныхъ должностныхъ лицъ Фатымидскаго государства. Нашъ текстъ въ обѣихъ редакціяхъ, и Макризи, и Ибн-Тагрибирди, даетъ это чтеніе. Въ текстѣ Калькашанди (202) ничего не говорится объ этихъ предметахъ и описаніе вполнѣ конспективно,—лишь упоминается, что для везира, эмировъ и пр., выносили знамена, легкіе мечи, сѣдла и др. Однако, въ другомъ мѣстѣ текста, Калькашанди говорилъ объ этихъ копьяхъ. На стр. 179 онъ описалъ три степени эмировъ: الامراء المطوّقون, «эмиры съ шейной цѣпью», самый важный, первый разрядъ эмировъ; ارباب القضب, «меченосцы», по переводу Wüstenfeld'а, которые, какъ поясняетъ текстъ Калькашанди далѣе, при выѣздахъ, ѣхали съ серебряными мечами, получаемыми изъ халифской сокровищницы роскоши; наконецъ ادوان الامراء, низшіе эмиры, не имѣвшіе права носить такіе мечи. Мы думаемъ, что въ текстѣ Калькашанди — ошибка и что второй разрядъ эмировъ, несомнѣнно тожественный тѣмъ, о полученіи которыми изъ сокровищницы роскоши серебрянаго оружія говоритъ нашъ текстъ, нужно назвать не ارباب القضب, а ارباب القصب, «носителями копій», «копьеносцами», отличительной чертой которыхъ, кромѣ этого оружія, являлись еще и выдаваемыя имъ изъ сокровищницы роскоши носилки; о нихъ-же говоритъ Макризи и въ другихъ мѣстахъ (напр. ٣٨٩,٢٤ — ارباب القصب والعماريات). Кромѣ того, самый переводъ ارباب القضب черезъ «меченосцы» кажется намъ болѣе искусственнымъ. قضب, мн. отъ قضيب, значитъ кромѣ «вѣтокъ», «скипетровъ» и т. д. — «острые» и лишь въ переносномъ значеніи—«мечи»—см. хотя бы Schwarzlose, 178.

У Макризи, въ Булакскомъ изданіи временами встрѣчается форма قضب — напр. ۴۲۲۴,۱ и ۹, но необходимо отмѣтить, что эти слова у Quatremère, Mémoires sur l'Egypte, II, Paris, 1811, 379 и 380, переведены словомъ cannes — слѣдовательно въ Парижской рукописи стоитъ قصب, а не قضب.

تشريف или لتشريف, برسم تشريف — «для инсигній» — переводъ вольный; буквально — «для почета». Мы думаемъ, что и въ этомъ мѣстѣ нашего текста, и далѣе, словомъ تشريف обозначались тѣ вещественные знаки, которыми Фатымидское правительство отличало должностныхъ лицъ различныхъ степеней, слѣдовательно не только «жалованныя одежды», о которыхъ см. Quatremère, Mongols, I, 1836, 217, n. 62 и Mamlouks, I, 1, 6 и II, 1, 70 и 73.

Въ перечисленіи лицъ, которымъ выдавались эти инсигніи, мы слѣдовали тексту Макризи, какъ болѣе ясному, хотя и здѣсь мы принуждены были перевести العساكر و الطوائف — «различныя войска», такъ какъ ближайшую разницу между طائفة и عسكر мы опредѣлить не беремся. Текстъ Ибн-Тагрибирди еще запутаннѣе — опредѣленіе войсковыхъ частей من الرجالة والمشاة т. е. синонимами (и то, и другое означаетъ «пѣхотинцы») указываетъ на затрудненія при переводѣ этого текста.

Отмѣтимъ снова, какъ въ прим. 2 при словахъ دبابيس и عمد, что слово «копья» въ обоихъ случаяхъ выражено различными арабскими словами, قصبة и رمح (первое, впрочемъ, означаетъ скорѣе частное понятіе — «тростниковое копье»). Подъ словомъ انابيب, множ. отъ انبوبة, «стержни», мы разумѣемъ металлическую оковку древка копья (деревяннаго или тростниковаго); въ томъ-же значеніи это слово употреблено у Макризи при описаніи столба парадной палатки (۴۱۸,۲۶ и ۴۱۹,۲۴; E. Quatremère, Mémoires géographiques et historiques sur l'Egypte, II, Paris, 1811, 380, перевелъ прямо colonnes couvertes d'argent, 383—tuyaux).

Слово عدة мы перевели — «уборъ» (عُدَّة); возможно, однако, читать это слово عِدَّة, и переводить — «опредѣленное или нѣкоторое число» (кусковъ ткани). О ткани شرب (*шарбъ*) см. Dozy, Supplément, I, 740 — это была очень тонкая и очень дорогая полотняная матерія, byssus, виссонъ. Далѣе, мы оставили безъ перевода, слово «санджаки», какъ чуждое арабскому языку, турецкое, предполагая, при томъ, что значеніе его («знамя») достаточно извѣстно хотя бы по знаменитому «санджаки-шарифъ». Это лишь болѣе позднее названіе знамени — Freytag, 263. Обыкновенно знамена, называемыя سنجق, бывали изъ желтаго шелка, Quatremère, Mamlouks, I, 1, 135; объясненія этого слова, проникшаго въ Египетъ съ турками-мамлюками, см. у него-же, 227—228. Ср. наше прим. 18. Сообщенія о различ-

ныхъ украшеніяхъ, въ формахъ полумѣсяцевъ см. еще напр. Quatremère. Mamlouks. I, 1. 243 и 253. Прилагательное, сопровождающее слово «гранаты» (رمامين) у Макризи — مزوقة, мы перевели «позолоченныя», о чемъ ср. наше примѣч. 2. Въ опредѣленіи числа копій, мы слѣдовали точной цифрѣ Ибн-Тагрибирди; у Макризи — ما يقرب من مائة — «приблизительно сто». Необходимо отмѣтить, что Макризи во всѣхъ вообще опредѣленіяхъ цифръ выражается по большей части приблизительно.

4) Вмѣстѣ съ копьями выносились и носилки — عَمَارِيَّات (о начертаніи см. Dozy, Supplément, II. 171); وهي شبه الكَجَاوات (у Макризи الكجاوات) поясняетъ далѣе текстъ. Чтеніе въ текстѣ Ибн-Тагрибирди, несомнѣнно, правильное; сдѣлано лишь поясненіе арабскаго слова персидскимъ. كجاوه, *кеджаве*, есть извѣстное и по сіе время употребляемое въ персидскомъ языкѣ слово, означающее носилки, паланкинъ, привязываемый между двумя верблюдами и служащій для перевозки пассажировъ, преимущественно женщинъ. Быть можетъ, именно этой извѣстностью и распространенностью слова كجاوه объясняется вышеприведенная, пояснительная фраза; слово же عَمَارِيَّة, какъ то можно видѣть хотя-бы изъ цитованнаго выше мѣста у Dozy, по спору о самомъ значеніи его, было распространено гораздо меньше. О عَمَارِيَّة см. еще и BGA. IV. 304—305. Объ употребленіи такихъ носилокъ въ Фатымидскихъ церемоніяхъ см. также Насыри-Хосроу, ٤٩ — 137: كَجَاوها; ٥٠ — 140: عاريها.

Названія тканей, изъ которыхъ были сдѣланы эти носилки, не представляютъ затрудненій при переводѣ. *Дибаджа* الديباج, одно изъ извѣстнѣйшихъ названій, обозначало родъ шелковой ткани обыкновенно, впрочемъ, при переводахъ мы встрѣчаемъ слово «парча» — см. J. Karabacek, Ueber einige Benennungen mittelalterlicher Gewebe. Mittheilungen des k. k. Oesterreich. Museums für Kunst und Industrie. Wien, 1879, 346—349 (№ 165). Опредѣленія — красный и желтый, относятся лишь къ *дибаджѣ*, причемъ фраза — وهو احمر, «а это наилучшій сортъ», — имѣется лишь въ текстѣ Макризи. Названіе ткани *куркуби* القرقوبى тоже имѣется только у Макризи; такъ называлась ткань по городу Куркубъ, близъ Тустера, въ Фарсѣ, извѣстному шелковыми мастерскими — см. J. Karabacek, Ueber einige Benennungen etc. 1882, 33, пр. 156 (№ 176) и Susandschird, 124—125. Названіе ткани *[illegible]* السقلاطون, принадлежавшей также къ замѣчательнѣйшимъ средневѣковымъ восточнымъ тканямъ, достаточно извѣстна намъ, см. J. Karabacek, Ueber einige Benennungen etc. 1879, 274—283 (№ 161). Что касается далѣе этихъ двухъ арабскихъ

словъ, которыя мы перевели «шнуры» и «перевязи», то отмѣчаемъ, что какъ то, такъ и другое первоначально имѣютъ значеніе пояса. Имя относительное отъ перваго изъ нихъ زنّارى (زنانير, множ. отъ زنّار) имѣетъ отношеніе къ конскому убору — означаетъ чапракъ, Dozy, Supplément, I, 606. Второе слово (مناطق множ. отъ منطق или منطقة), кромѣ значенія пояса, имѣетъ еще и значеніе всякаго рода перевязи (напр. лошадиной подпруги; см. Dozy, Supplément, II, 684). Такъ какъ только второй изъ нихъ шелъ вокругъ всего четыреугольника носилокъ, мы думаемъ, что слово زنّار означало лишь боковые шнуры носилокъ, слово же منطق — перевязь всего остова. О كوامخ см. выше пр. 2. Вмѣсто точной цифры Ибн-Тагрибирди, у Макризи въ концѣ текста стоитъ — نظير عدد القصب, «соотвѣтственно числу копій».

5) Въ перечисленіи вышеописанныхъ, общихъ везиру и высшимъ должностнымъ лицамъ инсигній — «серебряныхъ копій» и носилокъ, мы слѣдовали болѣе подробному тексту Макризи, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ запутаннѣе текста Ибн-Тагрибирди. Послѣдній, не опредѣляя числа копій и носилокъ, выдаваемыхъ везиру, опредѣляетъ лишь число спеціально назначенныхъ для везира знаменъ — два (لوآءان). *Сахиб-ал-бабъ* и *Исфахсаларъ* получали по десяти того и другого; всѣ-же, ниже ихъ стоявшіе, по пяти. Текстъ Макризи подробнѣе, но въ первой же фразѣ встрѣчается нѣкоторое затрудненіе. Слова «для везира» вставлены нами въ текстъ и у Макризи не находятся; безъ нихъ, однако, смыслъ фразы не понятенъ. Первую часть фразы можно было-бы толковать какъ объясненіе къ предшествующему упоминанію объ одинаковомъ числѣ предметовъ, но тогда остается непонятнымъ конецъ фразы — من الحمر خاصة. Мы думаемъ, что какъ по числу, равному числу большихъ знаменъ, بنود, полагавшихся везиру, такъ и по лучшему цвѣту носилокъ, эти предметы должны были идти высшему сановнику въ государствѣ.

Слово لوآءان въ слѣдующей фразѣ мы перевели «два небольшихъ знамени» потому, что такимъ опредѣленіемъ мы отличали это слово отъ послѣдующаго بنود, большія знамена. См. еще напр. Freytag, 262—264 и Rehatsek, 248—249.

Фраза «и это были инсигніи» и т. д. имѣется лишь у Макризи; Ибн-Тагрибирди замѣняетъ ее слѣдующими словами, относящимися къ لوآءان — «несли ихъ передъ везиромъ».

Въ слѣдующемъ далѣе распредѣленіи инсигній высшимъ должностнымъ чинамъ мы, какъ упомянуто ранѣе, слѣдуемъ Макризи. «*Сахиб-ал-бабъ*», ближайшій помощникъ везира, и «*Исфахсаларъ*», командующій вой-

сками, были слѣдующіе за везиромъ сановники и старшіе эмиры (о нихъ см. Калькашанди, 181—182), но, будучи все-же ниже везира, должны были получать меньше его инсигній. Въ виду разнообразія слѣдующихъ чиновъ, они тоже должны были получать разное количество копій и носилокъ.

Далѣе слѣдуютъ десять (по Макризи; у Ибн-Тагрибирди числа нѣтъ) большихъ знаменъ بنود. Слово بند, *бандъ*, означаетъ особенно большое знамя —см. Gawâlîkî's Almuʿarrab, nach der Leydener Handschrift herausgegeben von E. Sachau, Leipzig, 1867, ٣٢ (по Джавалики слово это въ арабскомъ языкѣ заимствованное изъ персидскаго); Freytag, 262; Rehatsek, 248. Ткань *дабики* (دبيقى), изъ которой были сдѣланы эти знамена, получила свое названіе отъ главнаго мѣста производства, города Дабикъ, близъ Даміетты, въ нижнемъ Египтѣ — см. E. Quatremère, Mémoires historiques et géographiques sur l'Egypte, I, Paris, 1811, 340. Повидимому это была ткань полотняная—ср. напр. A. Kremer, Culturgeschichte II, 289.

Рукопись Учебнаго Отдѣленія заканчиваетъ эту фразу من تسعة الى سبعة الى خمسة, т. е. — «(въ числѣ) отъ девяти до семи и пяти».

6) Въ этомъ мѣстѣ, какъ справедливо замѣтилъ Juynboll (٢٥٣, n. 5), въ Булакскомъ изданіи Макризи безусловно пропускъ, пополняемый текстомъ Ибн-Тагрибирди, хотя и его текстъ мы въ одномъ мѣстѣ нѣсколько измѣняемъ. Juynboll принялъ для названія слѣдующаго отряда воиновъ названіе سپربرية = scutorum portatores, образуемое изъ персидскихъ словъ (سپر بر). Такъ какъ, во первыхъ именно этотъ отрядъ не несъ щитовъ, а во вторыхъ текстъ Калькашанди даетъ нѣсколько иное чтеніе, мы воздерживаемся пока отъ толкованія Juynboll'a. У Калькашанди (174) стоитъ слово سريرية, производимое, разумѣется, изъ арабскаго слова سرير — «тронъ» и вѣрно переводимое Wüstenfeld'омъ «Thronwachen». Въ рукописи Учебнаго Отдѣленія стоитъ однако السَّبربريه, отвѣчающее тексту Ибн-Тагрибирди. Juynboll далъ еще варіантъ السيزريه — не скрывается-ли здѣсь перс. слово سيز, «острый»? Во всякомъ случаѣ, наше чтеніе термина находитъ мѣсто въ текстѣ лишь за неразобранностью слова, какъ наиболѣе понятное.

Въ опредѣленіи длины мы слѣдовали цифрѣ Ибн-Тагрибирди. «Съ полированнымъ остріемъ наверху» мы перевели слова برأسها طلعة مصقولة. Несмотря на наши поиски въ словаряхъ, мы не могли найти для طلعة значенія «остріе», а потому и переводимъ это слово по смыслу текста. طلعة значитъ собственно—«видъ, образъ, лицо». Мы думаемъ, что «лицомъ» вся-

каго рода холоднаго оружія можетъ быть названо лишь остріе или лезвіе его. قنطاريّة собств. значитъ вообще древко копья, копье (кромѣ указаннаго у Juynboll'a мѣста у Quatremère, Mongols, 289 n., см. также Dozy, Supplément, II, 413); въ нашемъ текстѣ оно имѣетъ, повидимому, значеніе извѣстнаго сорта дерева (خشب القنطاريّة). Слово نشّابة мы переводимъ «деревянная стрѣла», основываясь на авторитетѣ Schwarzlose, 280 и Freytag, 258.

7) Стоящій у насъ переводъ соотвѣтствуетъ, за исключеніемъ чиселъ, тексту Ибн-Тагрибирди, хотя болѣе краткому, но болѣе ясному. У Макризи описаніе нѣсколько подробнѣе и возможно, что Ибн-Тагрибирди списалъ съ позднѣйшаго источника, сократившаго за непониманіемъ текстъ, или же самъ сократилъ. Прежде всего нужно отмѣтить различіе въ цифрахъ, вообще наблюдаемое у нашихъ авторовъ. Макризи даетъ цифру «двадцать» муловъ и «три» музыкальныхъ инструмента на каждомъ изъ нихъ (послѣднее болѣе вѣроятно, чѣмъ пять; вообще же, сколько намъ извѣстно, употребляются двѣ литавры); у Ибн-Тагрибирди пятьдесятъ муловъ, съ пятью литаврами на каждомъ. Самые инструменты описываются у Макризи полнѣе, но такъ какъ термины возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, мы даемъ переводъ въ примѣчаніяхъ. Онъ пишетъ — مثل نقرات الكوسات بغير كوسات يقال لها طبول. Въ этой фразѣ мы имѣемъ три термина — نقرات, كوسات и طبول. Первое слово (древне-русскіе *накры*, др. франц. *nacaire*) и второе, по происхожденію персидскія, имѣютъ вообще тожественное значеніе—«литавры» (см. Quatremère, Mongols, 420 и словари). Слово طبول, множ. отъ طبل (*таблъ*) сомнѣній не возбуждаетъ; оно значитъ «барабаны». О كوسات и طبول см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 173—4, гдѣ вообще о музыкальныхъ инструментахъ, какъ инсигніяхъ; о послѣднемъ вопросѣ ср. еще Djevad-Bey, 237 suiv. Однако, при отожествленіи значеній نقرات и كوسات, переводъ удаться не можетъ: كوسات, по тексту, есть понятіе частное, نقرات — общее. Выносимые музыкальные инструменты были барабаны, которые, по поясненію текста, суть نقرات, т. е. литавры, но безъ كوسات. Принимая, что барабанъ есть цилиндръ пустой внутри и обтянутый съ двухъ сторонъ кожей, а литавра— мѣдное полушаріе съ натянутой на одной сторонѣ кожей, мы думаемъ, что كوسات можетъ означать именно эти полушарія, не имѣющіяся у барабановъ. Дальнѣйшему у Ибн-Тагрибирди предпослано слово قلت — «я говорю»; значитъ, сообщеніе о прекрасномъ звукѣ музыкальныхъ инструментовъ и слѣдованіи въ процессіи (единственно имѣющееся у него), онъ относитъ къ своимъ личнымъ сообщеніямъ. У Макризи же, писавшаго

раньше, то же самое сообщеніе слѣдуетъ безъ этой оговорки. Выраженіе حمل خمسين بغلا على خمسين بغلا, стоящее въ текстѣ Ибн-Тагрибирди, можетъ быть является опиской переписчика. Количество слѣдовавшихъ въ одномъ ряду въ процессіи муловъ, опредѣляется различно: у Макризи — по два, у Ибн-Тагрибирди — по три. Мы приняли версію перваго потому, что въ текстѣ второго, заключается, какъ намъ кажется, скрытая недостовѣрность: нельзя, при точномъ указаніи чиселъ, вести пятьдесятъ муловъ по три въ рядъ. Калькашанди (175), по переводу Wüstenfeld'а, тоже упоминаетъ объ этихъ музыкальныхъ инструментахъ — у него говорится, однако, лишь о النقارات, переводимыхъ имъ «die kleinen Pauken», отличныхъ отъ كوسات, «Kesselpauken»; ихъ въ числѣ трехъ, навѣшивали на каждаго изъ двадцати муловъ; мулы велись въ процессіи попарно. Замѣтимъ, что и въ средневѣковой Европѣ различали Nacara, نقارة, литавру и Tabur, طبل, барабанъ — Du Cange, Glossarium mediae et infimae Latinitatis, X, Niort, 1887, Indices, Extraits des observations sur l'histoire de Saint Louys, CCXXXII и CCXXXVI.

8) Число добровольцевъ (т. е. борцовъ за вѣру), о которыхъ см. напр. Reinaud, 41—42 или Kremer, I, 236, опредѣляется Макризи, по обыкновенію, приблизительно. Кромѣ того, вмѣсто ليس لهم جراية ولا نفقة, у него стоитъ بغير جارٍ ولا جراية. جارٍ равно по значенію نفقة, см. Dozy, Supplément, I, 190. جراية у Макризи вообще, видимо, имѣетъ значеніе — харчей, раціона, жизненныхъ припасовъ, выдаваемыхъ при жалованьи правительствомъ, см. напр. I, ٤٠٤,١٤—١٥, ١٨, ٢٢; ср. о болѣе позднемъ янычарскомъ раціонѣ интересныя данныя у Djevad-Bey, 157 suiv. О *ламатскихъ* щитахъ, кромѣ указанныхъ у Juynboll'а — Reinaud, Abou'l-féda, II, 190, n. 4 и Quatremère, Notices et Extraits, XII, 634, см. еще литературу въ BGA, IV, 350 и V, XLVI.

9) Всѣ описанные выше предметы сохранялись, какъ говоритъ нашъ текстъ, въ сокровищницахъ оружія. Краткія описанія этихъ сокровищницъ имѣются у Макризи (٤١٧,٢٢ — ٤١٨,٢) и Калькашанди (176—177). Первая часть сообщеній Макризи, именно соотвѣтствующая строкамъ ٢٢—٣٠ Булакскаго изданія, была переведена у Quatremère, Mémoires, II, 378, причемъ переводъ былъ сдѣланъ по парижской рукописи, дающей въ этомъ мѣстѣ, повидимому, болѣе исправный текстъ, чѣмъ Булакское изданіе (ср. глоссу издателей на поляхъ). Вторая часть (отъ строки ٣٠), до извѣстной степени, соотвѣтствуетъ даннымъ о фатымидской сокровищницѣ оружія у Калькашанди, имѣющимся въ конспективномъ переводѣ Wüstenfeld'а. Затруднявшія или возбуждавшія сомнѣнія переводчика слова и мѣста

были, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приводимы въ арабскомъ текстѣ. Однако, въ Булакскомъ изданіи Макризи имѣются сообщенія, которыя не находятся нами ни въ пересказѣ Quatremère'a, ни Wüstenfeld'a.

Первая часть сообщеній Макризи въ Булакскомъ изданіи представляется цитатой изъ «Китаб-аз-захаиръ» (كتاب الذخائر) «Книги о рѣдкостяхъ», что не упомянуто Quatremère'омъ. По предположенію Juynboll'a (Ибн-Тагрибирди, II, 1, ١٢٠, n.) подъ этимъ заглавіемъ разумѣется книга извѣстнаго Масʿуди — كتاب ذخائر العلوم (см. полный списокъ сочиненій Масʿуди въ BGA, VIII, p. VI). Однако, въ томъ же сочиненіи Макризи даетъ иное, болѣе полное, чѣмъ обыкновенно заглавіе — см. напр. въ описаніи сокровищницъ, ٤١٤,٢ или ٤٢٣,٣٦ — كتاب الذخائر والتحف; такого сочиненія Масʿуди не писалъ. Быть можетъ, здѣсь разумѣется какой-нибудь инвентарь казны халифовъ, дававшій также описанія хранившихся предметовъ.

Вторая часть возводится къ Ибн-ат-Тувайру, что также не указано у Калькашанди, либо Wüstenfeld'омъ въ его пересказѣ. Въ виду того, что переводъ первой части данъ у Quatremère'a достаточно полно, мы ограничимся лишь пересказомъ того, что даетъ «Китаб-аз-захаиръ». Главнѣйшія же внѣшне-бытовыя описанія, находящіяся въ цитатѣ изъ Ибн-ат-Тувайра предлагаются нами въ переводѣ, такъ какъ пересказъ Wüstenfeld'a не полонъ. Для этой части ср. также Kremer, Culturgeschichte, II, 284—285.

Въ сокровищницахъ оружія, по сообщенію Китаб-аз-захаиръ, среди различныхъ родовъ оружія и военныхъ орудій, хранились знаменитые мечи — Зу-л-Факаръ (ذو الفقار) — принадлежавшій, по преданію, нѣкогда Мухаммеду, унаслѣдованный Али, отличительной инсигніей котораго онъ и сдѣлался, позже упоминающійся при халифахъ Харунѣ и Муктадирѣ, см. Schwarzlose, 152) и Самсама (см. прим. 2); далѣе мечи — Хусейна-ибн-Али-ибн-Абу-Талиба, шестого шіитскаго имама Джаʿфара Садика, Абдуллаха-ибн-Вахба-ар-Расиби (у Quatremère'a названнаго Abdallah ben Wahab съ пропускомъ, видимо непонятной переводчику нисбы; въ текстѣ Макризи стоитъ слово الراسى, которое мы, не сомнѣваясь, исправляемъ въ الراسبى; عبد الله بن وهب الراسبى именовался избранный 22 Марта 658 года крайней партіей Хариджитовъ халифъ, правившій, однако, ими лишь до Мая или Іюня и разбитый Али въ битвѣ при Нахраванѣ, см. R. E. Brünnow, Die Charidschiten unter den ersten Omayyaden, Leiden, 1884, 18; въ рукописи Учебнаго Отдѣленія читается правильно الراسبي), полновластнаго абиссинца-евнуха Ихшидовъ Кафура, халифа Муʿизза, во время котораго былъ завоеванъ Фатымидами Египетъ, и отца его Мансура.

Историческая подлинность всѣхъ этихъ вещей, особенно-же связанныхъ съ шіитскими традиціями Фатымидовъ или дающихъ имъ такъ или иначе право на обладаніе Египтомъ, разумѣется, подвержена сильнымъ сомнѣніямъ. Тамъ же находились — стоившій тысячу динаровъ панцырь халифа Муʿизза, щитъ дяди Мухаммеда Хамзы-ибн-Абд-ал-Мутталиба (о которомъ см. нашъ текстъ далѣе), персидскіе шлемы, арабскіе панцыри, панцыри для лошадей (стоящее въ текстѣ Макризи تخافيف мы исправляемъ въ تجافيف, множ. отъ تجفاف, о значеніи котораго см. Schwarzlose, 324 или Freytag, 257; не caparaçons, т. е. попоны, какъ переводилъ Quatremère), мечи, разукрашенные золотомъ и серебромъ (المحلاة بالذهب والفضة), мечи желѣзные (не d'acier, какъ переводилъ Quatremère), сундуки съ остріями и колчанами (см. Schwarzlose, 316 и Freytag, 260) стрѣлъ, сдѣланныхъ изъ (дерева) *халанджъ* (кленъ — см. G. Jacob, Welche Handelsartikel etc. съ указанной тамъ литературой, 60—61, также его-же, Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter, 10; объ этомъ деревѣ идетъ у насъ далѣе рѣчь въ текстѣ), сундуки съ луками, связки Хаттійскихъ (см. объ этомъ названіи Schwarzlose, 217) копій изъ дерева *занъ* (Dozy, Supplément, I, 577, склоняется, повидимому, скорѣе всего къ значенію «дубъ»), пучки длинныхъ пикъ (читая вмѣсто القسا — القنا, такъ какъ первое слово не даетъ, сколько мы знаемъ, удовлетворительнаго пониманія этого мѣста; о قناة, вообще равнозначущемъ رمح, см. въ частности Schwarzlose, 217 folg.; коньектура наша подтверждается рукописью Учебнаго Отдѣленія, гдѣ стоитъ القنا), персидскіе панцыри, арабскіе шлемы (мы переводимъ персидскими и арабскими шлемами и панцырями — الخود, البيض, الزرد, الدروع, такъ какъ слова خود и زرد суть персидскія, а بيض и دروع — арабскія; вообще см. объ этихъ словахъ — Freytag, 256 и Schwarzlose, 322, 340, 341, 349, 350). Всего этого, по описанію, были сотни тысячъ (мы не думаемъ, что здѣсь косвенный падежъ двойственнаго числа, какъ перевелъ Quatremère; это, какъ то требуется и текстомъ, именительный падежъ множественнаго числа, вообще, впрочемъ, рѣдко встрѣчающійся — مئين, см. Caspari-Wright, A grammar of the Arabic Language, 3-rd edition, revised by Robertson-Smith and De Goeje, I, 1896, 258), каждаго же рода оружія — десятки тысячъ.

«И говоритъ Ибн-ат-Тувайръ: халифъ входилъ въ сокровищницу оружія и обходилъ ее, прежде чѣмъ сѣсть тамъ на тронъ. И разсматривалъ онъ содержавшіеся тамъ предметы — *кезаганды* съ подшитыми кольцами, крытыя *дибаджемъ*, искусно сдѣланныя; латы, положенныя на подкладку, позолоченныя; кольчатые доспѣхи сплошь закрывающіе; персидскіе шлемы, украшенные серебромъ, какъ и большая часть кольчатыхъ доспѣховъ; раз-

личные мечи — арабскіе и персидскіе; копья съ полированными и позолоченными древками и лезвіями Б-р-санійя (или Бусанійя, какъ въ рукописи Учебнаго Отдѣленія); луки для ручной стрѣльбы, возводимые къ сдѣлавшимъ ихъ мастерамъ, какъ почерки возводятся къ изобрѣтавшимъ ихъ,— и представляли ему (ихъ) для пробы, и осматривалъ онъ деревянныя стрѣлы съ трехгранными остріями различнаго вида; потомъ (осматривалъ онъ) ножные и стремянные луки, и луки съ болтомъ, остріе котораго вѣсило пять ритловъ. И стрѣляли передъ нимъ различными стрѣлами, и онъ осматривалъ въ какомъ состояніи былъ ихъ стволъ. И стрѣляли изъ луковъ деревянной стрѣлой, называемой «саранчой», длиной въ пядень, въ сдѣланныхъ для нея стволахъ. Въ одно мгновенье бывалъ (ею) прострѣливаемъ всадникъ или пѣхотинецъ. По окончаніи смотра всего этого онъ выходилъ».

Этотъ переводъ текста Ибн-ат-Тувайра нуждается, несомнѣнно, въ комментаріи. Прежде всего — самый осмотръ. Халифъ обходилъ сокровищницу оружія и потомъ, вѣроятно для осмотра подносимыхъ ему вещей, садился на находившійся тамъ тронъ. Послѣдній находился въ сокровищницѣ оружія не случайно. О немъ имѣются свѣдѣнія у Макризи, (см. напр. I, ٣٨٩,٨—٩, ٣٨٨,٢٢—٣٠, ٤٠٧,٦—٨) и у Калькашанди (197), причемъ извѣстія обоихъ восходятъ къ болѣе древнимъ авторамъ: у Макризи прямо указываются источники — Ибн-Абд-аз-Захиръ (о которомъ см. P. Casanova, L'historien Ibn ʿAbd-adh-Dhâhir (620—692 de l'hégire), Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, t. VI, Paris, 1893, pp. 493—505) и Ибн-ат-Тувайръ. Упоминаемыя сокровищницы оружія находились безъ сомнѣнія въ томъ помѣщеніи, которое нѣкогда именовалось الايوان الكبير, «Большой Портикъ» (о немъ см. Sacy, Chrestomathie arabe, I, Paris, 1826, 125—126), и въ которомъ происходили еженедѣльные пріемы халифовъ по понедѣльникамъ и четвергамъ (у Wüstenfeld'а почему-то «Dienstag und Donnerstag», хотя въ арабскихъ текстахъ и Макризи, и Ибн-Тагрибирди ясно стоятъ يوم الاثنين и يوم الخميس). Позже, при халифѣ Амирѣ (495 — 524 = 1101 — 1130), дворцовые пріемы были перенесены въ قاعة الذهب, «Золотую Залу», а «Большой Портикъ» былъ обращенъ въ сокровищницу оружія, причемъ находившійся тамъ тронъ остался. У Ибн-Абд-аз-Захира говорится собственно не о тронѣ, а о الشبّاك, отгороженномъ рѣшоткой мѣстѣ, съ куполомъ — тамъ сидѣлъ халифъ при пріемахъ. Когда это помѣщеніе было обращено въ оружейную, то этимъ-то трономъ, и пользовался халифъ при осмотрѣ вещей.

Перечисляемые предметы также нуждаются въ комментаріи. Прежде всего *кезагaнды*. Въ текстѣ Макризи стоитъ собственно الكزاغندات, которое безъ труда исправляется въ الكزاغندات, вполнѣ опредѣленный внѣшне-бытовой терминъ, о различныхъ способахъ начертанія котораго см. у Dozy, Supplément, II, 342 и 462 и Schwarzlose, 334. Это были стеганыя, шелковыя или бумажныя куртки, входившія въ составъ доспѣха, замѣнявшія панцыри или, какъ показываетъ нашъ текстъ, представлявшія собою скрытую кольчугу. Далѣе, необходимо выяснить фразу, переводимую нами — «кольчуги, сплошь закрывающія», الزرديات السابلة برؤسها и буквально значащую «кольчуги, свѣшивающія на вершинахъ ихъ». Понимая подъ زرديّات полные кольчатые доспѣхи (см. Schwarzlose, 341), мы думаемъ, что подъ вершиной разумѣется кольчатая желѣзная шапка, къ которой со всѣхъ сторонъ придѣлывалась сплошная кольчатая же сѣтка, возможно лишь съ прорѣзами для глазъ. Quatremère, Mamlouks, I, 2, 114, n. 138, переведшій попутно выраженіе الزرديات السابلة, «les cuirasses flottantes», врядъ-ли былъ правъ. السابلة есть причастіе дѣйствительное; кромѣ того, при этомъ переводѣ не было бы понятно слѣдующее برؤسها. Ср. у того-же Макризи, напр. I, ٢٥٢,٥,— الدروع المسبلة (тамъ-же الزرديات بالمغافر; доспѣхъ съ مغفر'омъ т. е. съ «бармицей», отличался отъ сплошь закрывающаго доспѣха). Далѣе мечи — العربيات والقلجوريات (у Калькашанди العلجورية, съ вопросительнымъ знакомъ переводчика), арабскіе и *каладжури*. Послѣднее слово, въ отрывкѣ изъ Ибн-Абд-аз-Захира у В. Г. Тизенгаузена, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, I, Спб. 1884, 51 и 60, было переведено Калджурскіе (мечи). Не находя слова قلجوريّة въ арабскихъ словаряхъ, мы имѣемъ его въ нѣсколько иномъ начертаніи въ персидскомъ языкѣ. См. Словарь Vullers'a, II, 716 и 733, قلاچورى, قراچورى, قراچور, въ значеніи «длинный мечъ» и просто «мечъ». Въ виду того, что мы не можемъ опредѣлить точнѣе форму этого меча, мы, основываясь на персидскомъ названіи, особенно вслѣдствіе сосѣдства съ «арабскими» мечами, перевели قلجوريّات «персидскіе» мечи. Далѣе, провести точное различіе между словами القنا и القنطاريّات затруднительно, но во всякомъ случаѣ эти два слова означаютъ, по нашему мнѣнію, въ противуположность слѣдующимъ الاسنّة (лезвія), древки копій (см. قنطاريّة Quatremère, Mongols, 289, n., а о قنا — Schwarzlose, 219). Тизенгаузенъ, 51 и Quatremère, I, 1, 216, note, понимали подъ قنا сортъ дерева. Kremer, Culturgeschichte, II, 285 перевелъ kantârijjat — vergoldete oder einfach gefirnisste Streitkolben. Лезвія البرصانيّة, Б-р-санійя или البوصانيّة,

Бусанійя, остаются для насъ непонятными. О نشّاب, деревянныхъ стрѣлахъ, см. Freytag, 258 и Schwarzlose, 280—281. Далѣе, выраженіе قسيّ الرجل والركاب мы переводимъ «ножные и стремянные луки», хотя въ переводѣ Wüstenfeld'a стоитъ «Fussgänger und Reiter», что, съ грамматической стороны, при отсутствіи тащдида и гласныхъ знаковъ, вполнѣ возможно. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нашъ переводъ болѣе правильнымъ, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) не далѣе, какъ строкой ниже Ибн-ат-Тувайръ говоритъ о всадникахъ и пѣхотинцахъ, причемъ употребляетъ для понятія «всадникъ» не слово راكب, а فارس, 2) قسيّ الرجل والركاب могутъ быть, при нашемъ переводѣ, объяснены технической терминологіей мусульманскаго лука — см. Reinaud, 17 suiv. Обыкновенный лукъ именовался ручнымъ, ножной-же лукъ былъ то, что мы теперь называемъ «арбалетомъ.» Стременемъ-же арбалета называлось особое приспособленіе въ видѣ кольца, служившее для приданія стрѣлѣ желаемаго направленія. Это приспособленіе одно изъ простѣйшихъ въ эволюціи арбалета (ср. напр. V. Gay, Glossaire archéologique, I, 42). Kremer, II, 285, повидимому, отожествилъ kasijj alrigl wal-rokâb, переводя die mit dem Fusse abgeschossen wurden. Слѣдующій видъ луковъ представлялъ какую-нибудь сложную разновидность арбалета, но за недостаткомъ данныхъ точно описать его трудно (Dozy, Supplément, II, 418; ср. V. Gay, 42 et suiv.). لولب, который мы перевели черезъ «болтъ», означаетъ также и «вращающійся винтъ»; терминъ извѣстный и древне-русскимъ самострѣламъ — были «самострѣлы болтовые», названные такъ вѣроятно по особому виду стрѣлъ — «болтамъ самострѣльнымъ», см. П. Савваитовъ, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, Спб., 1896, 123 при словѣ самострѣлъ и 132. Отмѣчаемъ сходство въ древне-русскомъ и восточномъ терминѣ. О невыясненности древне-русской терминологіи стрѣлъ ср. впрочемъ Э. Ленцъ, Опись собранія оружія гр. С. Д. Шереметева, СПБ. 1895, 100. مجراة, какъ и далѣе множ. مجار, мы переводимъ «стволъ» у лука (др.-русс. *«полоса»*), соглашаясь съ переводомъ Wüstenfeld'a Richtungseinschnitten. Подробное сообщеніе объ المجراة см. у Reinaud, 24—25. Повидимому, однако, нашъ текстъ указываетъ на то, что луки съ такимъ приспособленіемъ не явились на мусульманскомъ Востокѣ лишь въ серединѣ XIII-го вѣка, какъ объяснялъ Reinaud приведенное имъ сообщеніе; мы видимъ, что Ибн-ат-Тувайръ упоминаетъ о нихъ уже въ сокровищницахъ Фатымидскихъ халифовъ. Въ описаніи быстроты пораженія, сообщеніе Ибн-ат-Тувайра тожественно съ описаніемъ приведеннаго у

4*

Reinaud отрывка Петербургской рукописи. Со своеобразнымъ названіемъ стрѣлы الجراد (саранча) ср. еще персидское названіе лука — «мотыльковымъ» — پروانه كمان (Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien, 110, 113 и др.). Наконецъ, отмѣтимъ, что по тексту халифъ خرج من خزانة الدرق т. е. «выходилъ изъ сокровищницы щитовъ». Объ этой сокровищницѣ см. Ravaisse, Essai sur l'histoire et la topographie du Caire, I, 437, note; тутъ-же опытъ возстановленія краткаго описанія дѣлавшихся тамъ предметовъ. Противупоставленіе خزانة الدرق, какъ Magasin des armes défensives — خزانة السلاح, какъ Magasin des armes offensives, врядъ-ли справедливо; мы, изъ нашего описанія приготовленій къ выѣзду, видѣли, что въ послѣдней хранилось не только наступательное оружіе, но и носилки, щиты, знамена и пр. Относительно предположенія Ravaisse'а, что сокровищница оружія находилась внутри Большого Дворца и отдѣльно отъ сокровищницы щитовъ, ср. его-же II, 98—99, гдѣ всѣ сокровищницы помѣщены внѣ дворца, къ югу отъ него; ср. его-же Plan restitutif du Grand Palais, помѣщенный передъ этой второй частью. Только при второмъ предположеніи можно представить, что послѣ осмотра оружія, халифъ выходилъ черезъ сокровищницу щитовъ. Въ такомъ случаѣ, онъ проходилъ за دار العلم, находившемся по фасаду между خزانة الدرق и прочими сокровищницами.

10) Два главныхъ лица въ сокровищницахъ сѣделъ — «завѣдующій» (какъ мы переводимъ слово الحامى) и «смотритель» (какъ мы переводимъ слово المشارف) принадлежали къ особымъ разрядамъ придворныхъ чиновъ — الشهود المعدّلون и الاستاذون المحنّكون, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ. О первомъ изъ нихъ уже сказано въ примѣчаніяхъ Juynboll'а къ тексту Ибн-Тагрибирди, II, 1, 101—102, на основаніи замѣчаній Fleischer'а и болѣе раннихъ соображеній Hammer-Purgstall'я, хотя ихъ объясненія касались второй части этого названія, наиболѣе сложной. الاستاذون, множ. число отъ الاستاذ (персидское слово), означаетъ въ нашемъ случаѣ опредѣленный чинъ — см. Калькашанди, 179—180. Ср. также своеобразное толкованіе термина «Устадъ» у Насыри-Хосроу, 138; ١٣٩. О сходномъ терминѣ استادار см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 25 suiv. Ближайшая свита (الخواصّ) халифа дѣлилась на три разряда — 1) الاستاذون — «устады», 2) صبيان الخاصّ — «свитскіе юноши» и 3) صبيان الحجر — «барачные юноши» т. е. жившіе въ казармахъ الحجر, о которыхъ см. напр. S. Sacy, Chrestomathie arabe, I, Paris, 1826, 156. Послѣдніе два разряда представляли собой собственно ближайшую охрану халифа, тогда какъ первые, «*Устады*», являлись высшими сановниками; самые важные изъ «устадовъ» назывались المحنّكون и получили свое названіе отъ внѣшняго признака; حنّك

значитъ — «обертывать подъ подбородкомъ конецъ тюрбана». Hammer-Purgstall (Jahrbücher der Literatur, CIX Band, Wien, 1845, 36) въ свое время указалъ, что изображеніе подобнаго убора мы можемъ видѣть въ извѣстныхъ росписяхъ Альгамбры, въ Sala de la Justicia или del Tribunal, гдѣ часть изображенныхъ на плафонѣ лицъ имѣетъ подобныя перевязи. Опредѣлить съ точностью — какова была эта перевязь: родъ-ли галстуха, каковой мы видимъ у нѣкоторыхъ лицъ вышеупомянутаго плафона, или просто обернутый около шеи конецъ тюрбана, — затруднительно. Слѣдующее далѣе въ нашемъ текстѣ описаніе халифа — «былъ онъ перевязанъ подъ подбородкомъ тѣмъ концомъ тюрбана, который свѣшивался съ лѣвой стороны», склоняетъ ко второму предположенію. Далѣе, Dozy, Vêtements, 307—308 и прим. къ Ибн-Тагрибирди, II, 1, 102, отожествляютъ عذبة и ذؤابة, «конецъ тюрбана»; благодаря Макризи, есть возможность установить нѣкоторое различіе между этими терминами, ограниченное можетъ быть мѣстомъ и временемъ. الذؤابة المرخاة وهى العذبة, говоритъ текстъ Макризи, I, ٤٤٠,٢٢—٢٣, т. е. «спущенная ذؤابة есть عذبة», изъ чего можно-бы заключить, что обернутый конецъ тюрбана носилъ спеціальное названіе ذؤابة, а спущенный — عذبة. Перечисленіе нѣкоторыхъ сановниковъ, имѣвшихъ по своему служебному положенію право на подобнаго рода перевязь, см. напр. у Макризи, I, ٣٨٩,٢٧ слѣд. И позже, вѣроятно при Айюбидахъ, *«адли»* (о которыхъ ниже) носили подобныя же перевязи, см. Макризи, I, ٤٤٠,٢ (цитата изъ Ибн-ат-Тувайра). Завѣдующіе сокровищницами принадлежали именно къ разряду сановниковъ этихъ степеней — см. напр. Макризи, I, ٤٢٠,١٢; ٤٢٢,٢٤; ٤٧٣,٢٤. При тѣхъ же сокровищницахъ находились и помощники завѣдующихъ — смотрители (مشارف), см. напр. Макризи, I, ٤١٢,٢٣ слѣд. Чинъ этого смотрителя также нуждается въ объясненіяхъ; онъ, по словамъ нашего текста, былъ من الشهود المعدّلين. شهود, множ. число отъ شاهد, не представляетъ затрудненій для перевода, давая опредѣленный смыслъ — «свидѣтели» и выражая извѣстный чинъ, зависимый отъ «кади-л-кудатъ», см. напр. Макризи, I, ٣٨٩,٢٧ или Quatremère, Mamlouks, II, 2, 108. Эти «свидѣтели» были ближайшими помощниками «кади-л-кудатъ» и его свитой, ср. Калькашанди, 199. معدّل означаетъ — «имѣющій чинъ عدل», букв. «посредника» — см. собранныя изъ восточныхъ авторовъ упоминанія у Quatremère, Mamlouks, II, 2, 111 suiv. Имѣвшихъ этотъ чинъ называли иногда просто العدول, множ. отъ عدل — см. напр. Макризи, I, ٤٠٣,١٩; ٤٤٠,٢; ٤٤٤,١٩; ٤٧٧,٤. Такимъ образомъ этотъ чинъ можно перевести буквально — «посредникъ-свидѣтель» или «нотаріальный свидѣтель». Кромѣ того, сопоставленіе معدّل съ предшествовавшимъ محنّك ндаетъ амъ возмож-

ность высказать нѣкоторыя соображенія относительно сближенія этого названія съ другимъ, болѣе позднимъ словомъ. Въ словарѣ Педро де Алкала (составленномъ въ 1505 г. въ Гранадѣ) приведено слово عدول въ значеніи «cordon pour une tresse de cheveux», «шнурокъ для (обвязыванья) косы», см. Dozy, Supplément, II, 103. При Фатымидахъ, какъ и при Айюбидахъ, чиновники, имѣвшіе чинъ *«адля»*, носили перевязи тюрбановъ подъ подбородкомъ: см. العدول المحنّكون, Макризи, I, ٤٤٠,٣—٣ и ٤٧٧,٤. Возможно, что названіе перевязи косы возникло изъ названія перевязи чиновниковъ عدول. Во всякомъ случаѣ, мы названіе عدول въ обоихъ значеніяхъ выводимъ изъ первоначальнаго, общаго смысла этого слова. Обязанности *шахидовъ*, какъ смотрителей сокровищницъ, были связаны съ контролемъ, наложеніемъ «печати справедливости» (ختم العدل) на сокровищницу, см. напр. Макризи, I, ٤١٨,٢٠—٢١. Cp. Sacy, Chrestomathie, I, 38 suiv.

Словами «конскіе уборы» мы переводимъ арабское المركبات (какъ у Макризи) или الركاب (какъ у Ибн-Тагрибирди). У Dozy, Supplément, I, 553, для слова ركاب дано значеніе «сѣдло»; у Lane, Arabic-english Lexicon, то же значеніе дано для слова مركب. Однако, мы не пользуемся этимъ значеніемъ въ нашемъ случаѣ, такъ какъ нѣсколько дальше стоитъ слово سرج, имѣющее несомнѣнно значеніе сѣдла. См. مركبات и тожественное ему مراكب въ принятомъ нами значеніи у Макризи напр. I, ٤١٨,١٣, ٢٨; ٤٢٧,٩; ٤٤٤,٣٤. О семидесяти лошадяхъ и мулахъ говорится лишь въ текстѣ Макризи, и у него же подробнѣе перечисляются матеріалы, изъ которыхъ были сдѣланы уборы. У Ибн-Тагрибирди описанію убора предпосылается слово يقال, — «говорятъ». Слова روادفها и قرابيسها мы перевели черезъ «заднія и переднія луки»; слово قرابيس множ. число отъ قربوس затрудненій не представляетъ, задняя же лука обыкновенно обозначалась чрезъ قربوس ورائيّ—см. Reinaud, 36. Въ сопоставленіи съ قرابيس, روادف не представляетъ однако особыхъ затрудненій для пониманія — множественное число отъ причастія глагола ردف, «быть сзади чего-либо», можетъ имѣть въ данномъ случаѣ лишь одно значеніе—«заднихъ сѣдельныхъ лукъ». Мы предпочли далѣе переводъ «драгоцѣнные камни» (الجواهر у Макризи), стоящему у Ибн-Тагрибирди «жемчугу» (اللؤلؤ) только потому, что первое понятіе шире (хотя جوهرة можетъ означать и жемчужину). Говоря о шейныхъ украшеніяхъ, Ибн-Тагрибирди не включаетъ ихъ въ понятіе مركب, а прямо говоритъ والخيل مطوّقة и т. д.; въ описаніи колокольчиковъ говорится лишь о томъ, что они были на переднихъ ногахъ (في ايدى اكثرها). Словомъ «позолоченные» перевели мы стоящее у Ибн-Тагрибирди مسقطة بالذهب; у Макризи стоитъ одно слово مسقطة, для котораго скорѣе всего подходило бы аналогичное دائرة значе-

ніе, см. Dozy, Supplément, I, 757. Слова السقلاطون нѣтъ въ текстѣ Ибн-Тагрибирди. Объ النقوش بالوان الحرير см. Karabacek, Ueber einige Benennungen etc. № 162, 282, anm. 43. (О выдѣлкѣ кожи كيمخت въ самомъ Каирѣ ср. Макризи, II, ٣٢٥—٣٢٩; это въ дополненіе нашего прим. 2).

Упоминаніе о золотѣ, игравшемъ важную роль въ вышеприведенныхъ конскихъ уборахъ, побуждаетъ насъ указать на то, что въ средневѣковой Европѣ золотыми издѣліями особенно славился мусульманскій Востокъ. Въ рыцарскихъ романахъ часто цитуется «арабское золото», or arabiant. О техникѣ средневѣковыхъ мусульманскихъ золотыхъ издѣлій и ихъ отношеніи къ западному художеству, далъ рядъ интересныхъ свѣдѣній H. Lavoix, Les Azziministes, Gazette des Beaux-Arts, XII, 1862; онъ отмѣтилъ два типа дамаскинированья — Lavori alla Damaschina, перегородчатое дамаскинированье, манера дамасской работы и Lavori all' Agiamina, выемчатое дамаскинированье, собственно персидская манера, особенно примѣнявшаяся въ Каирѣ. Дамаскъ, одинъ изъ главныхъ центровъ мусульманскаго міра, славился въ средневѣковой Европѣ произведеніями культуры и промышленности, получившими даже въ европейскихъ языкахъ его имя. Нѣкоторыя данныя по этому вопросу были собраны у Gay, Glossaire archéologique, 535 suiv., но его матеріалы можно еще дополнить. Мы имѣемъ—*дамастъ*, родъ драгоцѣнной ткани (древне-русская *адамашка*); *дамаскинированье*, извѣстный способъ украшенія металла; *дамасскіе* клинки; *damasquine*, родъ орнамента (морески на кожѣ); *oeuvre de Damas*, филигрань; стеклянныя издѣлія *à la façon de Damas* (à la Morisque); *lettres de Damas*, арабскія буквы; *charta damascena*, дамасская бумага; *damasco*, итальянское названіе абрикоса; *дамасская* слива; *rosa damascena* (*дамасская* роза, тожественная, можетъ быть, средневѣковой rose d'outremer); *zuchero dommaschino*, дамасскій сахаръ; *tapeti damaschini*, дамасскіе ковры (XVII в.) и пр.

11) Послѣ слова بعشرة—«десятью», у Макризи идетъ حصن; мы слѣдовали тексту Ибн-Тагрибирди, такъ какъ рѣчь главнымъ образомъ шла объ уборахъ, выносимыхъ изъ сокровищницъ сѣделъ. Слова اخوته не имѣется въ текстѣ Ибн-Тагрибирди. Текстъ отъ слова بالعرض عليهم до ثم يخرج имѣется лишь у Макризи и не приведенъ полностью въ примѣчаніяхъ Juynboll'а къ тексту Ибн-Тагрибирди. Въ опредѣленіи числа Макризи ограничивается приблизительной цифрой—ما تقرب. Слова يتسلمها العرفاء до المذكور имѣются также лишь у Макризи. Объ отвѣтственности за взятые изъ сокровищницы уборы см. еще Макризи, I, ٢١٨,١٨—١٩, ٢٢٢,٢٩—٣٠. Ниже мы увидимъ, что эти عرفاء не были собственно начальниками конюшенъ, а лишь извѣстнаго числа стремянныхъ и конюховъ. Дальнѣйшій переводъ до конца отрывка данъ нами по тексту Макризи; у Ибн-Тагрибирди, вполнѣ можно предполагать

нѣкоторый пропускъ, такъ какъ текстъ Макризи полнѣе. Титулъ «*Хаджибъ*», «камергеръ», весьма распространенный при дворахъ мусульманскихъ государей, не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ. Упоминаемыя далѣе географическія, или вѣрнѣе топографическія, названія, Мисръ и Кахира, означаютъ болѣе древнюю, до-Фатымидскую часть города и новую, уже основанную Фатымидами, столицу ихъ государства, см. напр. E. W. Lane, Cairo fifty years ago, London, 1896, 22 сл., 138 сл.; Stanley Lane Poole, Cairo, London, 1898, 6 сл.; его-же, The Story of Cairo, London, 1902, 34, 41; Franz-Pacha, Kairo. Leipzig, 1903, 3, 17.

Описанія сокровищницъ сѣделъ мы не находимъ у Quatremère, Mémoires etc. Калькашанди даетъ лишь самое краткое сообщеніе, 176. Описаніе Макризи состоитъ собственно изъ двухъ цитатъ—изъ Китаб-аз-захаиръ (о ней см. также Becker, 21—22) и Ибн-ат-Тувайра (١٨٤ ,خزائن السروج), т. е. изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ онъ бралъ описанія и сокровищницъ оружія. Въ краткомъ сообщеніи изъ первой книги содержится лишь упоминаніе о томъ, что въ этой сокровищницѣ хранились сундуки, наполненные украшенными серебромъ, чернеными (مجراة بسواد; терминъ, повидимому, однозначущій съ فضة مخرقة, о которомъ см. J. Karabacek, Ein römischer Cameo aus dem Schatze der Aijûbiden-Sultâne von Hamâh, Sitzungsberichte Wiener Akademie, Phil.-hist. Classe, B. 129, 9, anm.), гладкими сѣдлами. Описаніе Ибн-ат-Тувайра подробнѣе. По его словамъ, сокровищница сѣделъ Фатымидскихъ халифовъ содержала такія богатства, какихъ не было въ сокровищницахъ сѣделъ ни одного другого государства. Это была большая зала, по стѣнамъ которой находились особыя возвышенія (собст. مصطبة, скамья), съ наложенными на нихъ подушками (въ текстѣ — *муттаки*). На каждой подушкѣ лежало по три сѣдла, а надъ ней былъ вбитъ въ стѣну полированный колъ, выступавшій надъ подушкой и служившій вѣшалкой для разукрашенныхъ конскихъ уборовъ, съ поводьями трехъ сортовъ — золотыми, серебряными и изъ золота съ серебромъ, — и ожерельями и цѣпями для украшенія шей лошадей. Сѣделъ, предназначенныхъ исключительно для халифа и высшихъ сановниковъ, было болѣе тысячи штукъ. Халифъ производилъ смотръ и этихъ сокровищницъ, но только обходилъ ихъ, не садясь тамъ (بغير جلوس) (въ противуположность, такимъ образомъ, сокровищницамъ оружія, гдѣ даже имѣлся тронъ). Тутъ-же разсказывается о приспособленіи, сдѣланномъ при халифѣ Амирѣ, для удобства всадниковъ. Халифъ приказалъ сдѣлать переднія сѣдельныя луки полыми и обить ихъ внутри оловянными пластинками; затѣмъ продѣлать въ нихъ отверстія (въ текстѣ

فما, букв. «ротъ»), въ которыя и вставить трубки (صفارة). Всадникъ могъ пить изъ этого отверстія воду и утолять свою жажду. Каждое сѣдло вмѣщало семь «ритловъ» воды. Въ заключеніе говорится, что первымъ, начавшимъ выдавать чиновникамъ своихъ лошадей съ золотыми уборами въ дни торжественныхъ церемоній, былъ халифъ Азизъ.

12) Вмѣсто стоящей у Макризи фразы о верблюдовожатыхъ, имѣющейся въ нашемъ переводѣ, Ибн-Тагрибирди говоритъ—«и принимали это соотвѣтствующія лица отъ начальниковъ», وتسلمه اربابه من العرفاء. «Конюшни верблюдовъ»—первоначальное значеніе المناخات. Объ этихъ конюшняхъ есть краткое сообщеніе и у Калькашанди, 178. О غاشية, покрывало, см. вообще Quatremère, Mamlouks, I, 1, 5. Изъ того, что покрывала для вышеупомянутыхъ носилокъ передавались верблюдовожатыми (الجمّالون), можно заключить, что эти носилки либо ставились на верблюда, либо, по образцу современныхъ персидскихъ تختروان, привязывались между двумя верблюдами, идущими одинъ за другимъ. Ибн-Тагрибирди не даетъ опредѣленія числа мѣсяца, а только говоритъ—ثمّ, «затѣмъ». Въ текстѣ Макризи послѣ опредѣленія числа говорится еще—من سلخه على رأى القوم (Булакское изд.) или وهو سلخه على رأى القوم (рук. Учебнаго Отдѣленія), «и оно (т. е. двадцать девятое число) согласно мнѣнію народа (было) концомъ мѣсяца». Мы оставили слово الشبّاك, «Шуббакъ», безъ перевода въ текстѣ, такъ какъ оно имѣетъ спеціальное, техническое значеніе—рѣшотка, отгораживавшая особое, для халифа предназначенное мѣсто: المقصورة, *максуру;* о ней см. напр. Dozy, Supplément, I, 723 и II, 358; въ частности Ravaisse, II, 54 и у насъ далѣе. О «Шуббакѣ» везировъ см. напр. также Sacy, Chrestomathie, I, 235 suiv.

13) «*Сахиб-ар-рисала*», принадлежавшій къ разряду «*ал-устадуна-ал-муханникуна*», переводимому нами въ данномъ случаѣ «устады съ перевязью» для того, чтобы не наполнять нашъ переводъ рядомъ транскрипцій Фатымидскихъ чиновъ, имѣлъ спеціальную обязанность перевозить письма халифа везиру и прочимъ чиновникамъ—см. Калькашанди, 183. Къ словамъ من كبار الاستاذين المحنكين, у Макризи еще прибавлено—وفصحائهم وعقلائهم ومصليهم, «краснорѣчивыхъ, умныхъ, знающихъ». Фразы «въ противуположность обычной своей ѣздѣ» нѣтъ у Ибн-Тагрибирди. Словами «изъ своихъ покоевъ» мы перевели стоящія въ арабскомъ текстѣ من مكانه. Сообщеніе о слѣдованіи свиты пѣшкомъ имѣется лишь у Ибн-Тагрибирди, а о томъ, что никто не ѣздилъ по замку, кромѣ халифа, лишь у Макризи, но не только въ одномъ этомъ мѣстѣ (см. напр. еще ٣٨٧, ١—٢). См. также Калькашанди, 213—214.

Все дальнѣйшее описаніе, какъ выѣзда халифа, такъ и слѣдованья везира до смотра, связано съ внутренней топографіей Большого Дворца Фатымидовъ, почти вовсе намъ неизвѣстной. Однако, въ виду краткости сообщеній текста и общаго характера его, мы имѣемъ возможность, руководясь трудомъ Ravaisse'а (см. для оріентировки Plan restitutif du Grand Palais), намѣтить приблизительно тѣ части дворца, въ которыхъ могъ происходить упомянутый смотръ. Портикъ (دهليز) «Баб-ал-Мулькъ» (скорѣе чѣмъ «Баб-ал-Меликъ»), «Воротъ власти», въ которомъ находился «Шуббакъ», т. е. рѣшотка, отдѣлявшая назначенное для халифа мѣсто, опредѣлить изъ описанія выхода затруднительно. «Баб-ал-Мулькъ», во всякомъ случаѣ, не были внѣшнія ворота дворца, имена которыхъ намъ хорошо извѣстны (на подробномъ описаніи ихъ построена работа Ravaisse'а, см. I, 434—435), а находились гдѣ-то внутри. Нѣкоторую помощь можемъ мы получить изъ описанія выѣзда везира. Прежде всего, говорится, что онъ въѣзжалъ въ этотъ день черезъ «Баб-ал-Идъ», «Праздничныя ворота». Везиръ ѣхалъ, разумѣется, изъ своего дома (دار الوزارة), мѣстоположеніе котораго намъ хорошо извѣстно—Ravaisse, II, 50 suiv. Далѣе, такъ какъ онъ въѣзжалъ черезъ «Баб-ал-Идъ», находившіяся въ сѣверо-восточномъ углу дворца—Ravaisse, II, 63 suiv. и планъ,—то онъ долженъ былъ только пересѣчь «Площадь Праздничныхъ воротъ» (رحبة باب العيد). Въ другихъ случаяхъ, онъ могъ въѣзжать и черезъ «Баб-аз-Зумуррудъ», «Изумрудныя ворота», и черезъ «Баб-ар-Рихъ», «Ворота вѣтра»—Ravaisse, II, 34 suiv., 56 suiv. и планъ. Спѣшивался онъ лишь у «Длинныхъ портиковъ», очевидно тожественныхъ دهليز العمود, «Колонному портику» (см. Макризи, II, ٣٨٩,٦—٧), о положеніи котораго мы знаемъ,—Ravaisse, I, 461. Этотъ портикъ тянулся отъ западныхъ воротъ замка, такъ называемыхъ باب البحر, «Баб-ал-Бахръ», «Рѣчныхъ воротъ» (Ravaisse, I, 457 suiv. и планъ), внутрь Большого Дворца. Очевидно, что, въѣзжая черезъ «Праздничныя ворота», везиръ входилъ въ этотъ портикъ съ противуположной «Рѣчнымъ воротамъ» стороны. Такимъ образомъ, въ центрѣ Большого Дворца, между «Праздничными» и «Рѣчными» воротами, должно быть, находился «Шуббакъ», сидя въ которомъ халифъ дѣлалъ смотръ лошадямъ.

Слово «*Сидилла*» (السدّل), представляющее извѣстную трудность для пониманія, могло быть установлено нами лишь благодаря тексту Булакскаго изданія. Дѣло въ томъ, что у Ибн-Тагрибирди, видимо не понявшаго въ чемъ дѣло, стоитъ بمكان لا بدهليز; онъ, вѣроятно, счелъ конечное لا за отдѣльное слово, отрицаніе «не»; тогда, остающееся непонятнымъ فى السدل будетъ отвѣчать بمكان. Juynboll, давая разночтеніе Макризи и тоже не понявъ этого слова, напечаталъ совершенно ясно — فى السدل لا بدهليز. Наконецъ, у Мак-

ризи въ Булакскомъ изданіи, фраза напечатана слитно. Мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь слово السلّى, особое помѣщеніе, въ одной изъ стѣнъ котораго, вѣроятно, и находился «Шуббакъ». Объ السلّى см. Lane, Arabic-english lexicon, I, 1333—34, Gawâlîkî's Almu'arrab, ٨٢ (السدير) и BGA, IV, 259. Ср. Dozy, Supplément, I, 642 (banquette). Намъ кажется, что самое объясненіе, даваемое Джавалики этому слову, въ основѣ персидскому— سه دلى или سه دير, можно толковать въ пользу устройства въ немъ рѣшотчатой стѣны. Этотъ архитектурный терминъ переводится на арабскій слѣдующимъ образомъ — فيه ثلاث قباب متداخلة — «въ немъ три свода (или купола, или башенки), входящихъ другъ въ друга«. См. о персидской формѣ этого слова Словарь Vullers'a, I, 897 (دله), 750 (при словѣ خورنه), 950 (دير) и II, 354 (سه دير, سدير), гдѣ пехлев. دير отожествляется съ новоперс. گنبد. Какъ бы ни понимать слово قباب, здѣсь разумѣется постройка, закрытая съ трехъ сторонъ, а съ четвертой—открытая; тутъ-то и могла находиться рѣшотка. О زمام القصر и صاحب بيت المال, важныхъ должностныхъ лицахъ Фатымидскаго двора, см. Калькашанди, 183. Въ виду возможности точной передачи смысла, мы и перевели эти слова на русскій языкъ. Въ текстѣ Макризи стоитъ الى اوّل باب من الدهاليز الطوال, тогда какъ у Ибн-Тагрибирди—عند اوّل الدهاليز. У Калькашанди тронъ опредѣленъ иначе—везиръ находилъ hohen eisernen Thron. Въ рук. Учебнаго Отдѣленія стоитъ вмѣсто من كراسى البلق الجيد Булакскаго изданія— من كراسى البلق الحديد.

14) Количество отпускаемыхъ везиромъ поклоновъ опредѣлено нами по Макризи, согласующемуся съ Калькашанди; у Ибн-Тагрибирди — خمس مرات, «пять разъ». О привѣтствіи эмировъ Ибн-Тагрибирди не говоритъ, но мы сочли необходимымъ сохранить стоящее у Макризи, такъ какъ и у Калькашанди, повидимому, стоитъ то же выраженіе —يسلّم الامرآء, переведенное Wüstenfeld'омъ «verabschiedeten sich die Emire», хотя нѣсколькими строками выше, онъ перевелъ тоже слово يسلّم въ примѣненіи къ везиру— «grüsste». Слѣдующее выраженіе—«Устады опускали завѣсу», необходимо пояснить. Wüstenfeld, вѣроятно, на основаніи того, что вся церемонія носила торжественный, публичный характеръ, тотъ особый почетъ, который оказывалъ везиръ халифу, считалъ тоже публичнымъ и фразѣ يرخى الستر, далъ свободный переводъ — «der Vorhang ganz entfernt wurde». Слѣдуя, однако, буквальному смыслу этихъ словъ, мы оставили буквальный переводъ—«опускали завѣсу». Туда, за завѣсу, и входилъ позже везиръ для оказанія особаго почета халифу. Онъ «цѣловалъ руки и ноги его», какъ гово-

рять Макризи и Калькашанди; мы слѣдовали ихъ единогласному свидѣтельству, хотя у Ибн-Тагрибирди стоитъ единственное число — بل الخليفة و رجله. У самого Макризи различается цѣлованье рукъ и ногъ, руки и ноги халифа—см. напр. I, ٣٨٩,١٩—٢٠ и ٢٤. Почтеніе выражалось также и цѣлованіемъ земли—см. напр. I, ٤٤١,٥; ٤٤٢,٢, ٢٢, ٢٣. (О противорѣчіяхъ въ данномъ случаѣ съ теоріей мусульманскихъ богослововъ ср. I. Goldziher, Le monothéisme dans la vie religieuse des musulmans, Revue de l'histoire des religions, XVI, 1887, 157—165 и Die verweigerte Kniebeugung, Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, VII, 1897, 441—443).

Слово, переведенное нами «тронъ», المرتبة, имѣетъ, кромѣ того, особое значеніе въ языкѣ церемоніала. المراتب означаетъ рядъ мѣстъ въ пріемной залѣ халифа. Lataifo'l-ma'ârif, auctore at-Tha'âlibî, edidit P. de Jong, Lugduni Batavorum, 1867, ١٤, даетъ подробности относительно введенія этихъ мѣстъ. Разсказывается, что первый ввелъ это аббасидъ Мансуръ; Омейяды не знали этого обычая,—желавшіе видѣть ихъ просто ждали у дверей. Мансуръ, построивъ Багдадъ, устроилъ во дворцѣ пріемныя залы. Въ томъ же мѣстѣ Са'алиби упоминается и о другомъ нововведеніи Мансура— الخيش, кускѣ матеріи, опахалѣ, натягивавшемся на потолокъ и приводимомъ въ движеніе; ср. H. Yule — A. C. Burnell, Hobson—Jobson, A Glossary of Anglo-Indian Colloquial, London, 1903, Punkah, 742 слѣд. Это слово имѣетъ также, кромѣ значенія трона, еще и значеніе подушки, лежавшей на тронѣ — Sacy, Chrestomathie, I, 70 и 126, и тронной эстрады — Quatremère, Mamlouks, I, 1, 147.

О церемоніалѣ, сходномъ съ вышеупомянутымъ, имѣется также сообщеніе у Вильгельма Тирскаго (Recueil des historiens des croisades, Historiens occidentaux, T. I, P. 2, Paris, 1844, 911 suiv.). Іерусалимскій король Амальрихъ III (Амори) отправилъ къ Фатымидскому халифу Адыду, сыну Фаиза (Elhadeth, filius Elfeis; 555—567=1160—1171), посла, рыцаря Хюга Цезарейскаго, котораго везиръ Шаверъ (Sanar, Savar) представилъ халифу. Послѣ того какъ везиръ (Soldanus) трижды поклонился въ землю, раздернулась златотканная и разукрашенная драгоцѣнными камнями завѣса и увидѣли халифа, сидящаго на золотомъ тронѣ. Soldanus почтительно приблизился и поцѣловалъ ноги халифа. Въ параллельномъ французскомъ текстѣ завѣса опредѣляется какъ златотканная и съ шелковыми разноцвѣтными узорами, изображающими звѣрей, птицъ и людей.

Какъ дополненіе къ сообщенію о смотрѣ лошадей, интересны нѣкоторыя извѣстія Макризи, со словъ того-же Ибн-ат-Тувайра, о придворныхъ конюшняхъ. Какъ увидимъ ниже и какъ указывали ранѣе, описанія имѣютъ значеніе и для пониманія нашего текста. См. Макризи, I, ٤٤٤,٢٤ сл.;

объ организаціи службы въ конюшняхъ было кратко пересказано Ravaisse'омъ, II, 84. По разсказу Ибн-ат-Тувайра, у Фатымидскихъ халифовъ были двѣ конюшни—одна, называвшаяся «Тарима» (طارمة; у Dozy, Supplément, II, 42—«балдахинъ или портикъ»; Ravaisse переводилъ Ecurie de la Rotonde), противъ «Каср-аш-Шаукъ» (قصر الشوك, Ravaisse, II, 77), другая — въ кварталѣ Зувайлы, называвшаяся «Джуммайза» (جمّيزة, «сикоморъ», Макризи, I, ٤٤٢,١٧ сл.; о третьей изъ извѣстныхъ конюшенъ тамъ-же ٤٤١,٢٣ сл.). Въ распоряженіи халифа было до тысячи лошадей, причемъ на каждую конюшню приходилась половина общаго числа. Среди этихъ лошадей были спеціально предназначенныя для халифа, были постоянно служащія различнымъ чиновникамъ, были, наконецъ, и такія, которыя попеременно несли службу при церемоніяхъ. Ибн-ат-Тувайръ указываетъ, что о распредѣленіи ихъ чиновникамъ было уже упомянуто у него; и въ нашемъ текстѣ уже говорилось объ этомъ. Въ каждой конюшнѣ, надъ каждыми тремя лошадьми имѣлъ присмотръ постоянно находящійся при нихъ «надсмотрщикъ» (سائس), а каждая лошадь, кромѣ того, имѣла при себѣ выводившаго ее «конюха» (شدّاد). Въ каждой конюшнѣ былъ колодезь, вода котораго черезъ каналъ соединялась съ водоемами. Тамъ-же были магазины съ ячменемъ и сухимъ сѣномъ. Надъ каждыми двадцатью «надсмотрщиками» былъ особый «начальникъ» (عريف), на отвѣтственности котораго было наблюдать за конюхами, такъ какъ эти начальники получали изъ сокровищницъ сѣделъ разукрашенные конскіе уборы и возвращали ихъ обратно туда-же; это, какъ говоритъ Ибн-ат-Тувайръ, было уже упомянуто при описаніи сокровищницъ сѣделъ. Въ нашемъ описаніи сообщеніе объ этомъ включено въ текстъ разсказа о вынесеніи принадлежностей выѣзда. Наконецъ, въ каждой конюшнѣ былъ особый «доѣзжачій» (رائض), въ родѣ старшаго конюшаго (امير آخور—Quatremère, Mamlouks, I, 1, 19—20). Они оба получали, какъ содержаніе хозяйственными припасами, такъ и деньгами. Начальникамъ «надсмотрщиковъ» шло содержаніе хозяйственными припасами (у Ravaisse ميرة въ первомъ случаѣ переведено вѣрно—traitement en nature, во второмъ-же случаѣ почему-то l'argent). Прочимъ, низшимъ служащимъ, шли, помимо жалованья, хозяйственные припасы. За недѣлю до торжественнаго выѣзда, въ конюшню къ «доѣзжачему» являлся «устадъ» съ зонтикомъ изъ *дабикійской* ткани на полированномъ древкѣ. «Доѣзжачій» долженъ былъ ѣздить на тѣхъ двухъ или трехъ лошадяхъ, которыя были спеціально предназначены для халифа, при чемъ былъ надѣтъ и тотъ разукрашенный конскій уборъ, который одѣвался для выѣзда халифа; сѣдло было, однако, въ чехлѣ. «Устадъ» съ зонтикомъ

садился на мула, назначеннаго возить этотъ зонтикъ. Они ѣздили туда и обратно по большой площадкѣ (манежу) конюшни, а кругомъ нихъ играли на трубахъ и барабанахъ. Это продѣлывалось нѣсколько разъ на дню въ теченіе всей недѣли, чтобы халифская лошадь привыкла и не понесла во время выѣзда. (Ср. сходное, но краткое сообщеніе о пріученіи лошадей къ шуму у Насыри-Хосроу, ٢٧,٥ слѣд.; 137). И происходило это въ обѣихъ конюшняхъ. И лошадь, и мулъ были тѣ самые, на которыхъ ѣздили во время процессіи халифъ и носившій зонтикъ надъ нимъ. Интересно также сообщеніе (٢٢٥,٨—٩), что Фатымиды никогда не ѣздили на вороныхъ лошадяхъ, которыхъ даже не было въ ихъ конюшняхъ (ср. еще Калькашанди, 177—178, объясненіе см. Ravaisse, II, 84, note 5).

15) Упоминаемыя «сокровищницы избранныхъ одеждъ», составлявшія, несомнѣнно, важную часть дворцовыхъ сокровищницъ, нуждаются въ комментаріяхъ, которыя даетъ намъ тотъ-же текстъ сочиненія Макризи (ср. краткія замѣчанія Калькашанди, 175—176). Въ обширной статьѣ, озаглавленной خزائن الكسوات (I, ٢٠٩—٢١٢), «сокровищницы одеждъ», онъ даетъ любопытныя сообщенія, касающіяся устройства этихъ сокровищницъ, причемъ приводитъ рядъ другихъ, весьма интересныхъ описаній, непосредственно, впрочемъ, этихъ сокровищницъ не касающихся. Чтобы не удлиннять нашихъ примѣчаній, ограничимся лишь цитатами, непосредственно относящимися къ этимъ сокровищницамъ.

Наиболѣе интересна цитата изъ того-же Ибн-ат-Тувайра, ٢١٣,٢٣ сл. Указавъ на то, что служба въ сокровищницахъ одеждъ считалась важной должностью, онъ сообщаетъ, что таковыхъ сокровищницъ было собственно двѣ. Одна—внѣшняя, которой завѣдывалъ обязательно одинъ изъ высшихъ сановниковъ, приближенныхъ халифа, — «устадъ» или кто-либо иной. Въ ней находились раздаваемыя въ награду одѣянія изъ различныхъ тканей— *шарба*, лучшихъ *дабикійскихъ* разноцвѣтныхъ тканей для мужскихъ и женскихъ одѣяній, разноцвѣтнаго *дибаджа* и *сиклатуна;* туда свозили лучшія произведенія государственныхъ ткацкихъ мастерскихъ въ Тиннисѣ, Димьятѣ (Даміеттѣ) и Искендеріи (Александріи). Въ ней-же находился такъ называемый صاحب المقصّ, (букв. «владѣтель ножницъ»), т. е. начальникъ портныхъ, подчиненнымъ котораго было отведено тамъ мѣсто для шитья. Одежды шились тамъ согласно приказаніямъ и представлявшейся необходимости, и потомъ передавались въ другую, внутреннюю сокровищницу одеждъ, назначавшуюся спеціально для одѣянія халифа. Ею управляла женщина, именовавшаяся «Украшеніемъ хранителей» (زين الخزّان) и имѣвшая подъ началь-

ствомъ тридцать невольницъ; въ ея присутствіи мѣнялъ халифъ свои одежды, даже домашнее платье (الثياب الدارية), ширина рукавовъ котораго была въ половину ўже рукавовъ наружнаго платья. Для этой сокровищницы находился на берегу Нильскаго канала принадлежавшій лично халифу садъ, въ которомъ росли шиповникъ (النسرين) и жасминъ (الياسمين); каждый день, зимой и лѣтомъ, приносили изъ этого сада цвѣты для одеждъ и сундуковъ съ ними. Когда наступало время для распредѣленія лѣтнихъ или зимнихъ одеждъ, для каждаго изъ сыновей, женъ, близкихъ къ халифу и различныхъ чиновниковъ,—составлялся опредѣленнымъ порядкомъ тюкъ различныхъ частей одѣянія, сдѣланныхъ изъ различнаго рода тканей, начиная отъ самыхъ драгоцѣнныхъ, какъ-то цвѣтной *дибаджъ* и *сиклатунъ*, и кончая наиболѣе простыми—*суси* и *искендерани*. Такихъ тюковъ было до двухсотъ. Высшіе сановники получали дабикійскіе *арди*, ниже ихъ стоящіе—шелковые *уата*, ниже этихъ—искендерійскія *футы*. Послѣдняя фраза нуждается, конечно, въ разъясненіи. Опредѣляемыя по мѣсту производства или по матеріалу, всѣ три слова—العراضى, اوطية и فوط имѣютъ, какъ мы заключаемъ изъ контекста, сходное значеніе, хотя въ словаряхъ мы нашли одно и то-же значеніе лишь для двухъ словъ—فوطة (Dozy, Supplément, II, 289) и عرضيّة (Dozy, ib. II, 113), равное عرضىّ (Kremer, Beiträge, II, 16—17); وطآء, множ. اوطية (ср. Dozy, Supplément, 819), кромѣ прочихъ значеній, имѣетъ значеніе и части костюма, именно «башмака», въ данномъ случаѣ не подходящее. И عرضيّة, и فوطة значатъ—«кусокъ ткани, обертываемый въ видѣ тюрбана вокругъ головы»; они, весьма возможно, различались въ фасонѣ. Для وطآء мы не нашли такого значенія, хотя значеніе ткани вообще оно имѣетъ,—именно «ковра»; мы расширяемъ его значеніе, отчасти основываясь на контекстѣ, отчасти же потому, что это слово, отъ арабскаго корня وطأ, «попирать что-либо ногами, идти по чему-либо», сближаемъ съ близкимъ въ буквальномъ переводѣ персидскимъ словомъ پاياى—см. BGA, IV, 195. Что касается далѣе до значеній этихъ словъ въ разбираемомъ нами текстѣ, то мы не колеблемся опредѣлить значенія عرضىّ, وطآء и فوطة въ данномъ случаѣ. Въ предлагаемомъ нами ниже, въ приложеніи II, пересказѣ изъ خزينة الكسوات, فوطة, имѣющее значеніе «пояса, перевязи», постоянно чередуется съ عرضىّ, причемъ и изъ другихъ мѣстъ текста Макризи это послѣднее слово является въ значеніи «пояса, перевязи», напр. ٤٧٣,٣٠ — باوساطهم العراض الدبيقى. Дѣло идетъ, слѣдовательно, о поясахъ, различавшихся для отдѣльныхъ чиновниковъ. Въ форменныхъ одеждахъ эти пояса служили однимъ изъ существенныхъ признаковъ отличій—см. Quatremère, Mamlouks, II, 2, 70 suiv. Добавимъ, что женскій служащій персоналъ

имѣлся не только во внутренней сокровищницѣ одеждъ; у того-же Макризи I, ٣٨٧,٢ сл., сохранилось упоминаніе напр. объ особыхъ женщинахъ, присматривавшихъ за дворцовыми мулами и ослицами.

Краткое сообщеніе о сокровищницѣ одеждъ даетъ у того-же Макризи и Ибн-Аби-Тай (о немъ см. Becker, 30)—٤٠٩,٢٠ сл. Онъ говоритъ, что основаніе этой сокровищницѣ положилъ еще Муʿиззъ. Въ ней хранились зимнія и лѣтнія одѣянія для различныхъ служащихъ лицъ, равно какъ и для ихъ сыновей и женъ. Одѣянія эти были въ полномъ составѣ отъ тюрбана до шальваръ, а платокъ, обвязываемый въ видѣ тюрбана — «миндиль», принадлежалъ къ лучшимъ и драгоцѣннымъ частямъ одежды. Эмирамъ выдавали оттуда *дабикійскія* одежды и тюрбаны съ золотыми вышивками, и такіе тюрбаны бывали цѣной въ 500 динаровъ. Высшіе эмиры получали кромѣ того цѣпи, запястья и разукрашенные мечи.

Мы слѣдуемъ тексту Макризи بخزائن الكسوات, а не Ибн-Тагрибирди— من خزائن الكسوة, во первыхъ потому, что это могло происходить во внутренней сокровищницѣ, гдѣ халифъ могъ бывать ежедневно для перемѣны одеждъ; во вторыхъ изъ согласія съ текстомъ Калькашанди, гдѣ «begab er sich in das Garderobe-Magazin»; въ третьихъ-же потому, что въ сообщеніи Ибн-ал-Мамуна у Макризи, I, ٤٢٤,١٣—١٤, прямо говорится, что по окончаніи церемоніала выхода, халифъ проходилъ въ сокровищницу избранныхъ одеждъ и тамъ мѣнялъ церемоніальныя одежды на иныя. Если халифъ снималъ торжественное одѣяніе въ сокровищницѣ, то вѣроятно тамъ-же и одѣвалъ его.

Отмѣчаемъ, что вмѣсто بالغد «на слѣдующій день», у Макризи стоитъ في عيد تلك الليلة وهو يوم افتتاح العام—«въ праздникъ этой ночи (т. е. этихъ сутокъ), а онъ—день открытія года». Зу-л-Хиджжа, какъ извѣстно, мѣсяцъ перемѣнный: онъ состоитъ изъ двадцати девяти дней въ простомъ году и изъ тридцати въ високосномъ. Выше, въ прим. 12, мы отмѣтили уже фразу Макризи, по которой 29-е число считалось фактическимъ концомъ мѣсяца. Наше описаніе все расположено въ сообразномъ этому порядкѣ—29-е есть канунъ праздника; очевидно, описывается обычный порядокъ, т. е. простого года. Въ високосномъ, тридцатый день весьма вѣроятно оставался незанятымъ; впрочемъ, нашъ текстъ въ этомъ отношеніи ясныхъ указаній не даетъ.

Объ одеждахъ бѣлаго цвѣта, являвшагося отличительнымъ знакомъ Фатымидовъ, см. M. J. de Goeje, Mémoire sur les Carmathes du Bahraïn et les Fatimides, Leide, 1886 (Mémoires d'histoire et de géographie orientales, № 1), 179—180. Объ отличительныхъ цвѣтахъ Омейядовъ, Аббасидовъ и Фатымидовъ см. M. Hamaker, Réflexions critiques sur quelques

points contestés de l'histoire orientale, Leide, 1829, 8—10. О должности شدّ التاج الشريف см. краткія замѣчанія Калькашанди, 182—183. О самомъ головномъ уборѣ также краткое замѣчаніе у него-же, 172. Wüstenfeld, повидимому, полагалъ, что халифъ дѣйствительно одѣвалъ корону. Слово منديل указываетъ на то, что подъ تاج'емъ, перешедшимъ изъ до-мусульманскихъ, сасанидскихъ традицій, разумѣлся головной уборъ халифа, одѣвавшійся въ торжественныхъ случаяхъ. Это примѣръ заимствованія старыхъ понятій въ мусульманскую государственную терминологію. Приводимое далѣе слово «вѣнецъ» есть буквальный переводъ слова تاج, но означаетъ собственно منديل, «тюрбанъ». Самый фасонъ свертыванья характеризуется у Макризи слѣдующимъ образомъ (I, ٤٧٣,١٣—١٤)— тюрбанъ, арабскаго фасона (букв. свертыванья), исключительная принадлежность халифскаго одѣянія при праздникахъ и церемоніяхъ, усыпанный отборными яхонтами, изумрудами и прочими драгоцѣнными камнями. Какъ противуположность такому тюрбану, у того-же Макризи (I, ٤٧٥,٢١) говорится о тюрбанѣ «близкаго свертыванья», بالشدّة الدانية, т. е., въ противуположность пышному и широкому тюрбану арабскаго фасона, о тюрбанѣ, обвязанномъ вплотную. Словъ «касаться того, что было на халифскомъ вѣнцѣ» нѣтъ у Ибн-Тагрибирди. Названія شادّ и مشدّ имѣютъ также спеціальное значеніе въ примѣненіи къ должностному лицу—«смотритель, инспекторъ»—см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 110 suiv. и Dozy, Supplément, I, 736. شدّ, кромѣ того, имѣетъ также значеніе головного убора— см. Dozy, Vêtements, 213 suiv. и Supplément, I, 736.

16) Въ дальнѣйшемъ описаніи головного убора халифа, у Макризи и Ибн-Тагрибирди нѣтъ большого различія. Отмѣтимъ, что Ибн-Тагрибирди даетъ вѣсъ лишь الحافر'а, о вѣсѣ же يتيمة не сообщаетъ. Драгоцѣнный камень «*Ятима*» и полумѣсяцъ изъ яхонтовъ «*Хафиръ*» заслуживаютъ особаго упоминанія.

Обыкновенно, словомъ يتيمة обозначали чистѣйшей воды жемчужину— славилась жемчужина يتيمة, поступившая въ сокровищницу Харуна-ар-Рашида—BGA, IV, 380 (преданіе изъ Аджаиб-ал-Хиндъ см. теперь въ изданномъ текстѣ P. A. van der Lith, Livre des merveilles de l'Inde, Leide, 1883—1886, 134—137 и Arib, Tabari continuatus, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1897, глоссарій, XXVII). Не сближая упоминаемую въ нашемъ текстѣ *Ятиму* съ этимъ драгоцѣннымъ камнемъ въ сокровищницѣ раннихъ Аббасидскихъ халифовъ, мы, въ видѣ вопроса, сопоставляемъ ее со знаменитой жемчужиной въ сокровищницѣ Ка̔бы, кото-

рая, по словамъ Ариба (de Goeje, Mémoire sur les Carmathes, 107; см. также Arib, ١٣٧), вѣсила четырнадцать мискалей и была похищена Карматами, вмѣстѣ съ чернымъ камнемъ, при грабежѣ Мекки въ 317 г. Х. (930 по Р. Х.), вдохновленнымъ основателемъ Фатымидской династіи Убейдуллой (de Goeje, o. c. 100). Отмѣчаемъ, однако, различіе въ вѣсѣ — четырнадцать мискалей и семь дирхемовъ (о вѣсѣ драгоцѣнныхъ камней см. Clément Mullet, Essai sur la minéralogie arabe, Journal Asiatique, VI série, XI, 1868, 502 suiv.). О يتيمة, вѣсомъ въ семь дирхемовъ, см. еще краткія замѣчанія Калькашанди, 172.

Описаніе яхонтоваго полумѣсяца الحافر, данное у Макризи и Ибн-Тагрибирди, достаточно ясно, думаемъ, опредѣляетъ его мѣсто въ церемоніальномъ уборѣ, именно—накладыванье его на халифскій тюрбанъ. У Калькашанди, 173, однако, говорится, что этотъ полумѣсяцъ клался на лобъ лошади султана (?) во время выѣзда; это сообщеніе мы объясняемъ либо тѣмъ, что во время Калькашанди назначеніе *Хафира* было уже забыто, либо (что допускаемъ скорѣе) неправильнымъ пониманіемъ текста Wüstenfeld'омъ. У того-же Калькашанди, 177, имѣется весьма интересное сообщеніе о томъ, что когда Салах-ад-динъ занялъ халифскій дворецъ (въ 567 г. Х.; 1171—1172 по Р. Х.) (послѣдній халифъ العاضد, Адыдъ, почему-то названъ Фадылемъ), онъ нашелъ тамъ и вышеупомянутый الحافر. Послѣ паденія Фатымидовъ эта драгоцѣнность, повидимому, не долго продержалась въ Египтѣ; мы имѣемъ извѣстіе отъ 575 г. Х. (1179—1180 по Р. Х.), что король Сициліи Вильгельмъ II, при заключеніи мира съ Альмохадомъ Абу-Я'кубомъ, послалъ ему, среди прочихъ подарковъ, рубинъ *Хафиръ*, вложенный Альмохадами въ переплетъ драгоцѣннаго экземпляра Корана, перешедшаго къ нимъ изъ сокровищницъ Омейядовъ (R. Dozy, The history of the Almohades by Abdo-'l-Wâhid al-Marrékoshí, ed. by—, 2 ed., Leyden, Brill, 1881, 182 и E. Fagnan, Histoire des Almohades d'Abd el-Wâh'id Merrâkechi, tr. et ann., Alger, 1893, 218—219). Итакъ, за восемь лѣтъ эта драгоцѣнность изъ сокровищницъ Фатымидскаго дворца въ Каирѣ перешла къ норманскимъ королямъ Сициліи, а оттуда къ Альмохадамъ. Салах-ад-динъ относился вполнѣ равнодушно къ диковинкамъ, собраннымъ его предшественниками въ сокровищницы, и даже отдалъ Большой Дворецъ для жительства своимъ эмирамъ — Stanley Lane Poole, Saladin and the fall of the kingdom of Jerusalem, New-York — London, 1898, 115. При такомъ условіи, الحافر легко могъ быть проданнымъ сицилійскимъ королямъ, тѣмъ болѣе, что на пространствѣ этихъ четырехъ лѣтъ произошли въ сицилійскомъ королевствѣ важныя событія, для празднованья которыхъ могли произвестись и особыя покупки драгоцѣнныхъ предметовъ. Въ 1172 г.

исполнилось совершеннолѣтіе короля Вильгельма II, въ 1177 — свадьба его-же съ Іоанной, дочерью Генриха II англійскаго, см. Graf A. F. v. Schack, Geschichte der Normannen in Sicilien, II, 1889, Stuttgart-Leipzig-Berlin-Wien, 186 и 213.

Въ дальнѣйшемъ описаніи отмѣчаемъ, что весь уборъ изъ драгоцѣнныхъ камней въ видѣ полумѣсяца, на кускѣ шелковой матеріи, прикрѣплялся на переднюю сторону тюрбана, кругомъ же него прикрѣплялись еще въ большомъ количествѣ «мушиные изумруды», الزمرّذ الذبابى — ср. Калькашанди, 173. «Мушиными» изумруды назывались по сходству въ цвѣтѣ съ металлической окраской большихъ жуковъ — Clément-Mullet, 66, а не по величинѣ, какъ у Juynboll'a. Объ изумрудныхъ копяхъ въ Египтѣ собранъ матеріалъ у Quatremère, Mémoires, II, 173—181.

17) Фраза «и бывшій у нихъ въ почетѣ» и т. д. — имѣется лишь у Макризи. Вмѣсто شوركا мы принимаемъ чтеніе Juynboll'a — شوزكا, равно какъ чтеніе у Макризи عودها считаемъ опечаткой или опиской вмѣсто عمودها. قنطارية означаетъ въ данномъ случаѣ древко зонтика, а матеріалъ, изъ котораго оно было сдѣлано, опредѣляется словомъ الزان, о которомъ мы говорили уже выше, въ прим. 9. Мѣра ابهام, *«ибхамъ»*, равняется большому пальцу, тогда какъ слѣдующая нѣсколько ниже اصبع, *«исба»* — простому пальцу. О деревѣ *халанджъ* см. выше прим. 9. Упоминаемое далѣе مكسوّة بالذهب, у Макризи въ Булакскомъ изд. дополнено بوزن الذهب; въ рук. Учебнаго Отдѣленія — بورق الذهب; второе чтеніе, «листами золота», лучше. Крючки, устройство которыхъ описывается далѣе, мы отнесли къ ребрамъ зонтика (اضلاع), такъ какъ они скорѣе всего могли быть тамъ. Послѣ словъ تنضمّ وتنفتح, у Макризи стоитъ еще على طريقة شوكات الكبزان, а послѣ دائر еще и تفتحها من نسبتها. Обѣ эти фразы, пониманіе которыхъ затрудняетъ насъ, не имѣются въ текстѣ Ибн-Тагрибирди. Далѣе, у него-же, вмѣсто слова عنق — см. Ибн-Тагрибирди, II, 2, 138, — поставлено فاصل (букв. «отдѣляющій»), имѣющее въ данномъ случаѣ, повидимому, то-же значеніе, что стоящее у Ибн-Тагрибирди عنق. Числительное, опредѣляющее длину шейки, различно; у Макризи — три, у Ибн-Тагрибирди — шесть. Мы слѣдовали послѣднему, такъ какъ его текстъ мы приняли въ данномъ мѣстѣ. «Фестонъ», رفرف, стоящій въ текстахъ Ибн-Тагрибирди и Булакскаго изданія Макризи, выраженъ въ рук. Учебнаго Отдѣленія словомъ رفوف (значеніе котораго тожественно رفرف). Переводъ Quatremère, Mémoires, II, 381, слова رفرف черезъ paroi — вредъ ли правиленъ (соотвѣтственный текстъ Макризи, I, ٤١٩, ١٣). Наконецъ, вмѣсто عَرْضِىّ текста Ибн-Тагрибирди (см. II, 2, 138), у Макризи стоитъ слово عرض. Объ этомъ зонтикѣ разска-

зывается и у Насыри-Хосроу, ٢٨,٧; 141, у котораго также упоминается чрезвычайная роскошь этого предмета.

Описаніе церемоніальнаго зонтика, несомаго надъ головою халифа, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько дольше на этомъ любопытномъ признакѣ халифскаго достоинства, относимомъ къ разряду инсигній халифата. Число этихъ зонтиковъ было велико, всѣ они хранились въ дворцовыхъ сокровищницахъ, были снабжены золотыми или серебряными рукоятками, цвѣта-же ихъ были различны, такъ какъ цвѣтъ зонтика обязательно долженъ былъ соотвѣтствовать цвѣту халифскаго платья, такъ что въ нашемъ напр. случаѣ цвѣтъ зонтика долженъ былъ быть бѣлымъ — см. напр. Макризи I, ٢١٥,٢١ и Калькашанди, 173.

Зонтикъ, какъ знакъ верховной власти, служилъ уже предметомъ подробныхъ разысканій. R. Andree, Ethnographische Parallelen und Vergleiche, Stuttgart, 1878, 250—258, Der Schirm als Würdezeichen, относилъ, хотя и съ оговоркой, изобрѣтеніе зонтика, какъ знака верховной власти, къ Востоку. Западная и южная Азія и Африка исключительно отмѣчаются имъ при установленіи области распространенія этого обычая. Позже, къ этому-же вопросу вернулся E. Hahn, Der Sonnenschirm als Königssymbol und die Einführung des Rosenkranzes in Westeuropa, Internationales Archiv für Ethnographie, B. XVI, 1903, 30—42. Дополняя указанія, собранныя въ статьѣ Andree, этотъ ученый еще опредѣленнѣе высказывается за восточное изобрѣтеніе этого знака верховной власти (ср. напр. 36). Мы думаемъ, что къ ряду приведенныхъ обоими учеными примѣровъ можно прибавить еще значительное количество; укажемъ хотя-бы на весьма тщательно собранныя библіографическія указанія и цитаты у H. Yule — A. C. Burnell, Hobson — Jobson, 185, 951 и H. Yule, Travels of Marco Polo, London, 1904 (new edition), 354—5. О зонтикѣ, какъ инсигніи у мусульманскихъ государей, далъ (что не указано въ выше названныхъ работахъ) въ изобиліи цитаты E. Quatremère, Mongols, 208, note (جتر) и Mamlouks, II, 1, 280 (شمسية). Однако, приводимыя до сихъ поръ извѣстія не давали возможности, хотя-бы приблизительно, опредѣлить — когда и откуда этотъ знакъ высшей власти перешелъ въ Европу. Hahn, 34, основываясь на показаніи A. Kremer, Culturgeschichte, II, 218, считаетъ несомнѣннымъ, что этотъ знакъ есть заимствованіе отъ Сасанидовъ, хотя самъ Kremer весьма осторожно указывалъ, что приводимое имъ извѣстіе относится къ поздней эпохѣ, правленію Мустаршида (512—529= 1118—1135).

Мы имѣемъ, однако, арабскія извѣстія о зонтикѣ, какъ инсигніи, у Аббасидовъ, изъ болѣе древней эпохи. Въ BGA, V, XXXIII и Tabari, An-

nales, Glossarium, 1901, CCCXVI, былъ данъ при словѣ شمسة рядъ указаній цитатъ, относимый составителемъ глоссарія къ значенію этого слова въ смыслѣ зонтика. Однако, не во всѣхъ указанныхъ здѣсь цитатахъ это слово имѣло, по нашему мнѣнію, этотъ смыслъ. Сообщеніе о присылкѣ въ Ка̒бу двухъ شمسة Омейядомъ Абд-ал-Меликомъ (Ибн-ал-Факихъ, BGA, V, ٢٠,٢٣; тутъ-же о присылкѣ туда-же Омаромъ двухъ большихъ полумѣсяцевъ: ٢٠—٢١) и таковой-же присылки Аббасидомъ Мутеваккилемъ (Азраки, указанъ BGA, V, XXXIII), относится не къ значенію этого слова въ смыслѣ зонтика, а къ иному. Мы думаемъ, что شمسة тутъ означаетъ покровъ Ка̒бы, такъ называемую «кисву», كسوة—см. ниже наше прим. 20, съ важнымъ для нашего утвержденія текстомъ Макризи. Обращаясь къ эпохѣ Аббасидовъ, мы оставляемъ указанныя у Табари (III, ١١٨٣,١٨; ١٥٥٣,١٤; ٢٢٧٤,٣) и у Ариба (١٩,٧) сообщенія, относящіяся къ 220, 251 и 294 гг. Х. (835; 865; 906 — 907 по Р. Х.), такъ какъ здѣсь трудно сказать съ точностью какое значеніе имѣетъ слово شمسة. Въ описаніи Ариба, (١١٩,٧—١١ и de Goeje, Mémoire sur les Carmathes, 85), относящемся къ 312 г. Х. (924 — 925 по Р. Х.), разсказывается о грабежѣ Карматами каравана Меккскихъ богомольцевъ, причемъ среди добычи находился и شمسة; но мы и въ этомъ случаѣ переводимъ это слово «покровъ для Ка̒бы». Вообще, когда говорится о посылкѣ подобнаго рода вещи въ Ка̒бу, это значеніе, думаемъ, наиболѣе подходящее, такъ какъ зонтикъ для Меккскаго святилища совершенно не нуженъ. За то прямое уже указаніе на значеніе этого слова въ смыслѣ «зонтикъ», мы имѣемъ въ цитатѣ изъ Ариба (١٩٧,٣) подъ 320 г. Х. (932 г. по Р. Х.), когда, при описаніи выѣзда халифа Муктадира, разсказывается, что надъ головой его несли شمسة, дававшій ему тѣнь. Въ этомъ случаѣ, значеніе «зонтикъ» несомнѣнно, а самый фактъ — древнѣе расцвѣта Фатымидской власти. Отмѣтимъ еще, что по сообщенію Ибн-Изари, сынъ Махди Убейдуллы, второй Фатымидъ, Каимъ, выѣзжая, не сопровождался зонтикомъ (E. Fagnan, Histoire de l'Afrique et de l'Espagne intitulée Al-Bayano'l-Mogrib, trad. et annotée, t. I, Alger, 1901, pp. 300—301). (Описаніе какого-то инсигнія, въ родѣ зонтика, въ Хазаріи см. у Ибн-Русте, BGA, VII, ١٤٠,١٠; русскій переводъ у Д. А. Хвольсона, Извѣстія о Хозарахъ и т. д. Ибнъ-Даста, СПБ. 1869, 19).

Такъ какъ Византія не знала среди императорскихъ инсигній зонтика (объ извѣстіи Кодина см. у Hahn, 35; не отмѣченныя пока изслѣдователями слова C. Ritter, Erdkunde, VII Theil, Drittes Buch, Berlin, 1837, 303, ссылавшагося на Іоанна Кантакузена, нуждаются въ провѣркѣ—оба сообщенія во всякомъ случаѣ позднія), то и предполагалось введеніе его инымъ путемъ, напр. черезъ Венецію—Hahn, 36. Имѣется, однако, чрезвычайно

интересное для даннаго вопроса сообщеніе у арабскаго-же писателя Ибн-Хаммада (ابن حمّاد), приведенное въ сочиненіи M. Amari, Biblioteca arabo-sicula, Lipsia, 1857, ۳۱۷; Versione italiana, volume prima, Torino e Roma, 1880, 508—509 (повидимому, этотъ-же отрывокъ былъ приведенъ и у Cherbonneau, Documents inédits sur Obéid-Allah, fondateur de la dynastie fatimite, extraits de la Chronique d'Ibn H'ammad, Revue Africaine, XII, 1868, 471—472). Ибн-Хаммадъ разсказываетъ, что отличительная особенность Фатымидовъ, зонтикъ, походилъ на щитъ наверху копья, имѣлъ красивую форму и былъ усыпанъ драгоцѣнными камнями. При немъ находился особый всадникъ, называемый «носителемъ зонтика» (صاحب المظلة). Назначеніе этого зонтика состояло въ томъ, чтобы защищать царя отъ солнечной жары. Этотъ зонтикъ, прибавляетъ онъ далѣе, былъ исключительной принадлежностью Фатымидовъ. Послѣ нихъ принялъ его король Сициліи (ملك الروم بصقلية); но и къ нему этотъ обычай проникъ лишь потому, что Фатымиды подарили ему, среди прочихъ подарковъ, зонтикъ. Позднѣйшіе мусульманскіе писатели подтверждаютъ первенство Фатымидовъ въ примѣненіи зонтика, какъ знака высшей власти, см. напр. O. Houdas, Nozhet-el-Hâdi, histoire de la dynastie saadienne au Maroc (1511—1670), Paris, 1888—1889, I, ۱۱۹ и ۱۱۷ и II, 198 и 199—200. Сообщеніе Ибн-Хаммада даетъ отвѣтъ на поставленные выше два вопроса. Фатымиды первые, среди крупныхъ правителей, извѣстныхъ въ западномъ Исламѣ, приняли зонтикъ въ разрядъ своихъ инсигній. Возможно, что они заимствовали его отъ своихъ враговъ, которымъ, однако, были принуждены невольно подражать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — именно отъ Аббасидскихъ халифовъ. Изъ средневѣковаго Египта зонтикъ перешелъ въ Европу, но не черезъ Венецію, а черезъ норманскихъ королей Сициліи. Сообщеніе Ибн-Хаммада относительно назначенія зонтика, указываетъ на практическій характеръ подобнаго рода инсигній (ср. Hahn, 81).

Въ заключеніе этого примѣчанія и какъ примѣръ возможнаго смѣшенія военно-бытовыхъ терминовъ, укажемъ на слѣдующее обстоятельство. Проф. C. Brockelmann, въ рецензіи на неоднократно цитованную нами работу C. Becker'а, предложилъ рядъ поправокъ къ изданной части текста Мусаббихи (Göttingische gelehrte Anzeigen, 1902, 975). Между прочимъ, онъ предлагалъ исправить чтеніе Мусаббихи въ самомъ началѣ цитаты, въ текстѣ صاحب السنن, читая второе слово الشتر, какъ арабизацію перс. چتر, имѣющаго значеніе المظلة, «зонтика». Этому, казалось-бы, соотвѣтствовало и то обстоятельство, что [illegible] лицо сопровождается слонами, на обязанности которыхъ лежало [illegible] за халифскимъ зонтикомъ. Въ указан-

ныхъ выше цитатахъ Quatremère'а приведены многіе случаи арабизаціи перс. چتر, при чемъ подавляющее большинство этихъ цитатъ даетъ форму جتر, и всего лишь нѣсколько примѣровъ изъ позднихъ писателей—شتر. Кромѣ того, самое коньектуру мы считаемъ излишней, такъ какъ и чтеніе ستر даетъ ясный смыслъ—«завѣса». صاحب الستر, такимъ образомъ, будетъ должностное лицо, смотрѣвшее буквально за завѣсой (въ *шуббакѣ;* о немъ и о завѣсѣ его говорилось раньше при описаніи смотра лошадей и будетъ еще говориться далѣе), т. е. за пріемной залой халифа, и отожествляемое нами съ صاحب المجلس. По рангу это лицо стояло ниже несшаго зонтикъ, хотя и входило въ разрядъ الاستاذون المحنّكون, см. Калькашанди, 181 и 183. Ср. слова Макризи, дающаго тоже форму الستر (I, ٤١١,١٧ и ٤٣, а также наше прил. II), и интересный пропускъ въ текстѣ Ибн-Тагрибирди, ٤٧٤,٨, فيرفع صاحب الستر, тогда какъ у Макризи, ٤٤٩,١٦, فيرفع صاحب المجلس الستر. См. еще ниже наше прим. 20.

18) Переводя لوآء—*небольшое* знамя, мы слѣдуемъ ранѣе насъ высказаннымъ доводамъ. По Джаухари это даже знамя самыхъ малыхъ размѣровъ — см. Freytag, 262—263 (тутъ же о لوآء, какъ о знакѣ личной власти), Rehatsek, 248—249. У A. Djevad-bey, Etat militaire ottoman, I, Janissaires, 180, liwa объяснено черезъ baïrak (بيراق), a raïet черезъ sandjak (سنجق), т. е. لوآء было знамя меньшихъ размѣровъ, а رأية — бо́льшихъ. О томъ, что «санджакомъ» называлось большое знамя см. Djevad-bey, 181; различныя же описанія «байрака» и «санджака» имѣются въ Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien, напр. 109, 112, 115 сл.; о «санджакѣ» напр. 129. Въ переводѣ Wüstenfeld'а, 173, слово انابيب почему то выражено «Knoten wie bei dem Rohr». الى حدّ نصفها не имѣется у Ибн-Тагрибирди, по Калькашанди-же все копье было до острія (bis in die äusserste Spitze) выложено золотомъ (стоящее въ рук. Учебнаго Отдѣленія الى حدّ نقشها замѣняетъ вѣроятно الى حدّ نصفها, какъ въ Булакскомъ изданіи).

19) О رأية, какъ о большомъ знамени, см. вышеприведенное примѣчаніе. Вышивка на знаменахъ составляла извѣстное изреченіе изъ Корана, суры 61, стиха 13. Стихъ этотъ заканчивается еще وبشّر المؤمنين — «и обрадуй вѣрующихъ этой вѣстью». Этому соотвѣтствуетъ заключительная фраза этого отрывка, имѣющаяся лишь у одного Макризи о вознагражденіи за радостную вѣсть (بشارة) о благополучномъ возвращеніи халифа. Сообщеніе о древкахъ имѣется также лишь у одного Макризи. Размѣры длины и ширины мы относимъ къ полотнищамъ знаменъ; ср. также описанія выше,

напр. قصب الفضّة, серебряныхъ копій. О трехъ вышивкахъ на каждомъ изъ знаменъ говоритъ и Калькашанди (174); Ибн-Тагрибирди умалчиваетъ объ этомъ. Подъ этими вышивками нужно разумѣть собственно вышитые борты (о طرازة см. вообще Karabacek, Susandschird, указанныя на стр. 207 мѣста), — въ данномъ случаѣ ихъ было три; кораническая надпись на самомъ знамени въ данномъ случаѣ въ понятіе طراز не входитъ. «Юноши свиты», صبيان الخاصّ, входили въ составъ самыхъ близкихъ приближенныхъ халифа (الخواصّ), вмѣстѣ съ الاستاذون и صبيان الحجر, см. Калькашанди, 180 или наше прим. 3.

20) Сообщеніе объ изображеніи въ каждомъ полумѣсяцѣ льва изъ краснаго и желтаго *дибаджа* нуждается въ поясненіяхъ. Прежде всего, отмѣчаемъ, что это мѣсто, можетъ быть, одно изъ наиболѣе трудныхъ въ нашемъ текстѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе интересныхъ, такъ какъ даетъ описаніе совершенно особеннаго халифскаго инсигнія, — возбуждаетъ значительныя сомнѣнія при переводѣ и потому особенно нуждается въ комментаріи. О полумѣсяцахъ имѣются сообщенія въ нашемъ текстѣ раньше. При описаніи قصب الفضّة, серебряныхъ копій, бывшихъ инсигніями эмировъ, говорилось о томъ, что на верху ихъ были пустые полумѣсяцы съ колокольчиками внутри. Въ инсигніи халифа, вмѣсто колокольчиковъ, все пустое пространство между двумя изогнутыми пластинками, образующими полумѣсяцъ (такъ мы представляемъ себѣ его), заполнялось драгоцѣнной тканью съ рисункомъ льва. Возможно, что полумѣсяцы были сплошные (ср. стоящее только въ текстѣ Макризи صامتة), на нихъ-же были какъ-нибудь прикрѣплены атласныя изображенія львовъ, — въ одномъ случаѣ красное, въ другомъ — желтое. Во рту полумѣсяца, т. е. внутри его (въ пониманіи этого мѣста фразы намъ оказалъ содѣйствіе Я. И. Смирновъ), находился, по описанію, круглый обручъ; въ текстѣ Ибн-Тагрибирди вмѣсто طارة стоитъ طائرة, «птица», что въ прим. II, 2, 138 было исправлено Fleischer'омъ, по тексту Макризи, въ طارة, а эта замѣна произошла, вѣроятно, отъ отнесенія мѣстоименнаго суффикса въ словѣ فيه не къ هلال, а къ رمح. Далѣе мы переводимъ — «черезъ который проходило копье», хотя и у Макризи, и у Ибн-Тагрибирди стоитъ الريح т. е. «вѣтеръ», такъ что переводъ былъ бы — «въ который (т. е. обручъ) входилъ вѣтеръ, вслѣдствіе чего оба копья раскрывались». На сколько можно, однако, видѣть изъ описанія, это были не знамена, которыя развѣвались бы по вѣтру, а прямыя копья, единственная матерчатая часть которыхъ была заключена въ золотой полумѣсяцъ (у Калькашанди, 173, полумѣсяцы золотые и серебряные). Кромѣ того, если-бы это изображеніе было на развѣвающемся кускѣ матеріи, то нашъ текстъ,

отличающій въ теченіе всего описанія «знамя» отъ «копья» болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе внѣшне-бытовые предметы, не имѣлъ бы رمحان. Мы поэтому склонны видѣть въ الريح описку вмѣсто الرمح и считать эту фразу объясненіемъ того, какъ держался въ полумѣсяцѣ обручъ. Прибавимъ, что и у Wüstenfeld'а, который, видимо, не понималъ этого мѣста текста (напр. فى فمه طارة مستديرة перевелъ vorn mit einer runden Oeffnung?), стоитъ durch welche die Lanze (курсивъ нашъ) gesteckt wird, изъ чего заключаемъ, что у Калькашанди стоитъ الرمح. Слова «и держали ихъ» также заслуживаютъ поясненія. Въ Булакскомъ текстѣ Макризи и у Ибн-Тагрибирди стоитъ فينفتحان, т. е. «раскрывались, раскрывали ихъ», т. е. значеніе весьма неопредѣленное, но казалось-бы болѣе соотвѣтствующее предшествующему الريح, чѣмъ الرمح. Опредѣленнѣе стоящее въ рукописи (весьма впрочемъ молодой) Библіотеки С.-Петербургскаго университета (см. ЗВО, III, 215)—فينفخان, «развѣвались», подчиняемое предшествующему الريح. Въ рукописи Учебнаго Отдѣленія стоитъ فينتفخان, которое не только имѣетъ значеніе «развѣвались», но и *«поднимались, были подняты»*, т. е. «держали ихъ» нашего перевода. Во всякомъ случаѣ необходимо указать, что это описаніе является либо съ испорченнымъ текстомъ, либо неумѣло выраженнымъ. Опредѣленнаго вида предметъ получили мы лишь при принятомъ нами переводѣ.

Въ поясненіе этого мѣста и нашего къ нему комментарія, мы приводимъ переводъ еще одного, аналогичнаго по содержанію отрывка, дошедшаго до насъ у того-же Макризи, I, ٣٨٥, ٢٠ сл., въ цитатѣ изъ Ибн-Зулака (о немъ см. Becker, 13 ff.). Въ этой цитатѣ разсказывается слѣдующее. Въ день Арафы (9-го Зу-л-Хиджжы; года не указано; возможно, что подразумѣвается годъ предшествующей цитаты—362 = 973), халифъ Муʿиззъ приказалъ повѣсить въ портикѣ замка покровъ, сдѣланный для Каʿбы. (Т. е. *кисву*, كسوة, см. T. P. Hughes, Dictionary of Islam, London, 1895, 279—280; въ текстѣ стоитъ الشمسيّة, о значеніи котораго см. Quatremère, Mamlouks, II, 1, 281, гдѣ указано, что въ одной изъ рукописей стоитъ вмѣсто شمسيّة — كسوة. Именно это мѣсто текста Макризи и упоминаніе этого же слова въ ближайшей цитатѣ, о которой см. далѣе, дало поводъ Quatremère'у указать для شمسيّة значеніе «un rideau; attendu qu'il sert à garantir du soleil». О другихъ примѣрахъ, отмѣченныхъ нами у Табари, см. наше прим. 17. Оба извѣстія Quatremère отмѣтилъ какъ заимствованныя у Mohammed-ben-Moïassar, т. е. Ибн-Мисара, о которомъ см. Becker, 18; въ Булакскомъ изданіи, первое извѣстіе основано на Ибн-Зулакѣ, второе—на Китаб-аз-захаиръ. Мы думаемъ, что замѣчаніе Quatremère'а есть личный его домыселъ, а не разночтенія парижскихъ руко-

писей). Форма его была квадратная, двѣнадцать пяденей въ длину и въ ширину. Сдѣланъ онъ былъ изъ краснаго атласа (ديباج احمر), а вокругъ, по борту, было прикрѣплено двѣнадцать золотыхъ полумѣсяцевъ. (دورها стоитъ въ текстѣ, т. е. просто «кругомъ него»; мы полагаемъ, что эти полумѣсяцы скорѣе были прикрѣплены къ покрову, чѣмъ висѣли кругомъ него). Внутри каждаго полумѣсяца было изображеніе, въ видѣ цедрата (اترجّة), изъ золотой филиграни (въ текстѣ مسبك, который мы исправляемъ въ مشبّك, «филигранный», слово, которое часто сопровождаетъ ذهب); внутри каждаго цедрата было пятьдесятъ большихъ, величиной въ голубиное яйцо, жемчужинъ. На немъ (т. е. покровѣ) были красные, желтые и голубые яхонты, а кругомъ (опять таки في دورها), шла надпись стихами Корана, относящимися къ паломничеству (см. Hughes, 155), изъ зеленыхъ изумрудовъ на фонѣ крупныхъ жемчужинъ. Въ подкладкѣ покрова находился растолченый мускусъ. Повѣсили его такъ высоко, что его можно было видѣть не только въ замкѣ, но и внѣ замка; переносить-же его, вслѣдствіе тяжести, могло лишь большое количество слугъ.—Намъ кажется, что въ этомъ описаніи— въ полумѣсяцѣ и цедратѣ, можно видѣть сходство съ изображеніями, даваемыми нашимъ текстомъ. Въ текстѣ мы различали описанія — «въ немъ» и «во рту его»; у Ибн-Зулака никакихъ различій нѣтъ, такъ что вѣроятно, اترجّة, «цедратъ», находился внутри полумѣсяца и тогда въ немъ мы увидимъ изображеніе, сходное съ обручемъ, طارة, въ текстѣ описанія выѣзда. Описаніе этого покрова было въ свое время приведено Quatremère'омъ, Vie du khalife fatimite Moëzz-Lidin-Allah, Journal Asiatique, 3-me série, t. III, 1837, pp. 172—173, причемъ, однако, нашъ переводъ нѣсколько отличается отъ его. Слово, соотвѣтствующее нашему مشبّك, «филигранный», переведено у Quatremère'а «ажурный», слѣдовательно наша коньектура подтверждается. Что касается до красныхъ, желтыхъ и голубыхъ яхонтовъ, то Clément-Mullet далъ имъ въ свое время такое объясненіе: p. 32, красный яхонтъ—saphir rouge; p. 35, желтый яхонтъ—topaze oriental; p. 37, голубой яхонтъ—bleu pourprée.

Въ цѣляхъ поясненія приводимыхъ здѣсь словъ مشبّك и شمسيّة, мы укажемъ еще двѣ цитаты, приводимыя Макризи на этой-же страницѣ (٣٨٥,١٨ и ٣٥). Первая сообщается изъ Ибн-Зулака (كتاب سيرة المعزّ), вторая—изъ Китаб-аз-захаиръ. Ибн-Зулакъ разсказываетъ о первомъ въѣздѣ халифа Муʿизза въ замокъ (ср. Wüstenfeld, Fatimiden-Chalifen, 119—120 и Stanley Lane Poole, History, 108—109), и о томъ, какъ онъ совершилъ земной поклонъ и молитву, вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими его. Въ замокъ тогда уже были перевезены всѣ сокровища и казна. Въ серединѣ Рамадана,

Муʿиззъ сѣлъ на золотой тронъ, сдѣланный для него Джаухаромъ, въ новомъ портикѣ и призвалъ «шарифовъ» (т. е. потомковъ Али), а затѣмъ прочихъ знатныхъ людей; представлялъ ихъ ему поочередно Джаухаръ. Затѣмъ этотъ-же Джаухаръ представлялъ ему подарки, которые всѣ видѣли. Среди этихъ подарковъ были: сто пятьдесятъ лошадей, осѣдланныхъ и взнузданныхъ, при чемъ нѣкоторые уборы были разукрашены золотомъ, драгоцѣнными камнями, амброй; тридцать одинъ павильонъ для двугорбыхъ (بختى — см. Dozy, Supplément, I, 54) верблюдицъ, изъ атласа, съ перевязями и коврами, при чемъ девять изъ нихъ были сдѣланы изъ тяжелаго (مثقل, м. б. مثاقل, см. BGA, IV, 200) атласа; тридцать три мула, изъ которыхъ семь были осѣдланы и взнузданы; сто тридцать вьючныхъ муловъ; девяносто дромадеровъ; четыре филигранныхъ сундука, *содержимое которыхъ было видно* (مشبكة يرى ما فيها), съ золотыми и серебряными сосудами; сто мечей, украшенныхъ золотомъ и серебромъ; два ящика изъ черненаго серебра, наполненные драгоцѣнными камнями; усыпанная драгоцѣнными камнями шапочка (شاشية) въ футлярѣ; девятьсотъ корзинъ и ящиковъ съ остальными египетскими диковинками. — Значеніе مشبكة въ этомъ описаніи совершенно ясно.

Цитата изъ Китаб-аз-захаиръ, какъ бы поясняющая описаніе «*шемсійи*», приведенное нами выше, интересна также и для смысла термина الستر. По этому сообщенію, вѣсъ золотыхъ украшеній на завѣсѣ (الستر; вспомнимъ описаніе украшенной золотомъ и драгоцѣнными камнями завѣсы у Вильгельма Тирскаго), сдѣланной везиромъ Язури, составлялъ тридцать тысячъ мискалей; кромѣ того, на этой завѣсѣ было тысяча пятьсотъ шестьдесятъ разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней. Въ сравненіе съ этой завѣсой приводится الشمسية الكبيرة, большой покровъ, въ которомъ было тридцать тысячъ мискалей золота, двадцать тысячъ дирхемовъ черненаго серебра (въ текстѣ лишь محرّقة — Karabacek, Ein römischer Cameo etc., 9, указалъ, что средневѣковому мусульманскому искусству было извѣстно лишь черненіе по серебру, не по золоту) и три тысячи шестьсотъ разныхъ драгоцѣнныхъ камней.

Объ изображеніи льва въ древности и въ мусульманскую эпоху, съ особыми указаніями на цитаты объ изображеніяхъ льва на знаменахъ въ Шахъ-наме и на изображенія львовъ на Каирскихъ воротахъ еще при Тулунидахъ, мы находимъ данныя у Yacoub Artin Pacha, Contribution à l'étude du blason en Orient, Londres, 1902, 59—76. Въ той-же книгѣ, 139—169, собраны матеріалы объ еще болѣе извѣстномъ изображеніи, въ настоящее время символизирующемъ исламъ, — именно о полумѣсяцѣ.

писей). Форма его была квадратная, двѣнадцать пядеией въ длину и въ ширину. Сдѣланъ онъ былъ изъ краснаго атласа (ديباج احمر), а вокругъ, по борту, было прикрѣплено двѣнадцать золотыхъ полумѣсяцевъ. (دورها стоитъ въ текстѣ, т. е. просто «кругомъ него»; мы полагаемъ, что эти полумѣсяцы скорѣе были прикрѣплены къ покрову, чѣмъ висѣли кругомъ него). Внутри каждаго полумѣсяца было изображеніе, въ видѣ цедрата (اترجّة), изъ золотой филиграни (въ текстѣ مسبك, который мы исправляемъ въ مشبّك, «филигранный», слово, которое часто сопровождаетъ ذهب); внутри каждаго цедрата было пятьдесятъ большихъ, величиной въ голубиное яйцо, жемчужинъ. На немъ (т. е. покровѣ) были красные, желтые и голубые яхонты, а кругомъ (опять таки في دورها), шла надпись стихами Корана, относящимися къ паломничеству (см. Hughes, 155), изъ зеленыхъ изумрудовъ на фонѣ крупныхъ жемчужинъ. Въ подкладкѣ покрова находился растолченый мускусъ. Повѣсили его такъ высоко, что его можно было видѣть не только въ замкѣ, но и внѣ замка; переносить-же его, вслѣдствіе тяжести, могло лишь большое количество слугъ.—Намъ кажется, что въ этомъ описаніи— въ полумѣсяцѣ и цедратѣ, можно видѣть сходство съ изображеніями, даваемыми нашимъ текстомъ. Въ текстѣ мы различали описанія — «въ немъ» и «во рту его»; у Ибн-Зулака никакихъ различій нѣтъ, такъ что вѣроятно, اترجّة, «цедратъ», находился внутри полумѣсяца и тогда въ немъ мы увидимъ изображеніе, сходное съ обручемъ, طارة, въ текстѣ описанія выѣзда. Описаніе этого покрова было въ свое время приведено Quatremère'омъ, Vie du khalife fatimite Moëzz-Lidin-Allah, Journal Asiatique, 3-me série, t. III, 1837, pp. 172—173, причемъ, однако, нашъ переводъ нѣсколько отличается отъ его. Слово, соотвѣтствующее нашему مشبّك, «филигранный», переведено у Quatremère'а «ажурный», слѣдовательно наша коньектура подтверждается. Что касается до красныхъ, желтыхъ и голубыхъ яхонтовъ, то Clément-Mullet далъ имъ въ свое время такое объясненіе: p. 32, красный яхонтъ—saphir rouge; p. 35, желтый яхонтъ—topaze oriental; p. 37, голубой яхонтъ—bleu pourprée.

Въ цѣляхъ поясненія приводимыхъ здѣсь словъ مشبّك и شمسيّة, мы укажемъ еще двѣ цитаты, приводимыя Макризи на этой-же страницѣ (٣٨٥,١٨ и ٢٥). Первая сообщается изъ Ибн-Зулака (كتاب سيرة المعزّ), вторая—изъ Китаб-аз-захаиръ. Ибн-Зулакъ разсказываетъ о первомъ въѣздѣ халифа Муʿизза въ замокъ (ср. Wüstenfeld, Fatimiden-Chalifen, 119—120 и Stanley Lane Poole, History, 108—109), и о томъ, какъ онъ совершилъ земной поклонъ и молитву, вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими его. Въ замокъ тогда уже были перевезены всѣ сокровища и казна. Въ серединѣ Рамадана,

Муʿиззъ сѣлъ на золотой тронъ, сдѣланный для него Джаухаромъ, въ новомъ портикѣ и призвалъ «шарифовъ» (т. е. потомковъ Али), а затѣмъ прочихъ знатныхъ людей; представлялъ ихъ ему поочередно Джаухаръ. Затѣмъ этотъ-же Джаухаръ представлялъ ему подарки, которые всѣ видѣли. Среди этихъ подарковъ были: сто пятьдесятъ лошадей, осѣдланныхъ и взнузданныхъ, при чемъ нѣкоторые уборы были разукрашены золотомъ, драгоцѣнными камнями, амброй; тридцать одинъ павильонъ для двугорбыхъ (بختى — см. Dozy, Supplément, I, 54) верблюдицъ, изъ атласа, съ перевязями и коврами, при чемъ девять изъ нихъ были сдѣланы изъ тяжелаго (مثقل, м. б. مثقال, см. BGA, IV, 200) атласа; тридцать три мула, изъ которыхъ семь были осѣдланы и взнузданы; сто тридцать вьючныхъ муловъ; девяносто дромадеровъ; четыре филигранныхъ сундука, *содержимое которыхъ было видно* (مشبكة يرى ما فيها), съ золотыми и серебряными сосудами; сто мечей, украшенныхъ золотомъ и серебромъ; два ящика изъ черненаго серебра, наполненные драгоцѣнными камнями; усыпанная драгоцѣнными камнями шапочка (شاشية) въ футлярѣ; девятьсотъ корзинъ и ящиковъ съ остальными египетскими диковинками.— Значеніе مشبكة въ этомъ описаніи совершенно ясно.

Цитата изъ Китаб-аз-захаиръ, какъ бы поясняющая описаніе «*шемсійи*», приведенное нами выше, интересна также и для смысла термина الستر. По этому сообщенію, вѣсъ золотыхъ украшеній на завѣсѣ (الستر; вспомнимъ описаніе украшенной золотомъ и драгоцѣнными камнями завѣсы у Вильгельма Тирскаго), сдѣланной везиромъ Язури, составлялъ тридцать тысячъ мискалей; кромѣ того, на этой завѣсѣ было тысяча пятьсотъ шестьдесятъ разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней. Въ сравненіе съ этой завѣсой приводится الشمسية الكبيرة, большой покровъ, въ которомъ было тридцать тысячъ мискалей золота, двадцать тысячъ дирхемовъ черненаго серебра (въ текстѣ лишь مُحرّقة — Karabacek, Ein römischer Cameo etc., 9, указалъ, что средневѣковому мусульманскому искусству было извѣстно лишь черненіе по серебру, не по золоту) и три тысячи шестьсотъ разныхъ драгоцѣнныхъ камней.

Объ изображеніи льва въ древности и въ мусульманскую эпоху, съ особыми указаніями на цитаты объ изображеніяхъ льва на знаменахъ въ Шахъ-наме и на изображенія львовъ на Каирскихъ воротахъ еще при Тулунидахъ, мы находимъ данныя у Yacoub Artin Pacha, Contribution à l'étude du blason en Orient, Londres, 1902, 59—76. Въ той-же книгѣ, 139—169, собраны матеріалы объ еще болѣе извѣстномъ изображеніи, въ настоящее время символизирующемъ исламъ, — именно о полумѣсяцѣ.

Отмѣтимъ, что изображеніе мѣсяца является одною изъ древнѣйшихъ эмблемъ въ домусульманскомъ искусствѣ Персіи. Относительно мусульманской эпохи ср. цитованное выше въ прим. 17 извѣстіе Табари о присылкѣ въ Ка'бу полумѣсяцевъ еще халифомъ Омаромъ. Что касается далѣе до формъ копій, то руководясь новой работой F. Sarre, Die altorientalischen Feldzeichen, mit besonderer Berücksichtigung eines unveröffentlichten Stückes, Beiträge zur alten Geschichte, III Band, Heft 3, 1903, 333—371, мы можемъ констатировать копье съ кругомъ наверху уже въ ассирійскихъ знаменахъ (339 и 340, fig. a—h), причемъ этотъ кругъ или кольцо является символомъ господства, а также солнца (341). Ср. въ той-же статьѣ сближеніе знамени Варахрана IV съ изображеніями на пароянскихъ и сасанидскихъ монетахъ (со ссылкой на датскую статью L. Müller'а). См. также сходное изображеніе на головномъ уборѣ сасанидскаго царя напр. въ таблицѣ Oeuvres de A. de Longpérier, t. I, Paris, 1883, 89 (статья Explication d'une coupe sassanide inédite). Въ мусульманскую эпоху подобное изображеніе мы находимъ хотя-бы въ рисункахъ древнѣйшихъ халифскихъ монетъ. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разысканія объ этомъ любопытнѣйшемъ геральдическомъ типѣ, отмѣчаемъ, что какъ сами изображенія, такъ и ихъ сочетаніе, имѣютъ опредѣленный смыслъ. Мусульманская нумизматика можетъ, вѣроятно, дать особенно много матеріаловъ для сравненія. О парномъ изображеніи знаменъ на ассирійскихъ памятникахъ и у Фатымидовъ см. параллель въ Archiv für Religionswissenschaft, VII, 1904, 276. Въ дополненіе укажемъ, что въ любопытной цитатѣ изъ османскаго историка Васыфа о мусульманскихъ знаменахъ въ вышеприведенномъ сочиненіи Djevad-bey, 181, слово علم, «аламъ», объясняется какъ спеціальный терминъ для обозначенія «сдѣланнаго изъ позолоченной мѣди полумѣсяца», которымъ халифы украшали свои знамена.

21) О происхожденіи меча изъ громовой стрѣлы говорятъ Макризи и Калькашанди, 172; Ибн-Тагрибирди объ этомъ не сообщаетъ. Ср. Kremer, Culturgeschichte, II, 284, anm. 3, о распространенности подобныхъ повѣрій на мусульманскомъ Востокѣ въ средніе вѣка. Мы слѣдуемъ въ дальнѣйшемъ чтеніи قبلة Макризи — قبلة, а не Ибн-Тагрибирди и (повидимому) Калькашанди — قبلة, такъ какъ инкрустація драгоцѣнными камнями вѣроятнѣе могла быть на ручкѣ, чѣмъ на всемъ мечѣ. Переводя далѣе — «въ ножнахъ, вышитыхъ золотомъ», мы руководились слѣдующимъ: первоначальное значеніе خريطة — «кошелекъ, мѣшокъ», т. е. сдѣланное изъ мягкаго предмета — ткани или кожи (у Wüstenfeld'а — in einem oben vergoldeten ledernen Kästchen), مرقوم — же имѣетъ постоянно значеніе «вышитый».

22) Объ этомъ копьѣ см. еще Калькашанди, 173. Относительно этого

копья и двухъ другихъ копій у Макризи, ٤١٢,١٤—١٥, говорится, что они были не арабскія, а خشوت (ما هى عربيّة بل هى خشوت). Послѣднее слово есть арабская форма множественнаго числа отъ персидскаго слова خشت, см. Kremer, Beiträge, I, 49. Не имѣя возможности точно опредѣлить, какая разновидность копій называлась этимъ названіемъ, мы, руководясь высказанными въ прим. 9 соображеніями, предпочли бы перевести это слово — «персидскія» копья. Въ этомъ-же текстѣ говорится далѣе, что Муʿиззъ привезъ эти три копья съ собою изъ Магриба.

23) Объ этомъ щитѣ см. также Калькашанди, 173. О словѣ كوامخ мы говорили уже раньше, въ прим. 2. О принадлежности этого щита Хамзѣ, дядѣ Мухаммеда, мы также говорили въ прим. 9. Предшествующее въ описаніи копье и этотъ щитъ несъ одинъ и тотъ же человѣкъ, см. Макризи, I, ٤١٢,١٣ и наше описаніе далѣе.

24) Въ описаніи Калькашанди, сообщеніе о пути процессіи вставлено въ другомъ мѣстѣ — стр. 207, какъ цитата изъ Ибн-ат-Тувайра; цистерну Изз-ал-Мулькъ помѣщаетъ онъ in der Nähe des Siegesthores. Макризи и Ибн-Тагрибирди даютъ намъ описанія обоихъ путей, въ общемъ вполнѣ сходныя. Меньшій кругъ очень легко представить себѣ, бросивъ взглядъ хотя бы на Plan général de Maṣr el-Ḳâhirah sous les Khalifes Fâtimites, приложенный къ I-ой части работы Ravaisse'a. Бóльшій кругъ представляетъ бóльшія затрудненія, именно упоминаніемъ бассейна и мечети عزّ الملك تبر (تبر читаемъ мы послѣднее слово). Казалось-бы, разъ названа мечеть, особыхъ трудностей представиться не можетъ — у Макризи приведенъ подробный списокъ Каирскихъ мечетей (II, ٤٠٨—٤١٤, مساجد; ٢٤٩—٣٣١, جوامع). Дѣло, однако, въ томъ, что мечети съ такимъ названіемъ мы не находимъ у Макризи. Ближайшей же по названію и по топографическимъ условіямъ является مسجد تبر (Макризи, II, ٤١٣). Изъ плана Plaine Fosṭâṭ Maṣr, приложеннаго къ I-му тому сочиненія Ravaisse'a, мы видимъ, что процессія могла доходить до мѣста, означеннаго на планѣ Mosquée de Tabr el-Ikhchîdî. Слово Tabr, تبر, мы видимъ въ сохранившемся лишь въ текстѣ Макризи نبا (въ рук. Учебнаго Отдѣленія بنا, въ университетской—تنا). Въ нашемъ переводѣ мы оставили въ этомъ словѣ гласныя буквы неотмѣченными потому, что не увѣрены — нужно-ли читать это слово Табръ (какъ принялъ Ravaisse), или Табаръ, или какъ-либо иначе. О مسجد تبر, иначе مسجد البئر или مسجد التبن, см. также сообщенія изъ того-же Макризи у Ravaisse, I, 417. Коньектура نبا въ تبر, при томъ еще, что послѣднее названіе примѣнялось къ этой мечети не всегда, т. е. при меньшей извѣстности названія, — кажется намъ вполнѣ допустимой.

Самый путь по направленію къ مسجد تبر и бассейну, находившемуся тамъ, объясняется, весьма возможно, тѣмъ, что тамъ былъ погребенъ уважаемый алидъ Ибрахимъ, сынъ Абдуллаха, сына Хасана, сына Хусейна-ибн-Али-ибн-Абу-Талиба; связь между путемъ новогодняго выѣзда Фатымидовъ и ихшидскимъ полководцемъ تبر'омъ, боровшимся съ Джаухаромъ, разумѣется совершенно случайна. Въ текстѣ Ибн-Тагрибирди нѣтъ ни слова نبا, ни упоминанія о мечети и о томъ, что это былъ самый дальній пунктъ процессіи. Вторичнаго упоминанія объ извѣщеніи народа также нѣтъ у Ибн-Тагрибирди. «Баб-ан-Насръ» (باب النصر) и «Баб-ал-Футухъ» (باب الفتوح)—извѣстныя ворота въ сѣверной части Каира.

25) Относительно предразсвѣтныхъ сборовъ должностныхъ лицъ на площади между замками ср. аналогичные факты на Западѣ у Бѣляева, Ежедневные пріемы, 1 слѣд. فصّفوا, «выстраивались», имѣется лишь у Ибн-Тагрибирди, у котораго ارباب الرتب соединены союзомъ و съ ارباب السيوف والاقلام. Мы, однако, слѣдовали тексту Макризи, такъ какъ понятіе ارباب الرتب именно включаетъ въ себѣ чиновниковъ различнаго рода—военныхъ и гражданскихъ. О площади بين القصرين, позже застроенной, а во времена Фатымидовъ лежавшей между двумя дворцами, большимъ восточнымъ и малымъ западнымъ, см. Ravaisse, I, 438.

26) Лишь въ текстѣ одного Макризи мотивируется почему не было особаго приглашенія везира, какъ мы видѣли раньше, при смотрѣ лошадей. Фраза «со спущеннымъ концомъ тюрбана, не обернутымъ вокругъ подбородка» переведена у Wüstenfeld'а слѣдующимъ образомъ — «sämmtlich auf ungezäumten Thieren». Уже Fleischer въ прим. къ Ибн-Тагрибирди, II, 1, 102, обратилъ вниманіе на важность перевязыванья конца тюрбана, какъ знака отличія и указалъ на переведенное у насъ мѣсто, въ которомъ говорится, что сыновья и братья везира не имѣли этой привилегіи. «Тюрбанъ съ перевязью» нашего перевода соотвѣтствуетъ «Satteldecke und Riemenzeug» Wüstenfeld'а.

Упоминаніе о торжественныхъ одеждахъ везира побуждаетъ насъ дать хотя-бы краткое упоминаніе о тѣхъ отличительныхъ особенностяхъ этихъ одеждъ, описаніе которыхъ сохранилось у того-же Макризи. Приводимыя имъ цитаты изъ болѣе древнихъ авторовъ, I, ٤٣٩,٢٣ слѣд., даютъ намъ нѣкоторое понятіе и объ этомъ вопросѣ. Прежде всего, Ибн-ат-Туайръ сообщаетъ (٤٤٠,١ слѣд.), что Фатымидскіе везиры одѣвали тюрбаны (طبقيّات—о которыхъ см. A. Kremer, Beiträge sur arabischen Lexicographie, II, 9 и BGA, IV, 287) съ перевязью подъ подбородкомъ и отличались отъ всѣхъ остальныхъ чиновниковъ особой короткой одеждой, называв-

шейся *«дурра'а»* (دراعة—о ней Dozy, Vêtements, 177 suiv. и Supplément, I, 434; دراعة ср. еще Насыри-Хосроу, ۲۸,۲; 140—141, уже въ примѣненіи къ костюму халифа), спереди разрѣзанной, приблизительно до высоты сердца, и снабженной пуговицами и застежками изъ филиграннаго золота и жемчуга (ср. Sacy, Chrestomathie, I, 125). Эта одежда была, по его словамъ, признакомъ везирата, также какъ и разукрашенная золотомъ чернильница. Въ цитатѣ изъ Ибн-Аби-Тайя (۴۴۰,۲۴), разсказывается о тѣхъ одеждахъ, которыя при Фатымидскихъ халифахъ являлись отличительнымъ признакомъ эмировъ — именно о *дабикійскихъ* платьяхъ и тюрбанахъ изъ ткани *касабъ* (Dozy, Supplément, II, 354) съ золотымъ шитьемъ; золотое шитье и тюрбанъ — цѣной въ пятьсотъ динаровъ. Главнѣйшіе эмиры одѣвали золотыя цѣпи, запястья и разукрашенные мечи, везиръ же одѣвалъ, вмѣсто цѣпи, ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней. Далѣе, тотъ-же Ибн-ат-Тувайръ (۴۴۰,۲۷), упоминаетъ о томъ, что везиръ (въ данномъ случаѣ Бедр-ал-Джемали) одѣвалъ, вмѣсто цѣпи, ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, стоившее пять тысячъ золотыхъ мискалей, перевязывалъ подъ подбородкомъ спущенный край у тюрбана, возлагалъ фестончатый (مقوّر, см. Dozy, Supplément, II, 418) *«тайлесанъ»* (طيلسان, платокъ, одѣваемый на голову и на плечи, о немъ см. Dozy, Vêtements, 278 suiv.). Этотъ *«тайлесанъ»* поясняется у Макризи, ۴۴۰,۲۱ — ويسمّى اليوم بالطرحة «теперь называемый *тарха*»; о послѣднемъ словѣ см. Dozy, Vêtements, 254 suiv. Таковы были отличительные признаки везирской одежды. Нѣкоторыя указанія на роскошныя одежды везира при торжествахъ см. напр. у того же Макризи, I, ۴۷۱,۲۴ слѣд.; ср. также Калькашанди, 188.

Пользуясь упоминаніемъ о нѣкоторыхъ чертахъ внѣшняго быта Фатымидскихъ вельможъ, укажемъ, что интересная опись имущества вельможи Фатымидской эпохи сохранилась у того-же Макризи, II, ۴,۲۲—۲۷ (Sacy, Chrestomathie, I, 199—200; Булакскій текстъ и французскій переводъ расходятся въ мелочахъ; краткое упоминаніе объ этомъ имуществѣ имѣется и у Ибн-Халликана при словѣ برجوان). Опись относится къ халифату Хакима, къ 390 г. Х. (1000 по Р. Х.). Это — весьма близкая по времени египетская параллель къ описи имущества Аббасидскаго вельможи, упомянутой нами въ прим. на стр. 8.

«Колонный портикъ», упоминаемый въ описаніи есть, очевидно, то-же, что «Длинные портики», о которыхъ говорилось выше, при описаніи смотра лошадей, см. прим. 13. Церемоніалъ шествія везира въ замокъ согласуется въ общемъ съ его шествіемъ наканунѣ для смотра лошадей. Ср. также Макризи, I, ۳۸۹,۰ слѣд. «Макта-ал-визаратъ», مقطع الوزارة, помѣщеніе для везира и его близкихъ, врядъ-ли можетъ быть съ точностью опредѣлено

топографически, см. Ravaisse, I, 461. Слово القاعة, «Зала», нашего текста, мы опредѣлили словомъ الذهب, «Золотая», такъ какъ несомнѣнно именно эта часть строенія разумѣется въ текстѣ, см. Ravaisse, I, 456 — 457. (Любопытно отмѣтить сходство въ терминологіи — القصر الكبير, Большой Дворецъ или قاعة الذهب, Золотая Зала, у Фатымидскихъ халифовъ съ Μέγα Παλάτιον и Χρυσοτρίκλινος, τρίκλινος χρυσός въ Византіи). Мы, однако, расширяемъ значеніе этого названія, не ограничивая его одной тронной, пріемной залой. Макризи, I, ٣٨٥,١٣, писалъ— كان يقال لقاعة الذهب قصر الذهب, «Золотую залу называли также Золотымъ замкомъ»; поэтому мы думаемъ, что этимъ именемъ обозначали также важнѣйшую изъ составныхъ частей Большого дворца, заключавшую и тронную залу. У Ибн-Тагрибирди упоминанія о томъ, что везиръ проходилъ въ مقطع الوزارة, вовсе не имѣется— по его словамъ онъ прямо проходилъ въ залу, гдѣ и садился; въ виду, однако, подобнаго сообщенія Макризи, мы не можемъ считать эту подробность лишней, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ происходило то-же, см. Макризи, I, ٤٨٩,٧. Ср. также и описаніе Калькашанди. Вообще необходимо отмѣтить въ этомъ мѣстѣ у Ибн-Тагрибирди путаницу, происходящую, вѣроятно, отъ неисправнаго состоянія текста. Родня халифа не спѣшивается, а входитъ في اخصّ مكان и дальнѣйшее остается неизвѣстнымъ. Калькашанди тоже не говоритъ объ ихъ спѣшиваньи. О мѣстонахожденіи эмировъ до церемоніи, Ибн-Тагрибирди не говоритъ ничего, а Калькашанди только то, что они располагались въ залѣ; сообщеніе о скамейкахъ, на которыя садились эти эмиры, равно какъ о томъ, чѣмъ эти скамейки покрывались, имѣется лишь у Макризи. О سامان см. Dozy, I, 622 и BGA, IV, 257 (дѣлались главнымъ образомъ въ Палестинѣ). *Джахрамскими* назывались ковры, изготовлявшіеся въ городѣ Джахрамѣ, въ Фарсѣ, близъ Шираза, см. BGA, IV, 209. Опредѣленіе «рытые», доставившее, повидимому, затрудненія комментаторамъ, ср. Ибн-Тагрибирди, II, 1, ٤٩٣ и II, 2, 139, вполнѣ ясно при знакомствѣ съ древне-русской бытовой терминологіей; рытыми назывались въ древней Руси, какъ и на мусульманскомъ Востокѣ — «ткани съ вытисненными или рельефными узорами». См. также BGA, IV, 217 (Здѣсь Karabacek полагаетъ, что Bezeichnung geht auf den Dessin, который den Eindruck einer Cannelirung hervorbringt. Однако, русскій терминъ указываетъ именно на рельефность самого узора). О русскомъ терминѣ говорятъ напр. Савваитовъ, 10 и преосв. Савва, Указатель для обозрѣнія московской патріаршей ризницы. Москва, 1858, Словарь, при словѣ «бархатъ»; ср. также ЗВО, XIII, 084.

имѣетъ специальное значеніе, см. примѣры изъ того-же Макризи у Quatremère, Mamlouks, II, 1, 119. Слово это имѣетъ тогда значеніе «привѣтствіе». Въ нашемъ случаѣ однако о входѣ особыхъ лицъ къ халифу для привѣтствія ничего не говорится. У Wüstenfeld'а вмѣсто эмировъ — die diensttuenden Lackeien; перевязь тюрбана опять отнесена имъ къ лошади, а мечъ названъ арабскимъ. Мы въ переводѣ слѣдовали тексту Макризи и Ибн-Тагрибирди, у которыхъ стоятъ слова — الغربيّ и غَرْبِيًّا. О репутаціи испанскихъ мечей см. напр. Rehatsek, 240. Вообще отмѣчаемъ, что текстъ Макризи часто смѣшиваетъ, вѣроятно вслѣдствіе легкой описки, عربيّ и غربيّ, «арабскій» и «западный». Мы вообще предпочитаемъ чтеніе غربيّ или مغربيّ, такъ какъ Фатымиды могли многое принести съ собою съ Запада, изъ сѣверной Африки. «Жезлъ власти», قضيب الملك, былъ халифскій инсигній; см. Калькашанди, 172. Спеціально назначенныя лица привѣтствовали везира и прочихъ, конечно потому, что халифу не подобало выказывать знаки почтенія; объ его отвѣтѣ на привѣтствіе говорится въ нашемъ текстѣ далѣе.

Въ этомъ мѣстѣ, можетъ быть, своевременно подвести итогъ упоминаемымъ въ нашемъ текстѣ инсигніямъ халифскаго достоинства, сравнить ихъ съ перечнемъ Калькашанди (172—175) и отмѣтить тѣ предметы, которые являлись особенностью спеціально Фатымидскихъ инсигній. Нашъ текстъ отмѣчаетъ слѣдующіе предметы — 1) التاج الشريف, особымъ образомъ свернутый тюрбанъ съ прикрѣпленнымъ впереди особымъ уборомъ изъ драгоцѣнныхъ камней — полумѣсяцемъ «подковой» (الحافر) съ «несравненной» (اليتيمة) жемчужиной. 2) المظلّة, зонтикъ, несомый надъ халифомъ въ торжественныхъ процессіяхъ. 3) لوآءا الحمد, два «знамени славы», небольшого размѣра. 4) احدى وعشرون رآية, двадцать одно знамя большихъ размѣровъ. 5) Два копья съ изображеніемъ полумѣсяцевъ и львовъ. 6) السيف الخاصّ, халифскій мечъ. 7) Особое копье съ разукрашеннымъ золотомъ лезвіемъ. 8) Щитъ, принадлежавшій по преданію Хамзѣ-ибн-Абд-ал-Мутталибу. 9) Золотая чернильница съ украшеніями изъ коралла. 10) قضيب الملك, «жезлъ власти», скипетръ, разукрашенный драгоцѣнными камнями. 11) مذبّتان, два опахала, несомыя около халифа во время торжественныхъ процессій. Таковы были инсигніи Фатымидскихъ халифовъ, насколько мы можемъ заключить изъ разрозненныхъ сообщеній нашего текста. Сопоставляя ихъ съ перечисленіемъ Калькашанди, мы можемъ видѣть, что, несмотря на разрозненность своихъ сообщеній, нашъ текстъ все же

прим. 10) не имѣется у Ибн-Тагрибирди. Wüstenfeld понялъ эту фразу такъ, что *устады* носили ее сначала, а впослѣдствіи (in der Folge) поручали эту обязанность другимъ лицамъ. Дѣло однако въ томъ, что фраза эта, не понятая вѣроятно уже Ибн-Тагрибирди и потому имъ пропущенная, представляетъ попутную вставку — чернильница была не только инсигніемъ халифата, но и везирата — см. напр. Макризи, I, ٤٤٠,٥ — ويحمل له الدواة الحلاة بالذهب, «и несли при немъ украшенную золотомъ чернильницу». Такимъ образомъ текстъ нашъ можетъ означать лишь одно, что чернильницу — инсигній халифата несъ *«Устадъ съ перевязью»*, а чернильницу — инсигній везирата — *«Нотаріальный свидѣтель»*.

Какъ въ текстѣ Макризи, такъ и Ибн-Тагрибирди, эта фраза заключается стихами, описывающими эту чернильницу; въ виду того, что это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ описанію выѣзда, мы даемъ переводъ этого мѣста въ примѣчаніи. Ибн-Тагрибирди говоритъ лишь — «и сказалъ о ней одинъ поэтъ»; Макризи выражается подробнѣе — вотъ его слова. «И сказалъ о ней одинъ поэтъ, обращаясь къ халифу, во время котораго было сдѣлано украшеніе изъ коралловъ, а это была самая замѣчательная часть (этого предмета). Онъ упомянулъ объ этомъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ: — Въ знакъ почета сдѣлалось мягкимъ для Давида желѣзо, такъ что дѣлалъ онъ изъ него кольчуги, какъ хотѣлъ; и сталъ мягкимъ для тебя кораллъ, а это — камень, трудно поддающійся обработкѣ (букв. цѣли, желанію) при рѣзьбѣ, крѣпкій». (Объ этомъ стихѣ ср. также Fleischer, Kleine Schriften, II, 1, Leipzig, 1888, 161). О древне-арабскомъ повѣрьи относительно того, что Давидъ былъ изобрѣтателемъ желѣзныхъ панцырей и что Богъ помогалъ ему въ этой работѣ см. Schwarzlose, 331.

30) Въ переводѣ послѣдняго слова этой фразы, мы слѣдуемъ тексту Ибн-Тагрибирди и Калькашанди; въ Булакскомъ изданіи Макризи стоитъ الرأية, что вполнѣ можно считать за описку, такъ какъ объ особомъ знамени типа الرأية ничего въ нашемъ текстѣ не говорится.

31) Мы переводимъ «приказывалъ поднять завѣсу», хотя въ текстѣ стоитъ فيرفع, «поднималъ»; изъ другихъ аналогичныхъ случаевъ, при болѣе подробномъ описаніи, напр. I, ٣٨٩,١٨, сообщается какъ раскрывали завѣсу и кто именно раскрывалъ ее; صاحب المجلس лишь отдавалъ приказъ. Слѣдующее сообщеніе о выходѣ привѣтствовавшихъ эмировъ (о словѣ خدمة въ этомъ значеніи см. Dozy, Supplément, I, 355) не имѣется у Ибн-Тагрибирди. Мы перевели من كان عند الخليفة للخدمة, «лица, которыя были у халифа въ качествѣ прислуживавшихъ», т. е. свита его, хотя въ церемоніальномъ языкѣ خدمة

лифа. Далѣе, въ концѣ описанія, говорится, что процессія, черезъ «Баб-ал-Футухъ», входила на площадь между замками, и становилась, بعد الرجوع كما كانوا т. е. «по возвращеніи, какъ была раньше». Отсюда-же, очевидно, и отправлялась процессія. Что касается далѣе до выхода везира, то онъ могъ какъ вернуться обратно, сѣсть на лошадь, выѣхать черезъ Баб-ал-Идъ, объѣхать замокъ и остановиться на площади, такъ и проѣхать впередъ халифа и выйти черезъ тѣ-же ворота, черезъ которыя выѣзжалъ позже халифъ, и куда раньше можно было провести лошадь везира, — что конечно вѣроятнѣе. Ворота, черезъ которыя входилъ и выходилъ халифъ, опредѣлены въ описаніи Ибн-ал-Мамуна у того-же Макризи, I, ٤٤٩, ٨ и ١٣. У Wüstenfeld'а везиръ становился neben das Thor des Schlosses. У Калькашанди послѣ بسط مفروشة стоитъ خشية, что дало Wüstenfeld'у поводъ подозрѣвать здѣсь названіе ковровъ отъ собственнаго имени خش или خوش въ области Нишабура или الشة въ округѣ Кальюбъ въ Египтѣ; согласное чтеніе Макризи и Ибн-Тагрибирди даютъ однако خيفة, что значительно облегчаетъ и переводъ. «*Устады*» переведено у Wüstenfeld'а Lackeien. Труба الغريبة, сообщенія о которой имѣются и въ другихъ мѣстахъ Макризи, напр. I, ٤٥٣,٢٥ и ٤٧٣,٢٥, приведена нами по чтенію у Макризи; Ибн-Тагрибирди даетъ чтеніе العربانة, что, быть можетъ, есть смѣшеніе الغريبة съ перс. عربانه — tympanum (см. Vullers, Lexicon persico-latinum). У Wüstenfeld'а стоитъ el-'arabia, что скорѣе можно сопоставить съ الغريبة, чѣмъ съ العربانة. Въ другомъ мѣстѣ, у того-же Макризи, дается болѣе подробное упоминаніе объ этихъ церемоніальныхъ трубахъ. Онъ разсказываетъ, ٤٧٧,٢٥ слѣд., о сорока трубахъ, изъ которыхъ десять были сдѣланы изъ золота, а тридцать — изъ серебра; игравшіе на нихъ ѣхали верхами. Игравшіе-же на мѣдныхъ трубахъ шли въ процессіи пѣшкомъ. Здѣсь же упоминается девять большихъ барабановъ, у которыхъ тѣ части, которыя обыкновенно дѣлаются изъ дерева, были сдѣланы изъ серебра. Функціи «носителя зонтика» исполняли, повидимому, славянскіе рабы; см. у насъ далѣе приложеніе II и частный случай у Sacy, Chrestomathie arabe, I, 139. Количество начальниковъ «стремянныхъ юношей» опредѣлено у Макризи и Калькашанди — по два; Ибн-Тагрибирди даетъ неопредѣленное جماعة. Упоминаніе о кнутѣ имѣется и въ описаніи Насыри-Хосроу, ٤٨,٢; 141. Въ этомъ же мѣстѣ описывается у персидскаго путешественника и костюмъ халифа — бѣлое одѣяніе; туника *дурра'а*, удобная и длинная, согласно модѣ въ арабскихъ странахъ; бѣлый же тюрбанъ. Окружавшіе его пѣхотинцы — дейлемиты были одѣты въ Румскій бархатъ; рукава ихъ платьевъ были широкіе, согласно египетской модѣ.

33) «По командѣ», بالك, имѣется лишь у Макризи. Дальнѣйшее рас-

перечислилъ всѣ приведенные въ особомъ спискѣ Калькашанди инсигніи. Кромѣ того, въ цитатѣ изъ Ибн-ал-Мамуна, тотъ же Макризи (I, ۴١٢, ١٣—١٥) назвалъ еще два особыхъ копья, возводимыхъ имъ, какъ и поставленный у насъ 7-ой инсигній, къ халифу Муʿиззу. Ни въ описаніи выѣзда Макризи, ни у Калькашанди мы этихъ копій не находимъ. См. наше прим. 22 и прил. II. Нѣкоторые изъ этихъ инсигній были, повидимому, спеціальной принадлежностью Фатымидовъ. Ибн-Халдунъ въ главѣ о царскихъ эмблемахъ и инсигніяхъ верховной власти (Prolégomènes, tr. par M. G. de Slane, 2-e partie, 48 suiv. = Notices et Extraits des manuscrits, t. XX, p. 1), назвалъ нѣкоторые, приводимые у насъ инсигніи, какъ принадлежность различныхъ мусульманскихъ государей, напр. знамена, трубы и т. д. Но все-же цѣлый рядъ предметовъ не находитъ мѣста въ этомъ общемъ описаніи инсигній власти. Любопытно также сравнить имѣющіеся у насъ матеріалы о Фатымидскихъ инсигніяхъ съ тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно инсигній правившихъ позже въ Египтѣ мамлюкскихъ султановъ. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 133 suiv. далъ перечисленіе предметовъ, являвшихся инсигніями въ торжественныхъ процессіяхъ. Тутъ мы имѣемъ: 1) тюрбанъ со спущеннымъ концомъ, но безъ убора, соотвѣтствующаго «подковѣ» въ нашемъ текстѣ, 2) одѣяніе изъ *чернаго* шелка, 3) мечъ (или сабля) бедуинскій, سيف بدوىّ (а не مغربىّ какъ въ нашемъ текстѣ), принадлежавшій по преданію Омару-ибн-ал-Хаттабу, 4) غاشية, т. е. разукрашенный покровъ, чапракъ, несомый впереди султана въ процессіяхъ, 5) зонтикъ (вѣроятное наслѣдіе Фатымидовъ), 6) رقبة, особое покрывало на шею лошади султана изъ желтаго шелка, шитаго золотомъ, — украшеніе, заимствованное отъ персовъ, 7) особыя золотыя ленты ارنهاشات, 8) عصائب, знамена, инсигніи султаната, 9) различные музыкальные инструменты — شبّابة (флейта), اوزان и т. д., 10) топоры طبر, 11) царская сабля, نمجة الملك (см. тамъ-же, I, 2, 202—203), 12) кольчуга زرديّة, 13) спеціальная особенность мамлюкскихъ султановъ الكلوتة, кусокъ ткани, прикрѣпляемый къ головному убору, 14) جمق, родъ палицы и т. д. Какъ видимъ, при всемъ богатствѣ и разнообразіи инсигній, большинство ихъ не совпадаетъ съ перечисленными въ нашемъ текстѣ Фатымидскими инсигніями; наслѣдники власти Фатымидовъ въ Египтѣ имѣли иные инсигніи.

32) Текстъ ни у одного изъ авторовъ не опредѣляетъ изъ какихъ именно воротъ замка выходила процессія. Однако, мы, основываясь на общемъ описаніи, думаемъ, что она выходила на площадь между замками, بين القصرين. Дѣло въ томъ, что, въ началѣ описанія церемоніи разсказывается, какъ собирались на площади между замками различныя лица и тутъ ожидали ха-

лифа. Далѣе, въ концѣ описанія, говорится, что процессія, черезъ «Баб-ал-Футухъ», входила на площадь между замками, и становилась, بعد الرجوع كما كانوا т. е. «по возвращеніи, какъ была раньше». Отсюда-же, очевидно, и отправлялась процессія. Что касается далѣе до выхода везира, то онъ могъ какъ вернуться обратно, сѣсть на лошадь, выѣхать черезъ Баб-ал-Идъ, объѣхать замокъ и остановиться на площади, такъ и проѣхать впередъ халифа и выйти черезъ тѣ-же ворота, черезъ которыя выѣзжалъ позже халифъ, и куда раньше можно было провести лошадь везира, — что конечно вѣроятнѣе. Ворота, черезъ которыя входилъ и выходилъ халифъ, опредѣлены въ описаніи Ибн-ал-Мамуна у того-же Макризи, I, ٤٤٦, ٨ и ١٣. У Wüstenfeld'а везиръ становился neben das Thor des Schlosses. У Калькашанди послѣ بسط مفروشة стоитъ خشية, что дало Wüstenfeld'у поводъ подозрѣвать здѣсь названіе ковровъ отъ собственнаго имени خش или خوش въ области Нишабура или الخشة въ округѣ Кальюбъ въ Египтѣ; согласное чтеніе Макризи и Ибн-Тагрибирди даютъ однако خيمة, что значительно облегчаетъ и переводъ. «*Устадъ*» переведено у Wüstenfeld'а Lackeien. Труба الغريّة, сообщенія о которой имѣются и въ другихъ мѣстахъ Макризи, напр. I, ٤٥٣,٢٥ и ٤٧٣,٢٥, приведена нами по чтенію у Макризи; Ибн-Тагрибирди даетъ чтеніе العربانة, что, быть можетъ, есть смѣшеніе الغريّة съ перс. عربانه — tympanum (см. Vullers, Lexicon persico-latinum). У Wüstenfeld'а стоитъ el-'arabia, что скорѣе можно сопоставить съ الغريّة, чѣмъ съ العربانة. Въ другомъ мѣстѣ, у того-же Макризи, дается болѣе подробное упоминаніе объ этихъ церемоніальныхъ трубахъ. Онъ разсказываетъ, ٤٧٧,٢٥ слѣд., о сорока трубахъ, изъ которыхъ десять были сдѣланы изъ золота, а тридцать — изъ серебра; игравшіе на нихъ ѣхали верхами. Игравшіе-же на мѣдныхъ трубахъ шли въ процессіи пѣшкомъ. Здѣсь же упоминается девять большихъ барабановъ, у которыхъ тѣ части, которыя обыкновенно дѣлаются изъ дерева, были сдѣланы изъ серебра. Функціи «носителя зонтика» исполняли, повидимому, славянскіе рабы; см. у насъ далѣе приложеніе II и частный случай у Sacy, Chrestomathie arabe, I, 139. Количество начальниковъ «стремянныхъ юношей» опредѣлено у Макризи и Калькашанди — по два; Ибн-Тагрибирди даетъ неопредѣленное جماعة. Упоминаніе о кнутѣ имѣется и въ описаніи Насыри-Хосроу, ٤٨,٤; 141. Въ этомъ же мѣстѣ описывается у персидскаго путешественника и костюмъ халифа — бѣлое одѣяніе; туника *дурраʿа*, удобная и длинная, согласно модѣ въ арабскихъ странахъ; бѣлый же тюрбанъ. Окружавшіе его пѣхотинцы — дейлемиты были одѣты въ Румскій бархатъ; рукава ихъ платьевъ были широкіе, согласно египетской модѣ.

33) «По командѣ», بالك, имѣется лишь у Макризи. Дальнѣйшее рас-

предѣленіе движущихся различно у Макризи и Ибн-Тагрибирди, причемъ распредѣленіе перваго сходно съ данными Калькашанди. По Ибн-Тагрибирди сначала шли нѣкоторыя войсковыя части, потомъ الاماثل (лучшіе — люди или войсковыя части?), потомъ имѣющіе различные чины (ارباب المناصب, не описка-ли вмѣсто ارباب القصب Макризи и Калькашанди?), потомъ сразу эмиры съ цѣпями и т. д. Распредѣленіе Калькашанди, повидимому, тожественно данному въ нашемъ текстѣ распредѣленію Макризи. فروع الامراء (о значеніи «первенцы» ср. напр. Tabari, Glossarium, CDI, при словѣ فرع), должно быть, соотвѣтствуетъ въ переводѣ Wüstenfeld'a Freunde der Emire. Emire unteren Ranges въ переводѣ его-же являются прибавкой сравнительно съ текстомъ Макризи. Упоминаніе о распредѣленіи идущихъ съ той или съ другой стороны халифа, до описанія шествія его самого, нужно все-же относить, по нашему мнѣнію, къ идущимъ впереди. Несшіе «знамена славы» шли не прямо передъ халифомъ, а правѣе и лѣвѣе; несшіе чернильницу и мечъ — лѣвѣе; сыновья и родственники везира — правѣе. Окружали-же халифа лишь «стремянные юноши». У Ибн-Тагрибирди вмѣсто تفرقة السلاح, стоитъ بقرقرة السلاح, «шумящіе оружіемъ», вѣроятно просто ошибочное начертаніе. Въ описаніи одежды этой стражи слово مناديل, множ. число отъ منديل, упомянуто въ двоякомъ значеніи — сначала тюрбановъ, затѣмъ поясовъ — см. R. Dozy, Vêtements, 414—418. О названіи طبقيات см. выше прим. 26. Опахало, которое несутъ славяне, давно уже существовало на почвѣ Египта, см. напр. H. Frauberger, Geschichte des Fächers, Leipzig, 1878—1879, 18 ff., также 59 ff. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Макризи описываетъ эти опахала такъ — древки ихъ были изъ золота и спеціальная обязанность нести ихъ возлагалась на славянскихъ рабовъ, см. I, ٤٧٣,١١-١٧.

34) Три упомянутыхъ здѣсь сановника — «*Вали Кахиры*», т. е. намѣстникъ Кахиры, «*Исфахсаларъ*», главный военный начальникъ и «*Сахиб-ал-бабъ*», — упоминались уже нами; о нихъ см. Макризи I, ٤٠٣ и Калькашанди, 181—183.

35) Количество человѣкъ, несшихъ «кровавые мечи» опредѣлено лишь у Макризи и Калькашанди; Ибн-Тагрибирди ограничивается словомъ أُخَر. «Съ густыми кистями» перевели мы بشراريب غزيرة (о значеніи شَرَّابَة см. Dozy, Supplément, I, 741), стоящее лишь у Макризи; Ибн-Тагрибирди даетъ лишь بشراريب; у Wüstenfeld'а это слово совсѣмъ не переведено, خراء передано черезъ Kästchen, а назначеніе опредѣлено — zu (augenblicklich befohlenen) Hinrichtungen. شراريب мы перевели «кисти» потому, что это значеніе кажется намъ болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ

«шнуръ». Мы знаемъ, что شرّابة значитъ и то, и другое — см. въ цитованномъ мѣстѣ Supplément Dozy споръ Fleischer'a и Habicht'a. Если наше пониманіе вѣрно, то нашъ текстъ даетъ это слово въ двухъ значеніяхъ: شرّابة, какъ шнурокъ, мы имѣемъ въ самомъ началѣ текста, при описаніи оружія такъ называемыхъ «носителей малаго оружія». الفرنجيّات, не переведенное у Wüstenfeld'a, стоитъ въ текстѣ и Макризи, и Ибн-Тагрибирди. По Dozy, Supplément, II, 262, это былъ родъ военной машины (со ссылкой на Quatremère, Mongols). Въ нашемъ случаѣ, однако, мы склонны думать, что тутъ скорѣе имѣется въ виду, по аналогіи съ оружіемъ ارباب السلاح الصغير, какое-нибудь болѣе легкое оружіе, которое они несли съ собою. Выше мы видѣли, что ихъ вооруженіе состояло изъ особаго вида дротиковъ; быть можетъ, въ данномъ случаѣ мы подъ названіемъ *фиранджійя* и должны разумѣть эти дротики. Въ другомъ, напримѣръ, мѣстѣ Макризи, I, ۴۷۳,۲۲, терминъ الفرنجيّات сопоставляется съ الدبابيس, اللتوت, الصماصم т. е. съ оружіемъ легко переносимымъ, а не съ тяжелыми военными машинами. المقدّم ذكرهم не имѣется у Ибн-Тагрибирди, равно какъ и فى هيبة, и текстъ отъ слова بفرجة до كانه. Wüstenfeld, въ сообщеніи о движеніи صبيان الزرد и о томъ, что окружавшіе везира шли ближе къ нему, чѣмъ къ халифу его свита, перевелъ слѣдующее не достаточно ясно — in dem Bestreben, dass der Anblick desselben nicht nachstehe. Мы видимъ въ арабской фразѣ символику отношеній свѣтской власти везира къ высшей, духовной власти халифа. Духовный характеръ халифата выясняется и изъ нѣкоторыхъ церемоніальныхъ частностей. Напр. до насъ дошелъ разсказъ Ибн-ал-Мамуна у того-же Макризи объ одномъ изъ новогоднихъ выѣздовъ. Между прочимъ, онъ разсказываетъ здѣсь, ۴۲۹,۱۰—۱۱, что различные торговцы украсили путь слѣдованія процессіи предметами своей торговли لطلب البركة بنظر الخليفة, «желая благословенія отъ взора халифа». Въ нашемъ описаніи мы перевели по тексту Макризи من نظره «отъ взора его»: у Ибн-Тагрибирди — من نصره, «отъ помощи его», что не мѣняетъ смысла. Въ предшествовавшемъ описаніи, щитъ, какъ мы видѣли, не былъ опредѣленъ прилагательнымъ «красный», что впрочемъ имѣется лишь у Макризи въ Булакскомъ изданіи. حمرا этого текста, замѣнено въ рукописи Учебнаго Отдѣленія словомъ حمزة, изъ котораго вполнѣ возможна описка حمرا. «Червленые» щиты особенно извѣстны въ древне-русскомъ бытѣ — см. Савваитовъ, 181.

Слѣдующія описанія военныхъ отрядовъ, о которыхъ также см. Ravaisse, I, 423—426 (и Plan général de Maṣr el-Ḳâhirah при томъ же томѣ), представляютъ нѣкоторыя различія въ разсматриваемыхъ нами тек-

стахъ; мы слѣдуемъ порядку Макризи и Ибн-Тагрибирди, — Калькашанди нѣсколько отличается отъ нихъ. Объ этихъ войскахъ ср. вообще Насыри-Хосроу, ٤٩—٤٧; 138. Впереди, по описанію, шествовали «Масмудійя», т. е. Масмудійцы, берберское племя (а не суданцы, какъ сообщаетъ Ravaisse, давая при этомъ описаніи невѣрную ссылку на Макризи I, 20, тогда какъ извѣстія объ этомъ племени имѣются у Макризи, II, 20; о границахъ разселенія въ сѣверной Африкѣ и родахъ его см. Абд-ал-Вахидъ ал-Марракуши, текстъ, ٢٤٧; переводъ, 292; Насыри-Хосроу, ٤٩,١٧; 138, называетъ ихъ سياهان, черными, отличая однако отъ Зинджей, ٤٧,٣; 138), составлявшее часть войскъ Фатымидскихъ халифовъ. За ними—«Райханійя», слово, которое мы ставимъ въ текстѣ, какъ поправку къ Булакскому тексту Макризи и Ибн-Тагрибирди, у которыхъ الركابية «Рикабійя» (графически измѣненіе изъ الريحانية вполнѣ возможное); дѣло въ томъ, что войска съ такимъ названіемъ мы не знаемъ, тогда какъ الريحانية не только имѣется у Калькашанди, но извѣстны и изъ Макризи, II,١; см. Ravaisse, 425. Наконецъ, наша коньектура подтверждается и рукописью Учебнаго Отдѣленія, гдѣ стоитъ الريحانيّة. Объ этомъ и слѣдующемъ отрядѣ ср. еще Lane Poole, History, 168. Слѣдующее названіе мы привели по Макризи и Ибн-Тагрибирди; у Калькашанди — el Hauĝa (?). Далѣе الجيوشية идетъ еще разъ — тутъ уже въ разрядѣ конницы. О возникновеніи названія см. Калькашанди, 180. (Можетъ быть въ одномъ изъ этихъ случаевъ могли быть упомянуты и الجودريّة, «Джаударійя», см. Макризи, II, ٥; ср. и Ravaisse, 423). О слѣдующихъ «Фиранджійя» и «Везирійя» см. Калькашанди, 180. (Съ الفرنجيّة ср. الفرحيّة у Макризи, II, ١٤,٢٢ сл. и также Ravaisse, 423). Сообщеніе о томъ, что число ихъ превышало тѣ четыре тысячи, которыя составляли ихъ отрядъ въ «настоящее время», في الوقت الحاضر — имѣется лишь у Макризи. Это «настоящее время» относится либо къ эпохѣ предшествующихъ Макризи источниковъ, либо къ эпохѣ его жизни. О числѣ отдѣльныхъ отрядовъ ср. Насыри-Хосроу, l. c. О большихъ знаменахъ упомянуто въ нашемъ текстѣ уже выше и Wüstenfeld напрасно ссылался на извѣстіе Калькашанди I, 51; онъ также не приводитъ сообщенія о несеніи копій съ изображеніями двухъ львовъ. Объ «Амирійя», «Хафизійя» и «Афдалійя» см. Калькашанди, 180. Первые два отряда считались лучшей частью войскъ, وجه الاجناد, см. Макризи, I, ٤٠٣,٢٤. Чтеніе Juynboll'а الصقليّة нужно замѣнить الافضليّة. Объ الحجريّة см. Dozy, Supplément, I, 253. «Большіе» и «малые» замѣнены въ переводѣ Wüstenfeld'а alte und junge. Сопоставленіе этого арабскаго термина الحجريّة съ персидскимъ سرائي, сдѣланное Defrémery, Mémoire sur les émirs al-oméra, Paris, 1848 (Mé-

moires présentés par divers savants, 1-re série, T. II, Paris, 1852), 110, n. 2, можно выводить и изъ сопоставленія нашего текста съ описаніемъ Фатымидскаго выѣзда у Насыри-Хосроу, ٤٧,٢٥; 138, хотя по нашему описанію эта часть войскъ была конная, тогда какъ у Насыри-Хосроу سرائی названы پیادگان, пѣхотинцами. Въ текстѣ Макризи послѣ الجرية الصغار стоитъ еще المنقولين, «перевезенныхъ». Турки названы египетскими у Ибн-Тагрибирди и Калькашанди; у Макризи стоитъ المصطنعون. О нихъ, какъ и о дейлемитахъ, см. Макризи, II, ٨—١٠, а также Ravaisse, 424. О Гуззахъ, кромѣ цитованныхъ мѣстъ въ примѣчаніи у Ибн-Тагрибирди, см. еще Dozy, II, 210. При этой цитатѣ мы должны однако оговорить, что считаемъ упоминаемыхъ у насъ Гуззовъ турками, а не курдами. Хотя мамлюки Бахриты появляются позже, — см. хотя бы Lane Poole, History, 243, — присутствіе турецкихъ отрядовъ въ Фатымидскихъ войскахъ несомнѣнно. И Насыри-Хосроу засвидѣтельствовалъ (٤٧,١٨; 138) присутствіе въ халифскомъ войскѣ отрядовъ турокъ, уже родившихся въ Египтѣ. О первомъ появленіи турокъ въ Египтѣ см. J. Karabacek, Erstes urkundliches Auftreten von Türken, Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer, I—II, Wien, 1886, 93—109, особенно 96. О ранней исторіи Гуззовъ — Th. Houtsma, Die Ghuzenstämme, Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, II, 1888, 219—234. Всѣ эти отряды шли конечно بتجافيها, «въ полныхъ военныхъ доспѣхахъ» (см. Макризи, I, ٤٤٧,١١; ср. наше прим. 3). Заключительная фраза о стрѣльцахъ имѣется у Калькашанди въ началѣ разсказа, причемъ моряки упомянуты отдѣльно, а arabische Bogenschützen — независимы отъ моряковъ. Заключительное сообщеніе о томъ, что вышеупомянутыя войска составляли лишь часть войска халифа, отнесено у Калькашанди, вмѣстѣ съ ходомъ процессіи, къ сообщеніямъ Ибн-ат-Тувайра — «говоритъ Ибн-ат-Тувайръ».

36) Опредѣленіе соборной мечети Акмаръ (о ней см. хотя-бы Ravaisse, II, 38 сл.) «теперешней» (الآن и اليوم), имѣется у Макризи и Ибн-Тагрибирди. У Макризи, кромѣ того, передъ اليوم стоитъ بالتباحين. درب التباحين, улица продавцевъ хлѣба, имѣлась въ Каирѣ, но совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, см. Макризи, II, ٤٠. Почему это слово стоитъ здѣсь у Макризи, намъ не вполнѣ понятно. Въ слѣдующемъ далѣе переводѣ привѣтствія, оказываемаго везиромъ халифу и отвѣта этого послѣдняго, мы соединили вполнѣ ясный, но болѣе краткій текстъ Ибн-Тагрибирди съ болѣе подробнымъ, но и болѣе запутаннымъ текстомъ Макризи. Калькашанди ближе къ Макризи, такъ какъ по его описанію, везиръ, также какъ и халифъ, отдѣлялся отъ общей процессіи. Трудно сказать, пропускалъ-ли халифъ мимо

себя лишь кортежъ везира или всю процессію. О значеніи سكّع, «привѣтствовать наклономъ головы» см. Dozy, Supplément, 668. Тотъ знакъ, который являлся отвѣтомъ халифа, по тексту, бывалъ обращаемъ лишь къ везирамъ военнаго званія; бывали-же везиры и изъ гражданскихъ чиновниковъ. Объ этой должности см. Sacy, Chrestomathie arabe, I, 126—127 и Макризи I, ۴۳۹,۲۳ слѣд. Отмѣтимъ здѣсь-же, что слова سلام и خدمة, означающія выраженіе привѣтствія, все-же различаются. سلام, по основному значенію, есть произнесеніе опредѣленной привѣтственной формулы; خدمة, «служба», есть выраженіе опредѣленнаго дѣйствія — поклона, паденія ницъ и пр. Поэтому напр. سكّع относится нами къ خدمة въ церемоніальномъ его значеніи и поэтому мы въ текстѣ неоднократно переводили يسلّم «привѣтствовать словесно», отмѣчая этимъ существенное содержаніе слова, хотя سلام и могъ сопровождаться жестами. Когда въ нашемъ текстѣ говорится о жестѣ халифа, *безъ словъ* — يشير اليه بالسلام, то это, думаемъ, не можетъ служить опроверженіемъ нашего мнѣнія: слово خدم нельзя было, по самому значенію его, примѣнять къ халифу. Фраза «выражали ему почтеніе» имѣется у Макризи (بعد خدمة المذكورين له) и Калькашанди. У Ибн-ал-Мамуна, ۴۴۶,۱۳ сл., сохранилось упоминаніе о дѣйствіяхъ халифа по возвращеніи въ покои. Онъ черезъ «Длинные портики» и при чтеніи встрѣчавшими его чтецами Корана, проходилъ въ сокровищницу избранныхъ одеждъ и мѣнялъ тамъ платье, потомъ поклонялся могиламъ предковъ и только потомъ отдыхалъ.

37) Опредѣленныя мѣста, съ которыхъ уѣзжали везиръ и его свита, упомянуты нами выше, при комментаріи шествія везира. По Макризи везиръ также слѣзалъ на особое «возвышеніе», على كرسىّ. «Прощались съ нимъ» перевели мы заключительную фразу; у Макризи и Калькашанди стоитъ выраженіе, тожественное упомянутому прощанію съ халифомъ (فتخدمه الجماعة بالوداع и Ehrerbietung), тогда какъ у Ибн-Тагрибирди — فيسلّمون.

38) Слово الدراهم опредѣлено въ текстѣ المدوّرة المستقلة. Переводъ этого мѣста былъ уже данъ у H. Sauvaire, Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes (extrait du Journal Asiatique), Paris, 1882, 230—231. О «круглыхъ» динарахъ см. у него-же, 219. О رباعىّ у него-же, 157 suiv. (ср. Dozy, I, 504); о قيراط, 102 suiv.; о درهم, 79 suiv.; о دينار, 72 suiv. Вмѣсто تبرّكا Ибн-Тагрибирди, у Макризи стоитъ على حكم البرمكيّة من مبلغ الخليفة, при чемъ въ рукописи Учебнаго Отдѣленія вмѣсто البرمكيّة — البركة, т. е. «въ видѣ благословенія, изъ суммъ халифа». Заключительная фраза объ общей суммѣ

новогодняго подарка не имѣется у Ибн-Тагрибирди. Sauvaire, ссылаясь на Булакское изданіе Макризи (I, 450), относитъ эту фразу къ Ибн-ал-Мамуну, упоминанія о которомъ, однако, нѣтъ въ текстѣ; тамъ стоитъ лишь قال, которое мы считаемъ заключительнымъ словомъ цитаты, а не началомъ новой. Дополненіе же это, оканчивающееся والله تعالى اعلم, мы относимъ къ Макризи. Калькашанди заключаетъ свое сообщеніе извѣстіемъ о томъ, что въ провинціи сообщали о новогоднемъ выѣздѣ халифа такъ же, какъ въ его время о высотѣ воды въ Нилѣ и скачкахъ; изъ этого можно заключить, что новогодній выѣздъ уже не справлялся во время Калькашанди.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О нѣкоторыхъ сокровищницахъ Фатымидскихъ халифовъ.

Описаніе сокровищницъ у Макризи. Сокровищница книгъ. Сокровищницы драгоцѣнныхъ камней, ароматовъ и рѣдкостей. Наслѣдства дочерей халифа Муʿизза, Рашиды и Абды. Сокровищница ковровъ и утвари. Сокровищница шатровъ. Сокровищница снадобій. Сокровищница знаменъ.

При переводѣ описанія торжественнаго выѣзда, мы имѣли уже случай говорить въ примѣчаніяхъ о нѣкоторыхъ сокровищницахъ Фатымидскихъ халифовъ. Нами были упомянуты слѣдующія — сокровищница оружія въ прим. 9, сокровищница сѣделъ въ прим. 11 и сокровищницы одеждъ въ прим. 15. Этими сокровищами, однако, вовсе не исчерпывалось то богатство различными предметами, которымъ справедливо славилась казна Фатымидскихъ халифовъ [1]). Тотъ-же Макризи даетъ перечень находившихся въ Большомъ Дворцѣ и внѣ его сокровищницъ — ٤٠٨,٢١ сл. Далѣе онъ даетъ подробныя описанія этихъ сокровищницъ, частью которыхъ мы уже воспользовались. Выше мы уже говорили, что пространныя выписки изъ этихъ описаній были даны E. Quatremère'омъ въ Mémoires géographiques et historiques sur l'Egypte, Tome II, 366 suiv. Въ виду того, однако, что эти выписки были сдѣланы около ста лѣтъ тому назадъ, такъ что могли бы быть снова просмотрѣны при существованіи новыхъ пособій, а особенно въ виду того, что описанія этихъ сокровищницъ могутъ дополнить описаніе новогодняго выѣзда, мы въ этомъ приложеніи даемъ пересказъ описаній богатствъ Фатымидскихъ халифовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пытаясь сообщить содержаніе и тѣхъ мѣстъ, которыя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, были оставлены Quatremère'омъ безъ перевода. Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что, интересуясь въ данномъ

---

1) Нѣкоторыя замѣчанія о сокровищницахъ ихъ преемниковъ, Мамлюкскихъ султановъ, см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 162 и II, 1, 115.

случаѣ предметами внѣшняго быта, мы исключительно займемся относящимися къ нему описаніями, оставляя въ сторонѣ иныя, упоминаемыя въ этихъ главахъ сообщенія. Кромѣ того, о нѣкоторыхъ сокровищницахъ мы лишь упомянемъ, въ виду того, что Quatremère достаточно точно пересказалъ описаніе ихъ.

Прежде всего описывается у Макризи «сокровищница книгъ», خزانة الكتب, ٢٠٨—٢٠٩; переводъ былъ данъ Quatremère'омъ на стр. 383—388[1]). Тѣ сообщенія, которыя мы имѣемъ у Quatremère'а, соотвѣтствуютъ тексту Булакскаго изданія. Если и возможно иногда указать небольшія различія, то они по существу не важны. Такъ какъ эта сокровищница, по своему спеціальному характеру, не имѣетъ отношенія къ предметамъ внѣшняго быта, мы ограничиваемся тѣмъ, что отсылаемъ читателей къ соотвѣтствующимъ страницамъ перевода Quatremère'а.

Слѣдующая сокровищница (٢٠٩ слѣд.), خزانة الكسوات, уже упомянута нами въ прим. 14, а также въ приложеніи о раздачѣ почетныхъ одеждъ (см. прил. II). Quatremère о ней никакихъ данныхъ не сообщилъ.

خزائن الجوهر والطيب والطرائف (٢١٢ сл.), сокровищницы драгоцѣнныхъ камней, ароматовъ и рѣдкостей, описаніе которыхъ слѣдуетъ за сокровищницей одеждъ и даетъ, едва-ли, не наиболѣе интересное по диковинкамъ сообщеніе о богатствахъ художественной промышленности въ Каирской казнѣ, были разобраны Quatremère'омъ весьма подробно, pp. 366—375. Въ виду большого интереса этого описанія, мы предлагаемъ вторично пересказъ его. Исключительно интересуясь внѣшне-бытовыми данными, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи оставляемъ въ сторонѣ тѣ политическія событія и связанныхъ съ этими событіями лицъ. о которыхъ въ томъ или иномъ мѣстѣ текста говоритъ Макризи. Въ томъ-же случаѣ, когда говорится о лицахъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ предметамъ, мы не считали возможнымъ выпускать эти упоминанія.

Прежде всего, отмѣчаемъ источникъ, изъ котораго черпалъ Макризи свои сообщенія. Quatremère даетъ описанія какъ цитату изъ Ибн-ал-Мамуна; у Макризи-же лишь первыя двѣ строки являются цитатой изъ Ибн-ал-Мамуна, дальнѣйшее-же цитуется изъ كتاب الذخائر و التحف, «книги диковинокъ и подарковъ». Ибн-ал-Мамунъ сообщаетъ лишь, что въ этой сокровищницѣ хранились значки (الاعلام) и драгоцѣнные камни, которые служили халифу при выѣздѣ его во время различныхъ праздниковъ; тамъ

1) Ср. также его извѣстія о библіотекѣ въ сирійскомъ Триполи, pp. 506—507 и статью его-же Mémoire sur le goût des livres chez les Orientaux въ Mélanges d'histoire et de philologie orientale, Paris, 1857, 18 suiv.

же хранились халифскій мечъ и три копья Муʿизза. Послѣдніе предметы были уже упомянуты при описаніи новогодняго выѣзда. Далѣе слѣдуетъ описаніе, сохранившееся въ كتاب الذخائر و التحف. Описанія этой книги, данныя по особому случаю, могутъ быть сведены въ нашихъ цѣляхъ къ ряду перечисленій разнообразнѣйшихъ, хранившихся тамъ предметовъ, хотя конечно эти описанія не могутъ быть полнымъ описаніемъ того, что хранилось тамъ. Мы находимъ слѣдующія описанія: — Сундукъ съ семью «муддами» (мѣра вѣса отъ $1^1/_2$ до 2 фунтовъ) изумрудовъ, цѣной, самое меньшее, въ триста тысячъ динаровъ. Ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, стоимостью, самое меньшее, въ восемьдесятъ тысячъ динаровъ. Драгоцѣнныя жемчужины [1]), вѣсомъ въ семь «вайбъ» (мѣра содержащая 22 или 24 «мудда»). Тысяча двѣсти золотыхъ и серебряныхъ колецъ, со вставленными въ нихъ (فصوصها) драгоцѣнными камнями различныхъ цвѣтовъ и различныхъ цѣнъ; среди этихъ колецъ были три четыреугольные, золотые, съ тремя же драгоцѣнными камнями; а драгоцѣнные камни, вставленные въ нихъ были: въ одномъ — изумрудъ, въ другомъ — яхонтъ *суммакійскій* [2]), въ третьемъ — яхонтъ *румманійскій* [3]). Мѣшокъ, наполненный драгоцѣнными камнями, вѣсомъ приблизительно въ «вайбу» [4]), которые халифъ Хакимъ купилъ за семьсотъ тысячъ динаровъ [5]). Сундукъ, наполненный сосудами въ родѣ сосудовъ для пива [6]), сдѣланными изъ чистаго хрусталя, съ рисунками и безъ нихъ. Различные сосуды—хрустальные и эмалевые; на бокахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи, — именъ халифовъ (напр. Азиза) [7]) и пр. Золотыя блюда съ эмалевыми украшеніями и безъ нихъ, съ различнаго рода и различныхъ цвѣтовъ рисунками. Семнадцать тысячъ подложенныхъ шелкомъ, украшенныхъ золотомъ, имѣвшихъ различныя формы футляровъ для сосудовъ. Болѣе ста кубковъ изъ безоара, яшмы [8]) и т. п., на большей части которыхъ находились надписи съ именемъ Харуна-ар-Рашида. Зна-

---

1) Присланныя ас-Салихи, при чемъ у Quatremère'а пояснено, быть можетъ по имѣвшейся у него рукописи Макризи,—émir de la Mecque. О нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ описаній этой сокровищницы см. Kremer, Culturgeschichte, II, 301—302.

2) سمّاقى, по Quatremère'у balai. См. Dozy, Supplément, I, 686 и BGA, IV, 264. У Clément-Mullet этотъ сортъ яхонта не опредѣленъ.

3) رمّانى, гранатовый, по Quatremère'у spinel. У Clément-Mullet этотъ сортъ яхонта не опредѣленъ.

4) У Quatremère'а, вѣроятно ошибочно, un mudd de pierreries.

5) У Quatremère'а six cent mille dinars.

6) См. о сосудѣ فقّاعة—Dozy, Supplément, II, 274.

7) Хрустальный сосудъ съ именемъ халифа Азиза дошелъ до насъ — сопоставленіе извѣстій см. Stanley Lane Poole, Art of the Saracens, 194.

8) Въ текстѣ نصب, не дающее смысла и исправляемое въ يشب. Ср. Kremer, Culturgeschichte, 302, anm. 1.

чительное количество большихъ сундуковъ, наполненныхъ украшенными золотомъ и серебромъ ножами, съ ручками изъ различныхъ драгоцѣнныхъ камней. Большіе сундуки, наполненные чернильницами, четыреугольными и круглыми, малыми и большими, сдѣланными изъ золота, серебра, сандала, алое, эбеноваго дерева изъ страны Зинджей[1]), слоновой кости и различныхъ сортовъ дерева, украшенными драгоцѣнными камнями, золотомъ, серебромъ, замѣчательнаго вида и тонкой работы, со всѣми ихъ принадлежностями; бывали цѣной въ тысячу динаровъ, не считая украшавшихъ ихъ драгоцѣнныхъ камней. Сундуки, наполненные кувшинами изъ золота и черненаго серебра, большими и малыми, прекрасной работы, а также значительнымъ числомъ большихъ разноцвѣтныхъ фарфоровыхъ амфоръ, наполненныхъ Фансурійской камфорой[2]), чашъ съ Шихрской амброй, вазъ[3]) и сосудовъ съ тибетскимъ мускусомъ, и кусковъ алое.

Слѣдующее далѣе краткое описаніе оставшагося отъ дочерей халифа Муʿизза Рашиды и Абды наслѣдства, перешедшаго въ казну халифа Мустансыра, также заслуживаетъ упоминанія. Quatremère далъ неполный пересказъ этого отрывка въ другомъ мѣстѣ своей статьи—pp. 311—312. Изъ наслѣдства, оставшагося отъ первой, упоминаются у Макризи — тридцать одеждъ, сдѣланныхъ изъ бархата съ короткимъ ворсомъ[4]); двѣнадцать тысячъ одноцвѣтныхъ одеждъ; сто сосудовъ[5]), наполненныхъ Фансурійской камфорой; тюрбаны[6]) съ принадлежавшими къ нимъ драгоцѣнными камнями; шатеръ изъ чернаго бархата, который принадлежалъ Харуну-ар-Рашиду и въ которомъ онъ умеръ въ Тусѣ. Среди предметовъ, оставшихся отъ Абды, упоминаются — четыреста ящиковъ для книгъ; тысяча триста издѣлій изъ эмали съ черненымъ серебромъ[7]); четыреста мечей, украшенныхъ золотомъ; тридцать тысячъ кусковъ сицилійскихъ тканей; изумрудовъ вѣсомъ «ирдаббъ» (мѣра въ пять четвериковъ, равная 6 «вайбамъ») и прочіе драгоцѣнные камни; флаконъ изъ краснаго яхонта, вѣсомъ въ

---

1) Восточной Африки, Занзибара.

2) Въ текстѣ قيصورى, исправляемое нами въ فنصورى. Объ этой камфорѣ см. E. Dulaurier, Note sur l'origine et les différentes espèces de camphre, d'après les auteurs arabes, Journal Asiatique, IV série, t. VIII, Paris, 1846, pp. 215—220; Yule-Burnell, Hobson-Jobson, 151; van der Lith, Merveilles de l'Inde, 221,—тамъ-же 219—220 о شحر.

3) О сортѣ мускуса نفاجىّ см. Dozy, Supplément, II, 694.

4) خزّ مقطوع—см. Karabacek, Susandschird, 32, anm. 36.

5) قاطرميز, Dozy, Supplément, II, 366.

6) معمّمات, Dozy, Supplément, II, 169; нашъ текстъ подтверждаетъ упоминаемое здѣсь предположеніе Sacy.

7) ثلثمائة قطعة مينا فضّة مخرقة. Переводъ Quatremère'a — treize cents vases d'argent, émaillé et ciselé.

двадцать семь мискалей; девяносто тазовъ и девяносто водолеевъ изъ чистаго хрусталя.

Возвращаясь къ перечисленіямъ находившагося въ сокровищницѣ, текстъ отмѣчаетъ различныя фарфоровыя издѣлія — разукрашенные, большіе, фарфоровые сосуды (اجاجين), каждый изъ которыхъ былъ на трехъ ножкахъ, изображалъ собою какого-нибудь дикаго звѣря, напр. льва [1]), стоилъ тысячу динаровъ и предназначался для мытья одеждъ; корзины [2]), наполненныя фарфоровыми яйцами. Изъ другихъ предметовъ упоминаются далѣе: — Золотая цыновка вѣсомъ въ восемнадцать ритловъ, относимая преданіемъ ко времени брака халифа Мамуна съ дочерью везира Хасана-ибн-Сахла, Буранъ [3]). Эмалевыя блюда въ числѣ двадцати восьми съ золотыми украшеніями, на подставкахъ (بكعوب?), присланныя греческимъ царемъ халифу Азизу; каждое изъ нихъ стоило три тысячи динаровъ. Сундуки, наполненные зеркалами изъ желѣза, фарфора и эмальированнаго стекла, разукрашенными золотой филигранью и серебромъ, а нѣкоторые — драгоцѣнными камнями, въ футлярахъ изъ *кимухта*, различныхъ сортовъ шелка, бамбука и прочаго дерева, съ золотыми и серебряными запорами; ручки-же этихъ зеркалъ были изъ корналина и тому подобныхъ матеріаловъ. Зонтики съ золотыми и серебряными ручками. Различныя, прекрасно сдѣланныя серебряныя издѣлія, украшенныя золотомъ, изъ которыхъ одинъ предметъ вѣсилъ иногда пять тысячъ дирхемовъ. Шахматы и *нарды* (триктракъ), сдѣланные изъ различныхъ драгоцѣнныхъ камней, золота, серебра, слоновой кости и эбеноваго дерева, съ шелковыми, вышитыми золотомъ кусками матеріи вмѣсто досокъ. Четыреста большихъ корзинъ съ различными, украшенными золотомъ ювелирными издѣліями. Четыре тысячи украшенныхъ золотомъ сосудовъ для нарциссовъ и двѣ тысячи такихъ-же — для фіалокъ.

---

1) Quatremère и Schack, Poesie und Kunst der Araber, II, 165 (у котораго ошибка въ ссылкѣ на Макризи — не I, 410, а I, 415), относили изображенія дикихъ звѣрей не къ сосудамъ, а къ ножкамъ ихъ. Возможно, однако, въ виду сообщенія о назначеніи этихъ сосудовъ, что передъ нами упоминаніе о *фигурныхъ водолеяхъ*. Ср. впрочемъ ЗВО, XIV, 0109.

2) Таково, думаемъ мы, значеніе тутъ слова اقفاص, а не cages, какъ у Quatremère'a.

3) У Quatremère'a это имя ошибочно передано Touran. Объ этомъ же бракѣ и связанныхъ съ нимъ разсказахъ у арабскихъ писателей, упоминающихъ также и приводимую у Макризи золотую цыновку, см. сообщенія напр. Ibn Khallikan's, Biographical Dictionary, transl. from the arabic by Baron Mac Guckin de Slane, vol. I, Paris, 1842, 268 suiv.; Prolégomènes historiques d'Ibn Khaldoun, tr. par Mac Guckin de Slane, Notices et Extraits des manuscrits, t. XIX, Paris, 1862, 352—353; Latáifo 'l-maʿárif, auctore at-Thaʿálibí, pp. ٧٣—٧٤.

Специально въ отдѣлѣ рѣдкостей (خزينة الطرائف), среди различныхъ предметовъ, описаніе отмѣчаетъ:—Фигурки изъ амбры, въ числѣ двадцати двухъ тысячъ, вѣсомъ каждая около двѣнадцати «манновъ» (мѣра вѣса въ два رطل, фунта) и болѣе. Восемьсотъ дынь изъ камфоры. Шапочка[1]), усыпанная драгоцѣнными камнями, представлявшая собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей въ халифскихъ сокровищницахъ, стоившая сто тридцать тысячъ динаровъ и вѣсъ драгоцѣнныхъ камней которой равнялся семнадцати ритламъ; среди этихъ камней были — Бадахшанскій рубинъ (بلخش), вѣсомъ въ двадцать три мискаля и сто жемчужныхъ зеренъ, каждое вѣсомъ въ три мискаля.

Въ отдѣлѣ ароматовъ (خزينة الطيب) упоминаются: — Пять шестовъ индійскаго алое, длиной отъ девяти до десяти локтей. Зерна Фансурійской камфоры. Куски амбры. Фарфоровые поставцы[2]) на трехъ ножкахъ, вмѣщавшіе каждый двѣсти ритловъ ѣды. Значительное количество кусковъ квасцовъ и безоара. Различные хрустальные и иные сосуды. Печать изъ *надда* (родъ аромата) въ тысячу мискалей, съ надписями, сдѣланная при Буидѣ Фахр-ад-даулѣ (въ Реѣ, Хамаданѣ и Исфаханѣ, 366—387=976—997). Золотой павлинъ, выложенный драгоцѣнными камнями, съ глазами изъ краснаго яхонта и перьями изъ украшеннаго золотомъ эмальированнаго стекла, подъ цвѣтъ перьевъ павлина. Золотой пѣтухъ, съ гребнемъ изъ краснаго яхонта, усыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ глазами изъ яхонта. Газель, усыпанная драгоцѣнными жемчужинами и камнями, съ бѣлымъ животомъ, выложеннымъ жемчугомъ. Ящикъ для хрустальныхъ мисокъ въ бамбуковомъ футлярѣ. Дыня изъ камфоры въ золотомъ плетеномъ футлярѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями. Кусокъ амбры, называвшійся «ягненокъ», вѣсомъ, безъ золотого футляра, восемьдесятъ «манновъ». Еще дыня изъ камфоры, въ золотомъ, вѣсомъ въ три тысячи мискалей, футлярѣ. Столъ изъ яшмы[3]) большихъ размѣровъ, съ ножками изъ того-же матеріала. Яйцо изъ Бадахшанскаго рубина, вѣсомъ въ двадцать семь мискалей, чище цвѣтомъ, чѣмъ красный яхонтъ. Особый сосудъ (قاطرميز) изъ хрусталя. Большой столъ изъ агата, съ ножками изъ него-же. Золотая пальма, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, стоявшая въ золотомъ сосудѣ (اجانة). Галеры для торжественныхъ выѣздовъ. Особое произведеніе ювелирнаго искусства — садъ, земля котораго

1) كلوتة—Dozy, Vêtements, 387 и Supplément, II, 482.

2) Ср. متارد, مثارد — Dozy, Supplément, I, 158—159. У Quatremère'a un buffet de porcelaine.

3) Вмѣсто стоящаго въ текстѣ نصب, не дающаго смысла, мы читаемъ يصب, яшма (см. Clément-Mullet, Minéralogie, 226 suiv.).

была сдѣлана изъ украшеннаго золотомъ, черненаго серебра, а также *надда* (особый ароматическій составъ), деревья — изъ украшеннаго золотомъ серебра, а плоды—изъ амбры и тому подобнаго; садъ этотъ вѣсилъ триста шесть ритловъ. Дыня изъ камфоры, вѣсомъ въ шестнадцать тысячъ мискалей. Голубые яхонты, вѣсомъ каждый въ семьдесятъ дирхемовъ. Изумруды, вѣсомъ каждый въ восемьдесятъ дирхемовъ. Изумрудныя ручки зеркалъ, длинныя и массивныя.

Таково было содержаніе этой богатѣйшей сокровищницы халифскаго дворца, заключавшей, какъ мы видѣли, не только различныя художественныя рѣдкости, но и часть инсигній халифскаго достоинства.

Слѣдующая, упоминаемая у Макризи сокровищница носила названіе «сокровищницы ковровъ и утвари» (خزانة الفرش والأمتعة, Макризи, ۴١۴—۴١٧; Quatremère, 375—378). Описываемые въ ней предметы также заслуживаютъ упоминанія. По словамъ «Книги рѣдкостей» (كتاب الذخائر) тамъ между прочимъ были: — Подушки изъ красной *хусраванійской* ткани, изъ ткани *каламунъ*[1]), изъ ткани *сандусъ*[2]). Мѣшки съ кусками разныхъ тканей; эти ткани были шитыя золотомъ и съ разнообразными узорами; такъ, въ одномъ мѣшкѣ была *хусраванійская*, красная, шитая золотомъ ткань съ изображеніями слоновъ, — лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ноги слоновъ, ткань не была вышита золотомъ. Три тысячи кусковъ красной *хусраванійской* ткани, вышитой бѣлымъ. Тамъ же находились и разнаго рода ковры: изъ тканей *каламунъ*, *дабики*, бархата, шелка и т. д., различныхъ видовъ и цвѣтовъ. *Саманскія* цыновки и рогожки, расшитыя разными узорами золотомъ и серебромъ и не расшитыя. Затѣмъ, مقرمة т. е. по объясненію нашего текста—завѣса изъ зеленаго, шитаго золотомъ *сандуса*, причемъ цифра, стоявшая на мѣшкѣ съ этой завѣсой—сто восемьдесятъ восемь—даетъ понятіе о громадномъ числѣ подобныхъ, хранившихся въ сокровищницѣ мѣшковъ. Большое число шелковыхъ, тканыхъ золотомъ завѣсъ, различныхъ цвѣтовъ и различной длины, съ изображеніями разныхъ царей и знаменитыхъ людей; при каждомъ изображеніи были написаны имя, время жизни и біографія[3]). Въ отдѣленіи ковровъ упоминаются четыре тысячи свертковъ изъ шитаго золотомъ *хусравани*; въ каждомъ сверткѣ были ковры[4]). Кусокъ *Тустерско-Куркубійской* ткани изъ голубого шелка,

---

1) Dozy, Supplément, I, 6. Ср. Насыри-Хосроу, 111, 113, 114; ٣٧,٥, ٢٥ слѣд.

2) О سندس см. R. Dvořák, Ueber die Fremdwörter im Korân, Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Phil.-hist. Classe, B. 109, 1885, 547—552.

3) У Quatremère'a ستور неправильно переведено tapis.

4) Въ текстѣ—فرش مجلس ببسطه و تعاليقه و سائر آلاته, такъ что, если تعاليق разсматривать какъ бахрому, то بسط, по тексту—часть فرش, можно считать ковромъ безъ

тканаго золотомъ и разноцвѣтными шелками, сработанный по приказу халифа Муʿизза, въ 353 году (964 по Р. Х.); на немъ были изображены различныя области земли, горы, моря, города, рѣки, дороги, какъ на географической картѣ; тамъ были изображены и Мекка съ Мединой; при каждой мѣстности стояло названіе — изъ золота, серебра и шелка; за работу этой ткани были уплочены двадцать двѣ тысячи динаровъ. Палатка изъ красной протканной золотомъ матеріи, сдѣланная для халифа Мутеваккиля.

Слѣдующія, описываемыя у Макризи сокровищницы — оружія (٤١٧) и сѣделъ (٤١٨) были уже приведены нами въ примѣчаніяхъ 9 и 11. Поэтому, мы, оставляя ихъ, переходимъ прямо къ «сокровищницамъ шатровъ» (خزائن الخيم, ٤١٨—٤٢٠; у Quatremère'a 380—383).

По сообщенію «Книги рѣдкостей» въ Фатымидской сокровищницѣ шатровъ хранились разнообразные виды ихъ [1]). Были шатры, сдѣланные изъ разныхъ драгоцѣнныхъ тканей, различнаго вида и цвѣта, узоры которыхъ перечисляются: слоны, львы, лошади, павлины и прочія птицы, и хищные звѣри, и различныя человѣческія изображенія. Такими-же драгоцѣнными тканями были обиты эти шатры и внутри. Всѣ они были снабжены необходимыми принадлежностями, какъ-то столбами, покрытыми серебряными стержнями [2]) и пр. Были экземпляры для перевозки одного изъ которыхъ требовалось двадцать верблюдовъ. Какъ образцы такихъ шатровъ приводятся различные, исключительные по размѣрамъ шатры. Прежде всего, четыреугольный шатеръ съ четырьмя стѣнами и крышей [3]), имѣвшій шесть столбовъ, изъ которыхъ два дополнительныхъ столба укрѣплялись у той стѣны, которая поднималась для входа и выхода изъ шатра, т. е. служившей дверью. Затѣмъ большой круглый шатеръ, поддерживавшійся однимъ столбомъ, высотой въ шестьдесятъ пять локтей, состоявшій изъ шестидесяти четырехъ частей, укрѣплявшихся застежками и шнурами и перевозившихся на сотнѣ верблюдовъ; этотъ шатеръ сдѣлали по приказу везира Язури сто пятьдесятъ мастеровъ, въ теченіе девяти лѣтъ и онъ обошелся въ тридцать тысячъ динаровъ; этотъ шатеръ былъ сдѣланъ на подобіе шатра «Катуля» (القاتول; о немъ ниже), устроеннаго при халифѣ Азизѣ, но этотъ шатеръ Язури имѣлъ столбъ выше и былъ шире, больше и красивѣе; поддерживав-

---

бахромы, что до сихъ поръ не было указано. Въ текстахъ فرش и بسط встрѣчаются рядомъ. Это мѣсто у Quatremère'a не было переведено.

1) Объ этой сокровищницѣ см. Kremer, Culturgeschichte, II, 298—300.

2) الاعمدة الملبسة انابيب الفضة, colonnes couvertes d'argent y Quatremère'a.

3) О немъ у Quatremère'a не сообщается.

шій этотъ шатеръ столбъ былъ однимъ изъ двухъ столбовъ, за которыми халифъ Мустансыръ посылалъ въ Румъ и который все-же былъ надрѣзанъ на пять локтей. Шатеръ, сдѣланный въ Тиннисѣ для халифа Азиза и прозванный «домъ-дыня» (دار البطّيخ), на шести столбахъ, съ четырьмя изъ нихъ по угламъ; въ углахъ были павильоны, заключенные подъ общую круглую крышу; каждый павильонъ имѣлъ, какъ и весь шатеръ, четыре столба, длиной въ восемнадцать локтей — равнявшихся длинѣ столбовъ шатра[1]). Шатеръ, сдѣланный въ Тиннисѣ-же для халифа Захира. Среди слѣдующихъ шатровъ заслуживаетъ упоминанія большой, круглый шатеръ, сдѣланный въ Халебѣ, около 440 г. (1048 — 1049 по Р. Х.) и стоившій тридцать тысячъ динаровъ; столбомъ для него была взята самая большая мачта съ венеціанскихъ судовъ (*дромонъ*), высотой въ сорокъ локтей; для перевозки его требовалось семьдесятъ верблюдовъ, разставляли его двѣсти прислужниковъ и по виду своему онъ походилъ на «Катуль», шатеръ, прозванный такъ (т. е. «постоянно убивающій») потому, что при разстановкѣ его всегда происходили несчастные случаи, результатомъ которыхъ бывала смерть одного или двухъ прислужниковъ. Со словъ Ибн-Мисара передается, что и везиръ Афдалъ сдѣлалъ стоившій десять тысячъ динаровъ и воспѣвавшійся поэтами шатеръ, прозванный «шатромъ радости» (خيمة الفرح).

Слѣдующее краткое описаніе касается خزانة الشراب, «сокровищницы питья» (٤٢٠), о которой нѣтъ сообщеній у Quatremère'а. Сообщенія Макризи (цитаты изъ Ибн-ал-Мамуна и Ибн-ат-Тувайра), не дающія подробныхъ описаній, отношенія къ внѣшнему быту, въ частности-же къ церемоніалу выѣзда, не имѣютъ.

Подробнѣе и съ частностями, не лишенными интереса для новогодняго выѣзда, какъ и всякой церемоніи Фатымидскихъ халифовъ, дано описаніе слѣдующей сокровищницы, خزانة التوابل, «сокровищницы снадобій» (٤٢٠), не упомянутой у Quatremère'а. Описаніе это приводится какъ цитата изъ Ибн-ал-Мамуна. Ежегодная трата на эту сокровищницу составляла сумму въ пятьдесятъ тысячъ динаровъ. Количество раздававшихся душистыхъ снадобій дается въ текстѣ въ слѣдующемъ порядкѣ. — Для халифа (الخاصّ الشريف) шло каждый мѣсяцъ: тридцать мискалей тройного *надда* (сортъ духовъ, существенной составной частью которыхъ была

---

1) Уподобленіе шатра كنيس и названіе павильоновъ قبّة наводитъ насъ на мысль, что шатеръ былъ построенъ, какъ подражаніе христіанской церкви (كنيس) съ ея притворами (قبّة), подъ общей кровлей-куполомъ. Объ этомъ шатрѣ Quatremère не говоритъ ничего.

амбра), сто пять дирхемовъ Санфійскаго [1]) алое, пятнадцать дирхемовъ старой камфоры, десять мискалей амбры [2]), двадцать дирхемовъ шафрана, тридцать ритловъ розовой воды. Какъ духи халифской залы (المجلس الشريف) въ дни пріема, на каждый мѣсяцъ: десять мискалей тройного *надда*, двадцать дирхемовъ Санфійскаго алое, восемь дирхемовъ старой камфоры, десять дирхемовъ индійскаго [3]) шафрана. Ароматы для халифской бани, каждую ночь наканунѣ четырехъ ежемѣсячныхъ пятничныхъ молитвъ: четыре мискаля тройного *надда*, десять мискалей Санфійскаго алое. Для родни халифа ежемѣсячно шло: тридцать пять мискалей тройного *надда*, сто двадцать дирхемовъ Санфійскаго алое, пятьдесятъ дирхемовъ индійскаго шафрана, двадцать мискалей амбры, двадцать дирхемовъ старой камфоры, пятнадцать мискалей мускуса, сорокъ ритловъ розовой воды. Для халифскаго стола: пятнадцать мискалей мускуса, пятнадцать ритловъ розовой воды. Для сокровищницы питья: три мискаля мускуса, семь мискалей тройного *надда*, тридцать пять дирхемовъ Санфійскаго алое, двадцать ритловъ розовой воды. Для куренія во время шести процессій — двухъ службъ въ Рамаданъ въ двухъ соборныхъ мечетяхъ въ Кахирѣ: въ мечети Азхаръ и въ мечети Хакима; двухъ праздниковъ (день розговѣнья, يوم الفطر и день жертвоприношенія, يوم النحر); «дня пруда» (عيد الغدير, спеціально шіитскій праздникъ Фатымидовъ) и начала года (اوّل السنة) — полагалось большое количество лучшаго *надда* [4]). Курившихъ ароматами въ процессіяхъ было шестеро: три шли съ правой стороны и три съ лѣвой. Каждый изъ нихъ былъ подпоясанъ и держалъ въ рукавѣ уголь для того, чтобы зажигать курильницы. Эти послѣднія были сдѣланы изъ серебра. Лицо, несшее серебряный ящикъ съ куреніемъ, было однимъ изъ начальниковъ государственной казны. Онъ, во время шествія, шелъ между воскуривавшими и собственноручно клалъ въ курильницы ароматы. И по смерти одного изъ курившихъ ароматами, замѣщалъ его только человѣкъ, приносившій въ даръ серебряную курильницу. Это было установлено потому, что эти лица получали большой доходъ при церемоніяхъ, идя въ процессіяхъ вблизи халифа. Во время церемоній, кромѣ упомянутыхъ курильницъ, курились еще ароматы на особыхъ серебряныхъ блюдахъ, въ

---

1) Мы предпочитаемъ читать الصنفىّ вмѣсто الصيفى, какъ въ текстѣ; извѣстенъ сортъ العود الصنفىّ напр. Dozy, Supplément, II, 186; о мѣстности صنف см. van der Lith, Le livre des merveilles de l'Inde, Index géographique, 220.

2) عنبر خام, Dozy, Supplément, I, 419.

3) شعرى, Dozy, Supplément, I, 593.

4) Для дня «открытія канала» Насыри-Хосроу даетъ описаніе воскуриванья евнухами, шедшими въ процессіи, амбры и алое — ۴۸,۱۰; 141.

мечетяхъ; одно изъ нихъ стояло въ михрабѣ, два — по обѣ стороны минбара, четвертое — въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ халифъ. Наконецъ для везира [1]) шло ежемѣсячно слѣдующее количество ароматовъ — пятнадцать мискалей тройного *надда*, шестьдесятъ дирхемовъ Санфійскаго алое, шесть мискалей амбры, восемь дирхемовъ камфоры, десять дирхемовъ индійскаго шафрана, пятнадцать ритловъ розовой воды. Слѣдующее далѣе описаніе выдававшихся яствъ, не имѣющее никакого отношенія какъ къ выѣзду, такъ и къ предметнымъ богатствамъ халифской казны, равно какъ описанія нѣкоторыхъ небольшихъ сокровищницъ на стр. ٤٢٢, мы выпускаемъ.

Подробнаго описанія хранившихся въ сокровищницѣ знаменъ, خزانة البنود, предметовъ Макризи не даетъ. Немногое, наиболѣе интересное съ точки зрѣнія исторіи внѣшняго быта, было дано Quatremère'омъ, 379—380. Описанію предшествуетъ опредѣленіе слова البنود (составныя части котораго именуются الرايات و الاعلام, тожественное употребительному во времена Макризи العصائب السلطانيّة [2]), знамена — инсигніи власти. Цитата изъ كتاب الذخائر و التحف указываетъ ежегодный расходъ на эту сокровищницу отъ семидесяти до восьмидесяти тысячъ динаровъ и перечисляетъ нѣкоторые предметы, хранившіеся также въ этой сокровищницѣ — кувшины съ нефтью, трубки для бросанія ея же, щиты, мечи, копья, стрѣлы, а также серебряныя копья, шитыя золотомъ одежды, разукрашенныя знамена, сѣдла, уздечки и т. д.

Заключительное описаніе придворной кухни (دار الفطرة, ٤٢٥), не имѣющееся въ изложеніи Quatremère'а, мы также не излагаемъ, за отсутствіемъ въ этой статьѣ данныхъ внѣшняго быта.

Таковы были въ общемъ пересказѣ сохранившихся у Макризи текстовъ, неисчерпаемыя вещественныя богатства Фатымидской казны, богатства, пользовавшіяся заслуженной славой и окружавшія яркимъ, внѣшнимъ блескомъ египетскихъ халифовъ. Многіе изъ описанныхъ здѣсь предметовъ употреблялись при торжественныхъ церемоніяхъ, а слѣдовательно и при переведенномъ нами торжественномъ выѣздѣ.

---

1) Въ данномъ случаѣ называется Мамунъ.

2) О которыхъ см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 135. Въ переводѣ же его въ Mémoires это опредѣленіе не указано.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Раздача почетныхъ одеждъ изъ халифской казны.

Описаніе раздачи у Макризи по сообщенію Ибн-ал-Мамуна. Позднѣйшее подобное описаніе. Характеръ текста и пособія для работы надъ нимъ. Два одѣянія халифа. Одѣянія родни его. Одѣянія придворныхъ дамъ. Одѣянія «устадовъ съ перевязью». Одѣянія главныхъ чиновниковъ. Одѣянія чиновъ, служившихъ во время халифскихъ процессій.

Въ прим. 15-мъ къ нашему переводу мы уже сдѣлали нѣкоторыя, уясняющія нашъ текстъ выписки изъ той главы Макризи, которая посвящена сокровищницамъ одеждъ. Однако, находящаяся тамъ большая цитата изъ Ибн-ал-Мамуна (٤١٠,١ сл.) была оставлена нами безъ перевода потому, что она слишкомъ увеличила бы размѣры примѣчанія и, кромѣ того, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ описанію хранившихся въ этой сокровищницѣ предметовъ. Цитата эта относится у Макризи къ Ибн-ал-Мамуну[1] (وقال ابن المأمون) и повѣствуетъ объ этомъ, существовавшемъ при дворѣ Фатымидовъ церемоніалѣ — раздачѣ различнымъ должностнымъ лицамъ роскошныхъ одеждъ изъ халифской казны (كسوة الشتآء والصيف — Макризи, I, ٤٩٣,٢—٣). Описаніе относится ко времени везирата отца Ибн-ал-Мамуна извѣстнаго Мамуна-ал-Батаихи (1121 — 1125 по Р. X.), при халифѣ Амирѣ. Однако, лишь собственныя имена и, быть можетъ, нѣкоторыя немногія подробности даютъ этому описанію характеръ частнаго случая; остальныя части разсказа относятся къ обычаямъ, не ограниченнымъ опредѣленнымъ временемъ, опредѣленными лицами. Церемоніалъ, выработавшійся въ опредѣленную эпоху, не былъ все-же ограниченъ какими-нибудь четырьмя годами везирата Мамуна. Самый текстъ подтверждаетъ сейчасъ сказанное — онъ сравниваетъ церемоніалъ при Мамунѣ съ церемоніаломъ везирата предшественника его Афдала-Шаханшаха (1089—

1) О немъ см. Becker, 23.

1121 по Р. X.); различіе имѣется лишь въ количествѣ выдававшихся одеждъ.

Въ виду того, что эта цитата даетъ нѣкоторыя описанія, могущія служить дополненіемъ къ интересующему насъ тексту торжественнаго выѣзда, мы помѣщаемъ пересказъ ея, въ видѣ приложенія къ нашему переводу. Говоримъ пересказъ потому, что переводъ этой цитаты, не имѣющей во всѣхъ своихъ частяхъ непосредственнаго отношенія къ новогоднему выѣзду, представляется намъ нѣсколько сложнымъ въ виду неудовлетворительнаго состоянія текста (см. глоссу издателей на поляхъ стр. ٣١٠), имѣющагося передъ нами лишь въ редакціи Макризи, — у Ибн-Тагрибирди и Калькашанди этого описанія не имѣется.

Интересно сравнить этотъ разсказъ съ другимъ, сходнымъ по содержанію и находящемся въ текстѣ и переводѣ у Quatremère, Mamlouks, II, 2, 70—80. Этотъ разсказъ, называющій лишь группы главныхъ должностныхъ лицъ и не входящій въ подробности относительно каждаго отдѣльнаго чина, какъ то дѣлаетъ нашъ текстъ, относится къ болѣе позднему времени. При сличеніи обоихъ текстовъ, необходимо отмѣтить различіе въ номенклатурѣ бытовыхъ предметовъ. Отдѣльныя же части почетныхъ одѣяній, служившія какъ бы инсигніями того либо иного ранга, въ обоихъ текстахъ совпадаютъ. Этотъ отрывокъ представляетъ собою собственно рядъ перечисленій — во-первыхъ частей различныхъ одеждъ, во-вторыхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ эти одежды выдавались. Первыя перечисленія, дающія отчасти дополненія къ имѣющимся уже у насъ свѣдѣніямъ, представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительныя затрудненія. Главными пособіями нашими въ этой работѣ являлся извѣстный словарь арабскихъ названій одеждъ, составленный Dozy, и нѣкоторыя дополненія, введенныя тѣмъ же ученымъ въ его позднѣе вышедшее дополненіе къ арабскимъ словарямъ. При перечисленіяхъ второго рода, мы имѣли, въ качествѣ пособія, разрозненныя сообщенія Калькашанди о Фатымидскихъ чинахъ[1]. Въ обоихъ же случаяхъ, намъ оказывали помощь ясныя и опредѣленныя данныя текста описанія новогодняго выѣзда.

Въ заключеніе нашихъ вступительныхъ замѣчаній укажемъ, что этотъ текстъ, сколько намъ извѣстно, не только не былъ никѣмъ переведенъ, но даже самое содержаніе его до сихъ поръ почти не было извѣстно[2].

---

1) Благодаря этому обстоятельству, историки Фатымидскаго Египта находятся въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ напр. византинисты— см. Ѳ. Успенскій, Византійская табель о рангахъ, Изв. Русс. Арх. Инст. въ Константинополѣ, III, Софія, 1898, 98—137, особенно 130.

2) См. попутное замѣчаніе Kremer, Culturgeschichte, II, 295.

Прежде всего дается подробное описаніе одѣянія халифа, которое получалъ завѣдующій халифской сокровищницей одеждъ (مقدّم خزانة الكسوة الخاصّ). Для провѣрки и пониманія описываемыхъ различныхъ частей одѣянія халифа, можно привлечь аналогичныя описанія въ другихъ мѣстахъ книги Макризи—напр. выдержки изъ того-же Ибн-ал-Мамуна, ٢٧١,٨ слѣд., гдѣ дается описаніе одежды халифа въ день выѣзда для открытія Нильскаго канала, а также и ٢٧٢,٣٠ сл. и ٢٧٣,١٢ сл. Ибн-ал-Мамунъ даетъ описанія двухъ полныхъ одѣяній (بدلة въ нашемъ описаніи всегда имѣетъ значеніе имечно полнаго одѣянія, всѣхъ частей костюма[1]) — одного для выѣзда (برسم الموكب), другого — для сидѣнья за праздничнымъ пиромъ (برسم الجلوس على السماط). Такъ какъ самымъ торжественнымъ и самымъ полнымъ выѣздомъ былъ именно новогодній выѣздъ, то первое одѣяніе мы имѣемъ полное право считать тѣмъ самымъ, которое одѣвалъ халифъ въ новогодній выѣздъ. Составъ его текстъ опредѣляетъ въ одиннадцать частей съ обѣими перевязями (باللفافتين). Въ дальнѣйшемъ описаніи этими перевязями оказывается ткань عرضى, такъ какъ при вторичномъ упоминаніи этой ткани, еще прибавлено لفافة للتخت, перевязь или покровъ для сундука[2]). Все это полное одѣяніе было, по словамъ Ибн-ал-Мамуна, расшито золотомъ (مذهّبة), а собственно костюмъ (ثوبها) былъ разукрашенъ круглыми узорами и имѣлъ волочащійся подолъ[3]). Какъ для всего одѣянія, такъ и отдѣльныхъ частей его, Ибн-ал-Мамунъ даетъ цѣну въ динарахъ и количество пошедшихъ на работу золотыхъ нитей. Вообще необходимо отмѣтить, въ цѣляхъ поясненія слѣдующаго описанія, что вышитыя золотомъ драгоцѣнныя одежды составляли необходимую принадлежность всѣхъ высшихъ сановниковъ Фатымидскаго государства. Лица, состоявшія рангомъ ниже, получали вышитыя шелкомъ одежды. Сорта золотыхъ нитей, указываемые Ибн-ал-Мамуномъ, слѣдующіе—العالى (высшій), العراقّى (Иракскій), المصرىّ (Египетскій[4]). Описаніе одежды начинается съ головного убора, состоявшаго изъ трехъ частей —

1) См. объ этомъ словѣ Dozy, Supplément, I, 58.

2) تخت—сундукъ см. Kremer, Beiträge, I, 26; одежды выдавались уложенными въ сундуки, ср. еще Макризи, I, ٢٧١,٢٢ или ٢٧٢,٣٠ сл.

3) موشّح مجاوم مذايل; слово مجاوم образовано отъ перс. جام, чаша, см. Kremer, Beiträge, I, 30 и 37; то обстоятельство, что при торжественномъ выѣздѣ платье халифа было сдѣлано изъ драгоцѣнной ткани съ такимъ узоромъ указываетъ, вѣроятно, на особую цѣнность этого матеріала.

4) О сортахъ العراقّى и المصرىّ см. Karabacek, Susandschird, 17 и 20. О золотыхъ нитяхъ вообще—Kremer, Culturgeschichte, II, 294; W. Heyd, Histoire du commerce du Levant, II, 677—678; Karabacek, o. c. 12 ff.

1) шапочки *шашійя* (شاشيّة[1]) изъ драгоцѣнной ткани *тамимъ* (طميم[2]), 2) шарфа съ золотыми полосами, обертывавшагося вокругъ шапочки и образовывавшаго тюрбанъ (منديل[3]), 3) перевязи (وسط), надѣвавшейся подъ шарфъ и служившей подкладкой ему, изъ ткани *шарбъ* (شرب, въ текстѣ ошибочно سرب, ср. I, ٤٧١,١٩). Далѣе слѣдуютъ три названія собственно одеждъ — 4) одѣяніе, разукрашенное круглыми узорами и каймой (مطرّز[4]) — 5) одѣяніе (надѣвавшееся, вѣроятно, подъ сейчасъ названное) среднее (وسطانيّ), полотняное (دبيقيّ, Дабикійское), съ шелковыми узорами и 6) полотняная, вышитая шелкомъ туника (غلالة[5]); далѣе мы имѣемъ 7) и 8) двѣ перевязи рукавовъ, одна вышитая золотомъ, другая — шелкомъ[6]); слѣдующимъ предметомъ 9) является обозпаченный въ текстѣ словомъ حجرة и относительно котораго мы, въ данномъ случаѣ, рискуемъ лишь высказать нѣкоторыя предположенія. Хотя слово حجرة стоитъ неоднократно въ текстѣ Макризи и именно въ такомъ начертаніи и хотя его значеніе «шлейфъ»[7]) соотвѣтствуетъ общему описанію костюма منزايل, мы все-же предлагаемъ, въ видѣ вопроса, иное значеніе для этого слова, получаемое, однако, при помощи коньектуры. Прежде всего намъ кажется, что при опредѣленіи костюма منزايل, и названіе шлейфа было-бы ذيل. Кромѣ того, исходя изъ мысли, что описаніе дается въ опредѣленномъ порядкѣ, мы, изъ-за сосѣдства этого слова со словомъ عرضيّ, т. е. «перевязь, поясъ» — какъ увидимъ далѣе, — думаемъ, что, читая это слово حجزة, мы можемъ видѣть въ немъ тоже «поясъ», но иной, чѣмъ عرضيّ, именно—надѣваемый ниже, подъ верхній поясъ (таково значеніе этого слова по словарямъ). Наконецъ, послѣдними предметами, упоминаемыми въ этомъ описаніи, являются 10) и 11)— عرضيّ, вышитый золотомъ и простой. عرضيّ, въ иныхъ случаяхъ, замѣняется فوطة и زنّار (этотъ корень скрывается въ словѣ مزنر, ٤١٢,١ — о чемъ ниже)—

1) Dozy, Vêtements, 240 suiv.
2) Kremer, Beiträge, II, 12.
3) Dozy, Vêtements, 414 suiv. и Supplément, II, 653.
4) Kremer, Beiträge, II, 10.
5) Dozy, Vêtements, 319 и Supplément, II, 220; это мѣсто можетъ служить возраженіемъ на утвержденіе Dozy, Vêtements, 323, что غلالة въ Египтѣ носилось исключительно женщинами.
6) Такого рода перевязи мы постоянно встрѣчаемъ на рисункахъ, изображающихъ средневѣковые мусульманскіе костюмы, см. напр. A. de Longpérier, Vase oriental du musée du Louvre connu sous le nom de baptistère de Saint Louis, Oeuvres, t. I, Paris, 1883, 462—463 или А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, СПБ., 1890, 181, 182, 183 и т. д.
7) Dozy, Vêtements, I, 253.

т. е. имѣетъ значеніе «пояса», «перевязи» (ср. I, ٤٧١,١٦ — عرضى لفافة خاص; это слово, впрочемъ, имѣетъ также значеніе тюрбаннаго[1]) шарфа. Ср. еще у Макризи, I, ٤٧٣,٣٠ — باوساطهم العراض الدبيقى. Второй عرضى былъ назначенъ для ящика съ этимъ костюмомъ, (ср. Макризи I, ٤٧١,١٧ — برسم تغطية التخت). Такова была та одежда, которая предназначалась для халифа во время выѣзда. Въ этомъ же описаніи говорится и о другой одеждѣ, надѣвавшейся халифомъ для торжественнаго пира. Одежда эта состояла изъ — шапочки *шашійя* изъ *тамима;* тюрбаннаго шарфа *миндиля*; верхней одежды (وكم شقة; опредѣлить значеніе وكم мы затрудняемся и переводимъ, исходя изъ порядка описанія); средней одежды изъ Дабикійской (полотняной) ткани, шитой шелкомъ; Дабикійской-же туники; рукавной перевязи, шитой шелкомъ; нижняго пояса (حجرة); верхней перевязи; къ этому прибавлялась еще перевязь для ящика. Для выѣзда халифа въ день открытія Нильскаго канала, по словамъ того-же Ибн-ал-Мамуна, ٤٧١,٨ сл., представлялись халифу одежды, сходныя съ вышеописанными: одна — для пути туда, другая — для пути обратно; обѣ находились въ особыхъ ящикахъ[2]). О халифскомъ костюмѣ въ эту церемонію см. еще Насыри-Хосроу, 140—141, ٤٧—٤٨. Значительно короче другія описанія, данныя у Макризи, ٤١٣,١ сл. и ٤٧٢,٣٠ сл.

Изъ слѣдующихъ одѣяній, вслѣдъ за описаніемъ костюма халифа, упоминается объ одеждѣ брата его (т. е. въ данномъ случаѣ, вѣроятно, ближайшаго преемника его, такъ какъ описаніе относится къ халифу Амиру, который не оставилъ преемника — сына[3]). Это также было вышитое золотомъ полное одѣяніе (بدلة مذهبة), но количество составлявшихъ его предметовъ было значительно меньше. Онъ получалъ — тюрбанный шарфъ, Дабикійскую (полотняную) шитую шелкомъ, такъ называемую, среднюю одежду, Дабикійскую-же тунику, поясъ (حجرة), Дабикійскую перевязь (عرضى).

Изъ слѣдующихъ описаній стоитъ отмѣтить роскошное и разнообразное одѣяніе старшей жены халифа (таково, думаемъ, значеніе здѣсь الجهة العالية), хотя въ интересующемъ насъ новогоднемъ выѣздѣ это лицо никакого участія

1) Dozy, Supplément, II, 113.

2) О словѣ بدنة, упоминаемомъ въ этомъ текстѣ см. Dozy, Supplément, I, 58; BGA, IV, 185—186; Kremer, Beiträge, I, 16 и его-же, Lexicographische Notizen nach neuen arabischen Quellen, Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil.-hist. Classe, Bd. 112, 1886, 8.

3) Wüstenfeld, Geschichte der Fatimiden-Chalifen, 300 и Stanley Lane Poole, History of Egypt, 166.

не принимало. Она получала роскошную, вышитую золотомъ, полную одежду (حلّة; отмѣчаемъ, что полное мужское одѣяніе всегда называется بدلة, тогда какъ полное женское одѣяніе—حلّة), съ круглыми узорами, со шлейфомъ, отороченную. Какъ составныя ея части даются слѣдующія названія: шитый золотомъ *судаси* (سداسىّ [1]); изъ порядка описанія и сопутствующихъ названій, заключаемъ, что здѣсь разумѣется головное покрывало [2]); первый *миʿджаръ*, т. е. тоже головной уборъ (معجر [3])—шитый золотомъ, съ круглыми узорами, отороченный; второй *миʿджаръ*, шитый шелкомъ; два плаща—первый и второй,—шитые шелкомъ; *дурраʿа* (درّاعة [4]), украшенная круглыми узорами, со шлейфомъ, шитая золотомъ; затѣмъ средняя одежда, Дабикійская (полотняная), шитая шелкомъ; также Дабикійская одежда безъ вышивки (отмѣчаемъ противопоставленіе حريرىّ и بغير رقم); Дабикійская *мулаа* [5]) (въ нашемъ текстѣ, однако, это слово имѣетъ, повидимому, не значеніе плаща, а одѣянія, надѣвавшагося подъ предшествовавшую ей въ описаніи одежду); три рукавныхъ перевязи; поясъ (حجزة); перевязь (عرضىّ). Одѣянія остальныхъ женщинъ и родственниковъ халифа подробно не описываются, а лишь опредѣляются въ общихъ названіяхъ — для женщинъ حلّة, для мужчинъ بدلة. Двоюродные братья халифа — среди которыхъ упомянутъ на первомъ мѣстѣ и будущій халифъ Хафизъ Абу-л-Маймун-ибн-Абд-ал-Маджидъ — дѣлились на два разряда الجلساء и غير الجلساء; первые получали بدلة مذهّبة, шитое золотомъ одѣяніе, вторые بدلة حريرىّ, шелкомъ шитое одѣяніе.

Далѣе (٢١١,١١ сл.) упоминаются тѣ служащія въ различныхъ дворцовыхъ учрежденіяхъ, которыя тоже получали различныя одѣянія, сообразно ихъ степени. Прежде всего служащія въ «сокровищницѣ избранной одежды» — «Зейн-ал-хуззанъ» («Украшеніе хранителей»), начальница сокровищницы, получала золотомъ шитое, полное одѣяніе; шесть хранительницъ получали полныя одѣянія, шитыя шелкомъ; десять надсмотрщицъ (وقّافات, по рангу ниже хранительницъ) также шитыя шелкомъ полныя одѣянія. Завѣдывавшая парадныомъ столомъ халифа и завѣдывавшая «сокровищницей питья» получали также полныя одѣянія, шитыя шелкомъ. Сто семьдесятъ

---

1) Lane, Dictionary, I, 1332, garment of the kind ازار.
2) Dozy, Vêtements, 24, ازار.
3) Dozy, Vêtements, 297.
4) Dozy, Vêtements. 177 и Supplément, I, 434.
5) Dozy, Vêtements, 408 и Supplément, II, 609.

шитыхъ золотомъ и шитыхъ шелкомъ полныхъ женскихъ одѣяній шло женщинамъ завѣдывавшимъ различными мастерскими, какъ дворцовыми (التصوريّات), такъ и присоединенными къ нимъ везирскими (послѣднее слово выражено въ текстѣ الافضليّات т. е. прозваніемъ везира, предшественника Мамуна, въ лѣтописи сына котораго сохранились сообщаемыя нами извѣстія; это обстоятельство возбуждаетъ вопросъ — не Афдалъ-ли первый организовалъ мастерскія при دار الوزارة по образцу халифскихъ?). Женская свита халифскихъ женъ также получала полныя одѣянія, какъ вышитыя золотомъ, такъ и вышитыя шелкомъ.

Слѣдующее за этимъ перечисленіе нѣкоторыхъ *«устадовъ съ перевязью»* можно сопоставить съ тѣмъ сводомъ чиновъ, которое имѣется у Калькашанди, 179—180, 181 слѣд., а также съ краткимъ упоминаніемъ главнѣйшихъ чиновъ этого рода у того-же Макризи ٣٨٩,٣٦ сл., въ цитатѣ изъ Ибн-ат-Тувайра. Эту цитату, за краткостью ея, мы предлагаемъ въ переводѣ.—«Самыми близкими людьми къ халифу были *устады съ перевязью*, люди выдающіеся и имѣвшіе особо почетныя служебныя обязанности. Въ ихъ составъ входили: завѣдующій халифскимъ замкомъ (زمام القصر), свертывавшій славный вѣнецъ (شادّ التاج الشريف), завѣдующій государственной казной (صاحب بيت المال), завѣдующій придворными расходами (صاحب الدفتر), завѣдующій халифской перепиской (صاحب الرسالة), завѣдующій ближайшими *шарифами* (زمام الأشراف الاقارب; шарифы—потомки Али-ибн-Абу-Талиба), завѣдующій пріемнымъ заломъ (صاحب المجلس)». — Сравнивая перечисленные здѣсь чины съ таблицей, данной Калькашанди, 182—183, и текстомъ Ибн-ал-Мамуна, мы замѣчаемъ, что наибольшее число ихъ указано у Калькашанди — именно девять. У Ибн-ат-Тувайра ихъ имѣется только семь — не имѣются صاحب الدواة и صاحب المائدة. Въ перечисленіи Ибн-ал-Мамуна нѣтъ нѣсколькихъ лицъ, указанныхъ въ таблицѣ Калькашанди, а حامل المظلّة и مقدّم خزانة الكسوة الخاصّ введены въ разрядъ *«устадовъ съ перевязью»*, хотя у Калькашанди ни того, ни другого нѣтъ въ таблицѣ (первый помѣщенъ отдѣльно, ранѣе списка). Не дѣлая изъ этого какихъ-либо заключеній, такъ какъ Ибн-ат-Тувайръ, весьма возможно, не претендовалъ на полноту, а Ибн-ал-Мамунъ давалъ перечисленіе чиновъ, лишь имѣвшихъ отношеніе къ данному празднику, мы отмѣчаемъ въ терминологіи чередованье словъ صاحب и متولّى, какъ равнозначущихъ. Такъ, у Калькашанди и Ибн-ат-Тувайра мы имѣемъ صاحب الدفتر и صاحب بيت المال, у Ибн-ал-Мамуна — متولّى الدفتر и متولّى بيت المال; у Калькашанди —

صاحب المائدة, у Ибн-ал-Мамуна — متولّى المائدة. Кромѣ того, считаемъ нужнымъ прибавить, что слова صاحب, متولّ, زمام, مقدّم мы вездѣ переводили «завѣдующій», хотя относительно послѣднихъ терминовъ и не имѣемъ доказательствъ въ текстѣ относительно того, что они равнозначущи صاحب и متولّ; мы не нашли однако возможнымъ дать точное разграниченіе въ русскомъ языкѣ.

Возвращаясь теперь къ нашему тексту, отмѣчаемъ, что, при описаніи раздававшихся *устадамъ* одеждъ, Ибн-ал-Мамунъ не даетъ подробныхъ описаній; онъ лишь говоритъ, что одежды были шитыя золотомъ и шитыя шелкомъ. Изъ *устадовъ съ перевязью* слѣдующіе получали одежды шитыя золотомъ — завѣдующій халифскимъ замкомъ, завѣдующій придворными расходами, завѣдующій государственной казной, носитель зонтика, завѣдующій пріемнымъ заломъ (متولّى الستر), завѣдующій халифскимъ столомъ, завѣдующій сокровищницей избранныхъ одеждъ (въ этомъ мѣстѣ дано лишь собственное имя, но см. ۲١٠,٩). *Устады* ниже ихъ получали одежды, шитыя шелкомъ, въ количествѣ четырехъ частей и перевязей (فوطة, а не عرضىّ). Нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ исключенія, получали и шитыя золотомъ одежды; нашъ текстъ напр. называетъ шесть *устадовъ* въ сокровищницѣ избранныхъ одеждъ, получавшихъ вышитыя золотомъ одежды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ особо отмѣчаются и болѣе простыя одежды; такъ, каждый изъ четырехъ «замѣстителей завѣдующаго халифскимъ замкомъ» получалъ шитую шелкомъ одежду изъ ткани *хусравани*. Такое-же одѣяніе получали завѣдующій «сокровищницей питья» и помощникъ его. Изъ получавшихъ шелковыя одежды, въ интересахъ новогодняго выѣзда, отмѣчаемъ четырехъ славянъ, состоявшихъ при опахалахъ. Далѣе, пять *устадовъ*, состоявшихъ при зонтикахъ и шесть *устадовъ*-«конюховъ», состоявшихъ при верховыхъ животныхъ (вѣроятно состоявшихъ при тѣхъ изъ нихъ, которыя играли наиболѣе важную роль въ процессіи), получали каждый — тюрбанный шарфъ изъ Сусійской ткани (سوسىّ)[1], два костюма изъ тканей Димьяти (دمياطىّ) и Искендерани (اسكندرانىّ) и перевязь (فوطة, не عرضىّ).

Число одеждъ везира опредѣляется числомъ, равнымъ числу одеждъ халифа, т. е. одиннадцать, но подробнаго описанія не дается; выдавались также одежды для женъ его и для сыновей.

Секретарь халифской канцеляріи (كاتب الدست الشريف)[2] получалъ

1) Dozy, Vêtements, 317 и Supplément, I, 701.
2) Sacy, Chrestomathie, I, 133 и Quatremère, Mamlouks, II, 2, 239.

вышитое золотомъ одѣяніе изъ пяти частей, *кумма* (круглой, высокой шапки[1]) и перевязи (عرضىّ). Завѣдующій *хаджибами* (т. е. камергерами; въ текстѣ вмѣсто حجبة стоитъ حبية)—шитое золотомъ одѣяніе. Кади (вѣроятно قاضى القضاة) полагалось вышитое золотомъ одѣяніе изъ четырехъ частей, *кумма* и перевязи (عرضىّ). Проповѣднику (вѣроятно داعى الدعاة) — вышитое золотомъ одѣяніе. Начальнику *шарифовъ* (см. Калькашанди, 183, гдѣ نقابة الطالبين надо исправить въ نقابة الطالبيّين)—вышитое шелкомъ одѣяніе изъ трехъ частей и перевязи (فوطة). Такое же одѣяніе получалъ и завѣдующій канцеляріей составленія бумагъ халифа (объ этой канцеляріи ديوان الانشآء, см. Калькашанди, 188). Завѣдующій канцеляріей переписки халифа (ديوان المكاتبات — см. Калькашанди, 188), получалъ шитое золотомъ одѣяніе изъ трехъ частей и *кумма*. «Составитель бумагъ въ канцеляріи переписки» получалъ шитое золотомъ одѣяніе изъ трехъ частей, *кумма* и *зуннара* (это слово видимъ мы въ испорченномъ чтеніи текста مزنر; возможно, что этотъ внѣшній знакъ христіанъ долго держался въ костюмѣ египетскихъ писцовъ потому, что нѣкогда копты несли обязанности переписки); писцы-же получали шитыя шелкомъ одежды. «Завѣдующій канцеляріей засѣданій» (ديوان المجلس, о которомъ см. Калькашанди, 192) получалъ шитую золотомъ одежду изъ пяти частей, *кумма* и перевязи (عرضىّ), жена-же его полное женское одѣяніе. «Завѣдующій списками засѣданій» (متولّى الدفتر — о немъ см. Калькашанди, 192) — одѣяніе (вѣроятно шитое золотомъ, такъ какъ сынъ его получалъ шитое шелкомъ). Завѣдующій правительственной гостиницей (دار الضيافة)[2]) получалъ шитое золотомъ одѣяніе; различные гости, являвшіеся къ правительству, и послы получали — одни шитое золотомъ, другіе шитые шелкомъ платье. Начальники стремянныхъ юношей получали вышитыя золотомъ одѣянія; тѣ-же четверо, которые шли у уздечки — шитыя шелкомъ, такъ же какъ три (старшихъ) «доѣзжачихъ». Изъ двадцати двухъ «избранныхъ слугъ» (الخاصّ من الفرّاشين), четыре главныхъ получали вышитыя золотомъ одежды, остальные-же — шитыя шелкомъ. Придворные врачи (см. Калькашанди, 195), равно, какъ восемь человѣкъ, прислуживавшихъ халифу въ банѣ, за исключеніемъ начальника ихъ, получавшаго

---

1) Dozy, Vêtements, 389 и Supplément, II, 487.

2) Dozy, Supplément, II, 17. Этимъ извѣстіемъ опровергается сообщеніе Калькашанди, 82, что до Айюбидовъ правительство не заботилось объ устройствѣ гостиницъ и страннопріимныхъ домовъ въ Египтѣ. Ср. у него-же 66.

шитую золотомъ одежду, всѣ получали одежды, шитыя шелкомъ. Наконецъ, оба *вали*, Кахиры и Мисра, получали по вышитой золотомъ одеждѣ.

Заключительный рядъ перечисленій состоитъ изъ названій тѣхъ лицъ и полагавшихся имъ одеждъ, которыя имѣли опредѣленныя служебныя обязанности во время халифскихъ процессій. Эта часть описаній особенно интересна для насъ, въ виду отношенія къ наиболѣе торжественному халифскому выѣзду—новогоднему.

Несшій «славное копье» и щитъ Муʿизза въ задней половинѣ процессіи, получалъ шитое шелкомъ одѣяніе[1]). Два человѣка, несшіе также относимыя къ Муʿиззу два копья, но уже въ передней части процессіи и безъ щитовъ, — получали каждый шарфъ для тюрбана, платье и перевязь (فوطة). Эти копья, прибавляетъ текстъ, не были арабскія, а персидскія (خشوت), привезенныя еще Муʿиззомъ изъ Магриба[2]). Несшіе справа и слѣва два «знамени славы», являвшіяся инсигніями халифа, получали каждый по одѣянію (какому—не указано)[3]). Надсмотрщикъ за «муломъ процессіи», на которомъ, объясняетъ текстъ, везли весь Магрибскій уборъ т. е., какъ мы думаемъ, зонтикъ — получалъ шитое шелкомъ платье. Это мѣсто требуетъ объясненій. Выше мы уже видѣли, что въ конюшнѣ заготовляли для халифа — лошадь, а для зонтика — мула. Въ нынѣ-же занимающемъ насъ текстѣ, полагавшееся несшему зонтикъ, т. е. шитая шелкомъ одежда, приводится непосредственно за сейчасъ упомянутой фразой. Изъ этого мы заключаемъ, что подъ «Магрибскимъ уборомъ» разумѣется именно зонтикъ. Изъ десяти «избранныхъ юношей», несшихъ десять арабскихъ [мечей][4]), крытыхъ (т. е. въ ножнахъ) *дибаджемъ*, въ задней половинѣ процессіи, каждый получалъ тюрбанный шарфъ, платье и перевязь (فوطة). Несшіе въ задней половинѣ процессіи изображеніе льва — получали шитое шелкомъ одѣяніе[5]). Каждый начальникъ «юношей свиты», а ихъ было двадцать, получалъ одѣяніе (какое—не указано). Шитую шелкомъ одежду получалъ каждый изъ начальниковъ тѣхъ слугъ (الفرّاشون), которые были по рангу ниже: «избранныхъ слугъ», слугъ пріемной залы халифа и слугъ сокровищницы избранныхъ одеждъ. Семь слугъ въ сокровищницахъ одеждъ

---

1) Объ этомъ лицѣ было упомянуто въ описаніи выѣзда.

2) О нихъ, какъ и о несшихъ ихъ, въ нашемъ описаніи процессіи ничего не говорится. См. наше прим. 22.

3) Объ этихъ знаменахъ и несшихъ ихъ уже говорилось въ описаніи выѣзда.

4) Въ текстѣ стоитъ رماح, но изъ числа десять и указанія на матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы ножны (ديباج), мы заключаемъ, что дѣло идетъ о тѣхъ мечахъ, которые неслись въ процессіи новогодняго выѣзда и назывались — سيوف الدم. Въ рук. Учебнаго Отд. вмѣсто العربية — المغربية.

5) О нихъ уже сказано въ нашемъ текстѣ.

получали каждый тюрбанный шарфъ изъ Сусійской ткани и по два платья изъ ткани Искендерани. Эти слуги, въ ночь выѣзда, перевязывали передъ халифомъ, «знамена славы», «серебряныя копья», знамена везирата и пр., причемъ онъ собственноручно накладывалъ перевязь, они же доканчивали завертыванье. Четырнадцать человѣкъ, служившихъ для несенія «серебряныхъ копій» и двухъ небольшихъ знаменъ-инсигній везирата — получали то-же. Шитыя шелкомъ одѣянія получали, кромѣ того: завѣдующій сокровищницей ароматовъ (въ которой хранились значки изъ драгоцѣнныхъ камней, сопровождавшіе халифа при торжественныхъ выѣздахъ его, равно какъ мечъ и три копья Муʿизза), завѣдующій сокровищницами сѣделъ, завѣдующій сокровищницами ковровъ, писецъ государственнаго казначейства, завѣдующій сокровищницами питья и завѣдующій сокровищницами книгъ [1]).

Таково было то распредѣленіе почетныхъ одеждъ, о которомъ Ибн-ал-Мамунъ сообщилъ намъ вкратцѣ, примѣнительно къ частному случаю. Изъ данныхъ имъ матеріаловъ, мы выдѣлили общее и казавшееся намъ наиболѣе существеннымъ для поясненія переведеннаго нами текста описанія торжественнаго выѣзда.

1) Почти по окончаніи печатанія мы обратили вниманіе на невыдержанность написанія слова insignia. Въ то время какъ множ. ч. мы образовывали въ женскомъ родѣ (какъ regalia, регаліи — отъ регалія), един. ч. мы писали инсигній (отъ слова средняго рода insigne). Извиняемся въ этомъ передъ читателями.

Цѣна 1 руб.

DATE DUE			

